
ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з сакавіка 1969 года
адзін раз у чатыры месяцы

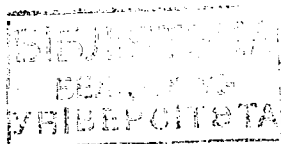

СЕРЫЯ 3

Гісторыя
Філасофія
Псіхалогія
Паліталогія
Эканоміка
Права

3'98

ЛІСТАПАД

МІНСК
"УНІВЕРСІТЭЦКАЕ"

Галоўны рэдактар В.Р. РУДЗЬ
Адказны сакратар П.М. БАРАНОЎСКІ

Рэдакцыйная калегія серыі:

П.І. БРЫГАДЗІН (адказны рэдактар),
В.М. ГАДУНОЎ, А.І. ЗЕЛЯНКОЎ (нам. адказнага рэдактара),
Ю.Л. КАЗАКОЎ (адказны сакратар), **У.Л. КЛЮНЯ, Г.М. КУЧЫНСКІ,**
С.В. РАШЭТНІКАЎ, У.М. ХОМІЧ, А.В. ШАРАПА, А.А. ЯНОЎСКІ

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Регистрационный №805

ВЕСТНИК БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 3, №3, 1998

Издательство "Універсітэцкае".

220048, Минск, пр. Машерова, 11. Дом книги.

Адрес редакции: 220080, Минск, Университетский городок, тел. 220-65-42.

На русском и белорусском языках

Рэдактар **А.А. Сычоў**

Мастацкі рэдактар **Дз.Я. Дзвін**

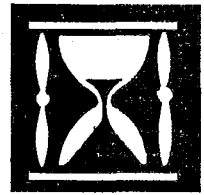
Тэхнічны рэдактар і карэктар **Г.І. Хмарун**

Набор і вёрстка выкананы ў рэдакцыі часопіса **Г.М. Добыш** і **У.А. Сямёнавым**

Падпісана да друку 26.11.98. Фармат 70х108 1/16. Папера афс. Друк афсет. Ум. друк.
арк. 7,0. Ум. фарб.-адб. 7,52. Уп.-выд. арк. 8,05. Тыраж 510 экз. Заказ 2608. Цана 25000 р.

Надрукавана з готовых дыяпазітываў заказчыка ў друкарні выдавецтва "Беларускі
Дом друку". 220013, Мінск, праспект Ф. Скарыны, 79.

© Веснік Белдзяржуніверсітэта, 1998

А.Б.БАГДАНОВІЧ

ДА ПЫТАННЯ АБ КАНФЕСІЙНЫМ КАМПАНЕНЦЕ Ў ВЫЗНАЧЭННІ ЭТНІЧНАЙ САМАСВЯДОМАСЦІ ЎСХОДНЕСЛАВЯНСКАГА НАСЕЛЬНІЦТВА БЕЛАРУСІ ПЕРЫЯДУ СЯРЭДНЕВЯКОЎЯ

Пытанне аб этнічнай самасвядомасці ўсходніх славян, якія пражывалі на тэрыторыі Беларусі ў сярэднявекі, з'яўляецца малавывучаным, больш таго, да нядаўняга часу яно "не мела статуса самастойнай навуковай праблемы"¹.

У эпоху сярэднявекі адным з важнейшых вызначаючых кампанентаў этнічнай самасвядомасці з'яўлялася канфесійная прыналежнасць. І невыпадкова такія буйныя вучоныя, як Д.С. Ліхачоў, С.А. Багуслаўскі, адзначалі, што цэнтральнай з'явай "Аповесці мінулых гадоў" з'яўляецца хрышчэнне Русі².

Так і старажытны летапісец лічыць, што менавіта гэтая з'ява вывела на гістарычную арэну новы народ – рускіх: "господь в вѣкы пребываясь, хвалим от руських сынов, неваем в тращи, а дѣмани проклинаям от благоверных муж и от верных жен, иже приняли суть хрещенье и понятие в отпущенье грехов новым людем хрестыанстии с избрании богом"³.

Вядомы гісторык В. Ластоўскі заўважыў, што пераход у новую веру ("рускую") разглядаўся ў той час як адначасова і пераход у новую нацыянальнасць – рускую⁴.

Аўтар "Аповесці мінулых гадоў" падкрэслівае "богавыбранне" рускага народа: "благословен господь Иисус Христос иже возлюбил новыя люди, Русьскую землю и просвети ю хрещеньям святым"⁵.

Прыняцце хрысціянскай рэлігіі не толькі аб'яднала жыхароў Русі, яно ўводзіла ў сям'ю цывілізаваных еўрапейскіх народаў, далучала іх да старажытнай культуры. Візантыйская ж імперыя з'яўлялася да X ст. найбольш развітой краінай сярэднявечковай Еўропы, своеасаблівым культурным мастом паміж еўрапейскай поўначчу, азіяцкім усходам і афрыканскім поўднем. Адным з найважнейшых аспектаў распаўсюджвання хрысціянства з'яўляецца, па словах Ф.Энгельса, "тэалагічнае адзінства феадальнага грамадства. Язычніцтва ж сваімі мясцовымі культамі сур'ёзна затрымлівала працэсы кансалідацыі"⁶.

Прыняцце хрысціянства князем Уладзімірам звязана з хрышчэннем яго маці Вольгі. Гэта прэлюдыя да цэнтральнай з'явы летапіснага зводу. У артыкуле за 955 г. летапісец укладае ў вусны хрысціўшага княгіню Вольгу патрыярха наступныя словы: "Благословенна ты в женах русских, яко возлюбил свет, а тьму остави; благослови ты хотять сынове растии и в последний род внук твоих"⁷. Летапісец, такім чынам, звязвае зямлю Рускую з рускімі жонкамі і сынамі, г.зн. з усім народам рускім.

У трактаце Канстанціна Багранароднага "Тлумачэнні царскага чыну" дэталёва апісаны прыём, учынены візантыйскім імператарам у сувязі з прыездам Вольгі ў Канстанцінопаль. У трактаце Вольга названа княгіняй рускай⁸.

Уладзімір, хрысціўшыся ў 988 г., "повеле кумиры испровреци, авы исьмии, а другие огневи предати"⁹.

Першым кіеўскім мітрапалітам быў Леон ці Леў, прысланы з Канстанцінопаля ў 991 г. На жаль, "Аповесць мінулых гадоў" нічога не гаворыць аб

першым уладыку. Назначэнне мітрапаліта з'явілася немалым поспехам Уладзіміра, таму што падымала міжнародны прэстыж Рускай зямлі. Наогул Уладзімірам было створана восем епархій. У буйнейшыя гарады Русі накіроўваліся епіскапы. Адным з найважнейшых гарадоў Русі ў той час лічыўся Полацк. Таму хрышчэнне полацкага краю адносіцца да часоў Уладзіміра, пры ім жа была адкрыта ў Полацку і епархія; у гэты ж час ствараецца епархія і ў Тураве. Епіскапы полацкія і тураўскія назначаліся Кіеўскім мітрапалітам.

Яраслаў Мудры дабіваўся ўмацавання рускай мітраполіі, пашырэння яе правоў. Для гэтага патрэбен быў мітрапаліт з усходніх славян і кананізацыя славянскіх святых. Першую задачу ў 1051 г. вырашыў сабор епіскапаў, які абраў мітрапалітам Іларыёна.

Веліч княжаскай палітыкі была падмацавана буйным будаўніцтвам. Так, у Кіеве "заложи Ярослав город великий, у него же града суть Златая врата; заложи же и церковь святых Софья ... церковь на Златых вратах святых Богородицы и благовещение, святого Георгия монастырь и святых Ирины"¹⁰.

Пабудаваны ў Кіеве ў 1037–1057 гг. Сафійскі сабор сімвалізаваў веліч Рускай дзяржавы. У той жа час будуюцца аналагічныя кіеўскаму сабору цэрквы Святой Сафіі ў Ноўгарадзе (1045–1052) і Полацку. Так, паміж 1044–1066 гг. пабудаваны першы на Беларусі мураваны храм – полацкі Сафійскі сабор. Пад уплывам старажытнарускай, візантыйскай і заходнееўрапейскай архітэктуры склаліся полацкая і гродзенская школы дойлідства. Гісторыя захавала імёны дойлідаў: полацкага Іаана і гродзенскага Пятра Міланега. Гэты тып архітэктуры характэрны і для Вялікага сабора Бельчыцкага манастыра пад Полацкам, узведзенага ў першай палове XII ст.

Вялікае значэнне для фарміравання самасвядомасці беларусаў мела пропаведзь першага рускага мітрапаліта Іларыёна "О законе, Моисеом данным ему, и о благодати". Пропаведзь Іларыёна прасякнута патрыятычнымі матывамі, яна праслаўляе князя Уладзіміра за тое, што ён увёў хрысціянства, Ігара і Святаслава – за мужнасць і перамогі над ворагамі.

Іларыён стварыў сапраўдны гімн Радзіме, адзначыўшы, што рускія князі правілі "не в худе бо и в неведоме земли владычествовавши, но в Русской, яже ведома и слышима есть всеми концы землѣ..."¹¹

Цікавай крыніцай па вывучэнню этнічнай самасвядомасці з'яўляецца найстаражытны заканадаўчы помнік старажытнарускай дзяржавы – "Правда руская". Акадэмік Я.Ф.Карскі правёў вялікую працу па падрыхтоўцы "Правды" да выдання; ён паведаў аб дзеянні дадзенага заканадаўства на тэрыторыі Беларусі¹². Праваслаўнае духавенства сачыла за захаваннем норм "Правды руской". Калі ўсходнія славяне прынялі хрысціянства, то злачынаствамі аказаліся многія справы, якія дагэтуль такімі не лічыліся, гэта: мнагажэнства, бракі ў блізкай ступені роднасці, усе віды чараўніцтва. Наогул, шлюб у старажытнасці надавалася важнае значэнне. Нормы звычайнага права цесна перапляталіся з рэлігійнымі вераваннямі і дагматамі царквы, а прадстаўнікі духавенства актыўна ўдзельнічалі ў разглядзе судовых спраў.

В.О.Ключэўскі адзначаў, што "Правда руская" увогуле дзейнічала ў сферы царкоўнага суда, у сферы царкоўнай юрыспрудэнцыі¹³. Д.С.Ліхачоў лічыць, што ў абавязкі духавенства хрысціянскай краіны ўваходзіла азнаёміць народ у першую чаргу з нормамі права, а ўжо потым з культурай¹⁴. Такім чынам, "Правда руская" распаўсюджвала сваё дзеянне на ўсходнеславянскае насельніцтва Беларусі.

Паэтычны стыль выдатнага царкоўнага дзеяча, пісьменніка і прамоўцы, епіскапа Кірылы Тураўскага блізкі да "Слова об палку Ігаравым"; яго прамовы ўяўляюць сабой узоры царкоўнага красамоўства. Нездарма сучаснікі прызвалі яго Златавустам.

Пасля смерці К.Тураўскага ў канцы XII ст. невядомым аўтарам было напісана "Жытие святого нашего айца Кирылы, епископа Тураўскага". У жыцці гаворыцца, што "блажынны Кірыла нарадзіўся і ўзгадаваўся ў рускім горадзе Тураве". Падкрэсліваюцца яго заслугі перад роднай зямлёй:

"прыйдзіце ж сёння браты ўсхваліць сваяго свяціцеля такімі словамі: "Радуйся святару, шануюны настаўніча, наш другі Залатавуст, што праззяў больш за ўсіх на Русі! Радуйся свяціцелю, бо найсвятлейшым вучэннем сваім асвятліў землі рускія"¹⁵.

Вельмі важна ў вывучэнні этнічнай самасвядомасці выхадцаў з Беларусі з'яўляецца разгляд "паломніцкай літаратуры", напісанай нашымі землякамі пасля наведвання імі "святой зямлі", іх успамінаў аб наведванні цэнтраў праваслаўя – Канстанцінопаля і Афона. Менавіта ж далёка ад Радзімы чалавек найбольш дакладна вызначаў сваю этнічную прыналежнасць.

Цікавым помнікам паломніцкай літаратуры з'яўляецца "Житие и хождение Данила, руския зямли игумена". Ігумен Даніла здзейсніў у 1106–1107 гг. вандраванне ў Палесціну. Прайшлі стагоддзі, але як дакладна адлюстравалі старажытнарускі вандроўнік стан чалавека, які выехаў за мяжу без спадарожнікаў-сяброў, не ведаючы замежнай мовы! У "святой зямлі" Даніла лічыць сябе прадстаўніком ад "руськия землі"¹⁶. У сваёй малітве ў Іерусаліме ён называе імёны князёў Глеба Усеславіча Мінскага, Давыда Усеславіча і Барыса Усеславіча, сыноў полацкага князя Усеслава Чарадзея: "А яко во всех мѣстах святых не забыть имён князь руских и княгинь, и детей их, и епископ и игумен и бояр и дѣтей моих духовных и всѣхъ христиан николи же не забыл есмь; но во всех святых местах поминал"¹⁷.

Патрэбна адмеціць, што паколькі "Руськая зямля" з'яўлялася цэнтрам мітраполіі, а хрысціянства распаўсюдзілася на ёй дастаткова рана і шырока, то і пануючую праваслаўную канфесію сталі называць "рускай", звязваючы яе з "рускай зямлёй" у вузкім сэнсе. У працэсе распаўсюджвання праваслаўя сярод славян-язычнікаў яго прыхільнікі пачалі звацца "рускімі", што атаясамлівалася з паняццем "хрысціянін".

Як падкрэслівае даследчык Э.Зайкоўскі, у той час сама назва "рускі" была перш за ўсё канфесіёнімам¹⁸. Знікненне назваў "крывічоў", "дрыгавічоў", "радзімічаў" звязана як з працэсамі рэгіянальнай этнакансалідацыі, так і з прыняццем "рускай веры". Паколькі ў сярэднявёкаўі дамінуючай была не нацыянальная самасвядомасць, а канфесіянальная, то і ў свядомасці прадстаўнікоў феадальнага саслоўя тэрмін "Русь" пачаў паступова азначаць частку тэрыторыі ўсходняй Еўропы, на якой жылі праваслаўныя, і іх пачалі лічыць "рускімі". Свецкая разнастайнасць царкоўнаславянскай мовы, якая часткова ўспрыняла мясцовыя асаблівасці, пачала называцца "руским языком".

Уваходжанне беларускіх зямель у Вялікае княства Літоўскае першасна пачаткова не прывяло да змяненняў у этнічнай самасвядомасці славянскай часткі жыхароў дзяржавы. Вялікія князі літоўскія ў адносінах да ўсходнеславянскага насельніцтва доўга прытрымліваліся прынцыпа "старіны не рухати", згодна з якім практычна ўсе ўзаемаадносіны і прававыя нормы папярэдняга часу не толькі захоўваліся, але і выконваліся. Усходнеславянскае насельніцтва Беларусі атрымала ў спадчыну не толькі "рускае права", размоўную мову, мову летапісаў, але і этнічную самасвядомасць. Калі ж у 1386 г. Вялікі князь Уладзіслаў-Ягайла, пасля жаніцбы на польскай каралеве Ядвізе, быў абраны каралём Польшчы і прыняў каталіцтва, прымусова мянялася і этнічная самасвядомасць насельніцтва.

Вядома, што Вялікае княства Літоўскае было дзяржавай шматканфесійнай. Язычніцтва з'яўлялася натуральным становішчам для аўкштайтаў і жэмайтаў. Так, Аўкштайтыя заставалася язычніцкай да 1387 г., Жэмайцыя – да 1414, а схіленне ў новую веру не заўсёды было добраахвотным.

Нашы продкі актыўна гандлявалі з суседзямі; славянам, што пасяліліся ў Рызе, ужо ў XIII ст. даваліся грамадзянскія правы. У Рызе нават быў так званы "русский конец", там знаходзіліся лаўкі купцоў, а ў прадмесці горада знаходзілася "руская вёска". Большасць пасяленцаў былі з Полацка і прыдзвінскіх абласцей.

Разгледзім два дакументы: гандлёвы дагавор Полацка з Рыгай і вялікакняжацкую грамату 1480 г. Гандлёвы дагавор быў заключаны ў 1406 г. У ім адзначаецца: "полочане и рижане должны друг друга защищать, оберегать и

обороняць, як сябе саміх у сваіх гарадах. А калі рускі купец прывініцца ў Рызе, яго трэба адправіць у Полацк і судзіць па праве"¹⁹. А ў вяліка-княжацкай грамадзе пішацца: "нам блюсты Псковіціна як і Літвіна, а вам Літвіна нашага блюсты як і Псковіціна"²⁰. Чаму фактычна аднолькавыя па сэнсу дакументы маюць розную этнанімічную афарбоўку? Ды таму, што жыхары Полацка ў большасці з'яўляліся праваслаўнымі і іх этнонім – русіны, рускія, як ужо адзначалася, быў звычайным.

І нарэшце назіраўся канфесійны прэсінг супраць праваслаўных жыхароў Вялікага княства з боку Віленскага епіскапства, заснаванага прывілеем Ягайлы ад 17 лютага 1387 г. Яно ўключала фактычна ўсю тэрыторыю Беларусі, манаскія ордэны францысканцаў, бернардзінцаў і аўгусцінцаў. Анты-праваслаўнай была і вялікакняжацкая дзяржаўная палітыка. У 1481 г. была прынята пастанова аб забароне будаўніцтва праваслаўных храмаў на тэрыторыі Вялікага княства. Не прызнаваліся і перадачы земляў праваслаўнай царкве і манастырам у якасці падарункаў і завяшчанняў.

Няпростое становішча праваслаўнага насельніцтва Вялікага княства адлюстроўваюць адпіскі пад'ячага Ф. Шэстова намесніку г. Вязьмы князю Турэню-Абаленскаму, састаўленыя ў 1498 г. Вось невялікая вытрымка з гэтых адпісак: "... все наше православное христианство хотят окстити ино нашу Русь... Литвою не любят"²¹.

Зразумела, праваслаўныя жыхары Вялікага княства не маглі змірыцца з каталіцкім гвалтам. Выразнікам гэтага незадавальнення стаў брат Ягайлы, Свідрыгайла Альгердавіч, пасля смерці Вітаўта ў 1430 г. – Вялікі князь. У адной з пісьмовых крыніц XV ст. Свідрыгайлу называюць "Великий князь Швидригал Русский"²².

Нашы продкі працягвалі лічыць сябе "русінамі", "русью", "рускімі". Але паступова рос міжнародны аўтарытэт Вялікага княства і ў дзяржаўна-палітычным кантэксце любі жыхар дзяржавы мог называць сябе "літвінам".

Першыя ўпамінанні аб Белай Русі адносяцца да XIV ст., але вялікая дыстанцыя паміж спарадычнымі назвамі тэрыторый і самасвядомасцю народа, які жыве на ёй.

Вядома, што хаця праваслаўная царква ў ВкЛ паступова страчвала свае грамадска-палітычныя пазіцыі, але яна засталася асноўнай захавальніцай усходнеславянскіх традыцый у галіне культуры. Крыніцы даюць падставу гаварыць аб магутным культурным уплыве Русі на Літву, якая па складу насельніцтва і асаблівасцям жыцця ўяўляла сабой больш рускае, чым літоўскае княства.

Выдадзены ў 1447 г. Вялікім князем Казімірам агульназемскі прывілей гарантаваў праваслаўным феадалам ВкЛ эканамічныя і палітычныя правы нароўні з феадаламі-католікамі. Але на практыцы доступу да вышэйшых дзяржаўных пасадаў феадалам-некатолікам не было. Гэта вяло да акаталічвання беларускай шляхты і ў выніку збліжала феадалаў розных нацыянальнасцей на базе адной сацыяльнай платформы і прыводзіла да ўзмацнення такога кампанента, як дзяржаўны патрыятызм.

Разгледзім дагаворную грамаду Вялікага князя Казіміра Ягелонавіча са Псковам; грамата датуецца 1440 г.: "или Лях, или Русин, или Полочанин, или Витебчанин, или Смоленнин... тороговати во Пскове без пакости. Також и псковичам... путь чист в Литовскую землю, а торговати во всей Литовской земле без пакости"²³.

Градацыя насельніцтва Вялікага княства па канфесійнай прымеце прасочваецца нават у тытуле Жыкгімонта: "Жыкгимонт, Божю милостью корол полский, великий князь литовский, руский и иных многих земель господарь."²⁴ Рускімі землямі называлі тэрыторыю, занятую ў асноўным праваслаўным насельніцтвам. Назва захоўвалася вельмі доўга. Да першай паловы XVI ст. большая частка насельніцтва Беларусі ўваходзіла ў склад аўтакефальнай праваслаўнай мітраполіі на чале з мітрапалітам Кіеўскім і ўсёй Русі.

Колькасць праваслаўных царкваў мітраполіі ў XVI ст. (яна ахоплівала землі Беларусі, Украіны, частку Літвы і Польшчы) дасягала некалькіх тысяч.

Афіцыйна мітрапаліта прызначаў Канстанцінопальскі патрыярх. Але фактычна заходнерускіх мітрапалітаў выбіраў Вялікі князь, які разлічваў на лаяльнасць святароў да яго палітыкі. Нелаяльны мітрапаліт аказваўся ў складаным становішчы: Вялікі князь мог нават выгнаць яго, апраўдваючыся, напрыклад, наступным чынам: "не хочачы оскудения видети митрополии Киевской и славя с нашею братьею, с князьями Русскими наших Русских земель того Фотья изгнали"²⁵. Цікавая таксама спасылка Вітаўта на неабходнасць парайца з праваслаўнымі феодаламі Вялікага княства, г.зн. "князьями рускими"²⁶.

Брэсцкая ўнія 1596 г. аб'яднала праваслаўную і каталіцкую царквы. Вось як характарызуе гэту падзею летапіс: "кагда ж тот зъезд только народу рускому зложон, дознавши его быть и тех владыков отщепенцами, оных за пастыров не мети"²⁷. Люблінская і Брэсцкая ўнія садзейнічалі акаталічванню і паланізацыі праваслаўнага насельніцтва Вялікага княства Літоўскага.

¹ Чаквин И. В., Терешкович П. В. // Советская этнография. 1990. №6. С.42.

² Лихачев Д. С. Национальное самосознание Древней Руси. М., 1947. С.23.

³ Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч.1. С.82. (У далейшым – ПВЛ).

⁴ Ластовский В. История белоруской (крыўскай) кнігі. Коўно, 1926. С.7.

⁵ ПВЛ. С.82.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.21. С.495.

⁷ ПВЛ. С.44.

⁸ Константин Богрянородный // Изв. гос. академии истории материальной культуры. Вып.91. М.; Л., 1934. С.47.

⁹ ПВЛ. С.47.

¹⁰ Там жа. С.102.

¹¹ Хрестоматия по древней русской литературе. М., 1955. С.32.

¹² Правда русская: Тексты. М.; Л., 1940. Т.2. С.515.

¹³ Ключевский В. О. Соч. в 9 т. М., 1987. Т.1. С.219, 222; Он же. Специальные курсы. М., 1989. Т.7. С.85.

¹⁴ Лихачев Д. С. Национальное самосознание Древней Руси. С.12.

¹⁵ Памяць Святога нашага бацькі Кірылы, епіскапа Тураўскага // Спадчына. №2. С.33.

¹⁶ Православный палестинский сборник. СПб., 1885. Т.3. Вып.3(9). С.128.

¹⁷ Там жа. С.140.

¹⁸ Зайкоўскі Э. Беларусіка. Кн.2. Фарміраванне і развіццё нацыянальнай самасвядомасці беларусаў. Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі. Маладзечна, 1992. С.264–265.

¹⁹ Полоцкие грамоты. М., 1977. Вып.1. С.105.

²⁰ Там жа. С.93.

²¹ Там жа. С.32.

²² Акты Западной России. СПб., 1846. Т.1. С.50.

²³ Там жа. С.51.

²⁴ Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. Ф.КМФ-18, воп.1, спр.8, арк.28.

²⁵ Акты Западной России. СПб., 1846. Т.1. С.36–37.

²⁶ Там жа.

²⁷ Помнікі старажытнай беларускай пісьменнасці. Мн., 1978. С.126.

Н.А.ГЛУШАКОВА

ПРАБЛЕМА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎЛАДКАВАННЯ БЕЛАРУСІ Ў ДЗЕЙНАСЦІ БЕЛАРУСКІХ ЭСЭРАЎ (снежань 1918–ліпень 1920 гг.)

Распад Расійскай імперыі пасля Лютаўскай рэвалюцыі 1917 г. прыметна актывізаваў беларускі грамадска-палітычны рух. Нацыянальная ідэя авалодала свядомасцю многіх беларусаў-вайскоўцаў, сялян, рабочых, бежанцаў. Носьбітам гэтай ідэі стала нацыянальная інтэлігенцыя, аб'яднаная ў палітычных партыях і грамадскіх арганізацыях. Беларускі народ апынуўся перад праблемай выбару свайго нацыянальна-дзяржаўнага ідэалу. Пры гэтым пошук форм будучага дзяржаўнага ўладкавання края характарызаваўся супрацьборствам розных палітычных сіл, што змагаліся за ўладу. Кожная плынь грамадска-палітычнага руху па-свойму разумела мэты і шляхі рэалізацыі права беларускага народа на самавызначэнне, сацыяльныя і эканамічныя асновы будучай дзяржавы.

Сваю канцэпцыю нацыянальнага адраджэння Беларусі распрацавала і партыя беларускіх сацыялістаў-рэвалюцыянераў, што ўзнікла ў красавіку 1918 г. у выніку расколу Беларускай Сацыялістычнай Грамады. У яе аснову была

пакладзена ідэя ўласна-беларускага дзяржаўнага жыцця, з якой белэсэры звязвалі перспектывы палітычнага, эканамічнага і духоўнага росквіту свайго народа. Так, яны рашуча адхілілі ідэю грамадоўцаў аб тэрытарыяльнай аўтаноміі Беларусі ў межах Расійскай дэмакратычнай федэратыўнай рэспублікі і выступілі за прызнанне права на свабоднае самавызначэнне за ўсімі народамі былой Расійскай імперыі, у тым ліку і за беларусамі. "Беларусь – па іх меркаванні – павінна была канстытуіравацца як незалежная народная рэспубліка ў межах этнаграфічнага рассялення беларускага народа. Асноўныя законы і форма ўлады ўстанаўліваюцца Усебеларускім Устаноўчым Соймам, выбраным на аснове агульнага, роўнага, тайнага, прапарцыянальнага выбарчага права"¹.

Абвешчаныя ідэі нацыянальнай свабоды і дзяржаўнай самастойнасці белэсэры паспрабавалі рэалізаваць у рамках Беларускай Народнай Рэспублікі, увайшоўшы ў склад яе кіруючых органаў. Але ва ўмовах нямецкай акупацыі (вясной 1918 г. кайзераўскія акупанты занялі заходнія і цэнтральныя раёны Беларусі) па прычынах аб'ектыўнага і суб'ектыўнага характару БНР як рэальнае дзяржаўнае ўтварэнне не склалася.

Між тым напярэдадні вызвалення края ад нямецкай акупацыі ў беларускім нацыянальна-вызваленчым руху выразна акрэсліліся некалькі пунктаў гледжання на далейшыя шляхі дзяржаўнага будаўніцтва. Поруч з нацыянальна-дэмакратычнай плынню (Беларуская партыя сацыялістаў-рэвалюцыянераў, Беларуская сацыял-дэмакратычная партыя, Беларуская партыя сацыялістаў-федэралістаў), ідэалам якой была незалежная Беларусь, многія палітычныя партыі і рухі адстойвалі ідэю аўтаноміі Беларусі ў складзе Расійскай федэратыўнай рэспублікі (меншавікі, расійскія і яўрэйскія буржуазныя партыі, кіраўнікі Заходняй вобласці). З другога боку, актывізавалі сваю дзейнасць прадстаўнікі класава-рэвалюцыйнай плыні (прыхільнікі Белнацкама і Беларускіх секцый РКП(б)), якія настойліва дамагаліся рэалізацыі беларускім народам права на самавызначэнне на аснове савецкага ладу і ў саюзе з РСФСР. Пад уплывам гэтых арганізацый ідэя стварэння Беларускай Савецкай Рэспублікі набывае ў той час усё большую падтрымку.

21–23 снежня 1918 г. у Маскве адбылася канферэнцыя Беларускіх секцый РКП(б), якая прызнала неабходным стварэнне Часовага рабоча-сялянскага ўрада Беларусі, выбрала Цэнтральнае бюро Беларускіх секцый РКП(б) на чале з З.Жылуновічам. Канферэнцыя абвясціла ідэю "стварэння Беларускай Савецкай рэспублікі як фарпоста расійскай сацыяльнай рэвалюцыі".

У гэты ж час і ва ўрадзе РСФСР усё большае распаўсюджванне атрымлівае ідэя стварэння ўздоўж заходняй граніцы буферных савецкіх рэспублік, якія адмяжоўвалі б тэрыторыю рэвалюцыйнай Расіі ад непасрэднага межавання з капіталістычнымі краінамі.

Існаваў і яшчэ адзін аргумент на карысць абвясчэння Беларускай Савецкай дзяржавы. Справа ў тым, што кіраўніцтва БНР пачало дыпламатычную кампанію пратэсту супраць бальшавіцкай акупацыі Беларусі. А паколькі ССРБ не была яшчэ абвешчана і не быў створаны яе ўрад, то гэты пратэст па нормах міжнароднага права быў абгрунтаваны. Зразумела, што такая сітуацыя не задавальняла Расію.

Таму 24 снежня 1918 г. ЦК РКП(б) прыняў рашэнне аб утварэнні Беларускага Савецкага ўрада. Шоста Яўночна-Заходняя канферэнцыя РКП(б), якая адбылася ў Смаленску 30 снежня, абвясціла "самастойную Сацыялістычную Савецкую Беларускую Рэспубліку". У склад новага ўтварэння ўвайшлі пяць беларускіх губерняў: Мінская, Смаленская, Магілёўская, Віцебская і Гродзенская. Такім чынам, функцыі ўстаноўчага сходу і парламента Беларусі ўзяла на сябе партыйная канферэнцыя.

Сфарміраваны Часовы рабоча-сялянскі ўрад Беларусі на чале з З.Жылуновічам сваім Маніфэстам ад 1 студзеня 1919 г. абвясціў Беларусь "вольнай незалежнай Сацыялістычнай Рэспублікай".

Большасць беларускіх нацыянальных партый не прызналі ССРБ, разглядаючы яе як нешта незаконнае, штучнае, прынесенае звонку. Так, ЦК БПС-Р, застаючыся прыхільнікам незалежнасці БНР, заявіў, што ССРБ

не з'яўляецца ў поўным сэнсе дзяржавай і таму заклікаў сваіх палітычных саюзнікаў не падтрымліваць яе. "Будаванне беларускай дзяржавы, – тлумачыў пазіцыю эсэраў Т.Грыб, адзін з правадыроў партыі, – азначае стварэнне такіх фізічных і псіхалагічных абставін, калі беларускі народ сам будзе самастойным гаспадаром у сваім родным краі, будзе жыць паводле сваёй уласнай волі і розуму. Стварэнне гэтых абставін і ёсць стварэнне дзяржаўнасці, фундамент якой знаходзіцца ў свядомасці кожнага паасобнага беларуса, у палітычных, культурна-просветных, прафесійных, спажывецкіх, навуковых, мастацкіх і іншых арганізацыях... Дзеля гэтага пачынаць будаванне беларускай дзяржаўнасці трэба знізу, з фундаменту, а не з верху, са страхі"².

Пры гэтым белэсэры справядліва заўважалі, што рэальная палітыка большавіцкіх улад на той час была вельмі далёкай ад сапраўднага прызнання незалежнасці і непадзельнасці Беларусі. Не паспела сусветная грамадскасць азнаёміцца з Савецкай Беларуссю ў яе снежаньскіх межах, як 16 студзеня 1919 ЦК РКП(б) паставіў адабраць ад ССРБ тры губерні (Віцебскую, Смаленскую і Магілёўскую) і далучыць іх да РСФСР. А яшчэ праз два тыдні старшыня УЦВК Я.Свярдлоў паведаміў, што ЦК РКП(б) прыняў рашэнне зліць Беларускую і Літоўскую рэспублікі ў адну – Літоўска-Беларускую; тым самым Беларуская Савецкая Рэспубліка па загаду з Масквы падлягала ліквідацыі.

БПС-Р расцаніла такое вырашэнне праблемы беларускай дзяржаўнасці як "непапраўную памылку камуністаў". З гэтага становішча партыя бачыла адзінае магчымае выйсце: скліканне Другога Усебеларускага з'езду свабодна выбраных саветаў сялянскіх і рабочых дэпутатаў, прадстаўнікі якога самі вырашаць лёс Беларусі.

У дадзеным выпадку белэсэры выступілі не столькі супраць ідэі стварэння Беларуска-Літоўскай Рэспублікі, колькі супраць механізма яе рэалізацыі. Па іх меркаванні, павінна было мець месца не механічнае злучэнне, а цесны саюз свядомых народаў, на аснове якога была б створана незалежная федэратыўная савецкая Беларуска-Літоўская Рэспубліка. І беларусы, і літоўцы ў ёй, кожны на сваёй этнічнай тэрыторыі, былі б самастойнымі гаспадарамі. Таму як толькі "поўная незалежнасць у дзяржаўным жыцці можа даць народам сілу аб'яднацца нацыянальна і ўраўнавацца з іншымі народамі як культурна, так і эканамічна"³.

Антыбольшавіцкая пазіцыя БПС-Р у пытанні нацыянальнай дзяржаўнасці прывяла да таго, што партыя вымушана была перайсці на савецкай тэрыторыі на нелегальнае становішча.

Палітычная сітуацыя на Беларусі заставалася складанай. Вясной–летам 1919 г. цэнтральныя і заходнія раёны Беларусі былі акупіраваны польскімі войскамі. Палітыка гвалту і тэрору, накіраваная супраць беларускага народа, паставіла БПС-Р у апазіцыю да польскага рэжыму. У сакавіку 1920 г. белэсэры ствараюць Беларускі паўстанцкі камітэт як штаб антыпольскай барацьбы, пачынаюць фарміраванне ўзброеных партызанскіх атрадаў у тыле польскіх войскаў.

Лідэры БПС-Р імкнуліся ў гэты час аб'яднаць у антыпольскай барацьбе і змаганні за незалежнасць Беларусі ўсе палітычныя сілы. У снежні 1919 г. у Смаленску адбылася сустрэча прадстаўнікоў БПС-Р і КП(б)ЛіБ. Яе вынікам было сумеснае пагадненне аб аб'яднанні сіл у барацьбе супраць польскіх акупантаў.

Але саюз з большавікамі не быў доўгім і трывалым. Пайшоўшы на яго, белэсэры не адмовіліся ад сваіх ранейшых патрабаванняў, прынцыпова адстойваючы незалежнасць і непадзельнасць беларускай дзяржавы.

Чарговы з'езд БПС-Р, які нелегальна адбыўся 4 сакавіка ў Мінску, прапанаваў пачаць падрыхтоўку Усебеларускага працоўнага кангрэса прадстаўнікоў рабочых і сялян для вырашэння пытання аб дзяржаўнай уладзе на Беларусі пасля выгнання польскіх акупантаў⁴. Пры гэтым белэсэры зыходзілі з таго, што, па-першае, Беларусь – край аграрны, большасць яго жыхароў складае працоўнае сялянства, таму беларуская дзяржава па свайму характару і

ўнутранаму зместу павінна быць дзяржавай сялянскай. У сувязі з гэтым аб дыктатуры пралетарыяту ў рэспубліцы не можа быць ніякай гутаркі. Па-другое, Беларусь павінна быць дзяржавай непадзельнай і ні ад каго незалежнай, ніякія так званыя арыентацыі не могуць быць падставай яе дзяржаўнага ўладкавання.

Найлепшай формай арганізацыі ўлады белэсэры лічылі ўладу саветаў, якая не дапускае непрацоўных элементы ні ў якім выпадку да кіраўніцтва і не дае ім права ні выбіраць, ні быць абранымі. Выбары павінны праводзіцца свабодна, без нажыму з боку якой бы то ні было партыі альбо групы⁵.

Спецыяльная дэлегацыя БПС-Р на чале з членам ЦК П.Бадуновай на працягу сакавіка 1920 г. абмяркоўвала ў Маскве з наркамам па справах нацыянальнасцяў І.Сталіным пытанне аб адраджэнні пасля вызвалення ад польскай акупацыі нацыянальнай дзяржаўнасці беларускага народа. Ад імя БПС-Р П.Бадунова адстойвала прынцып суверэннасці беларускай дзяржавы, непадзельнасці яе тэрыторыі, неабходнасці стварэння кааліцыі палітычных сіл для сацыялістычных пераўтварэнняў⁶.

ЦК РКП(б) станоўча аднёсся да аб'яднання сіл бальшавікоў і белэсэраў у агульнай барацьбе супраць польскіх інтэрвентаў. Што ж датычыцца пытання аб дзяржаўнасці, то ў сувязі з цяжкім становішчам на Заходнім фронце яно было часова знята з абмеркавання⁷.

Вырашыць праблему канстытуіравання беларускай нацыянальна-дзяржаўнай улады беларускія эсэры паспрабавалі і пасля вызвалення Мінска ад бела-палякаў. У Маскву была накіравана яшчэ адна дэлегацыя ад БПС-Р у складзе Я.Бялевіча і Н.Козіча. Аднак станоўчых вынікаў гэты візіт не меў⁸.

Мясцовае ж бальшавіцкае кіраўніцтва ў дадзены момант заняло ў адносінах да партыі белэсэраў палітыку чакання. "Савецкая ўлада ў адносінах да БПС-Р... – сцвярджалася ў рэзалюцыі Прэзідыума ЦК КП(б)ЛіБ ад 11 мая 1920 г. – не можа адразу заняць відавочна варажую пазіцыю, улічваючы тыя вынікі, якія б гэта выклікала ў колах насельніцтва, што знаходзіцца пад іх уплывам. Таму згаджаючыся на іх легальную дзейнасць, камуністычная партыя павінна весці ідэйную барацьбу шляхам агітацыі і прапаганды"⁹.

Пасля вызвалення Мінска ад польскіх акупантаў, 11 ліпеня 1920 г., грамадзянская ўлада на вызваленай тэрыторыі перайшла да Мінскага губернскага рэўкама. У яго склад ўвайшлі прадстаўнікі ЦК КП(б)ЛіБ, Бунда, БКА і БПС-Р. У другой палове ліпеня паміж імі распачаліся перамовы. Была створана спецыяльная камісія, якая павінна была распрацаваць умовы супольнай дзейнасці. У камісію ўвайшлі ад КП(б)ЛіБ – А.Чарвякоў і В.Кнорын; ад БПС-Р – Я.Бялькевіч, П.Берднік і М.Пашковіч; ад БКА – У.Ігнатоўскі і ад Бунда – А.Ванштэйн. Пад час яе працы выявіліся прынцыповыя разыходжанні паміж камуністамі і белэсэрамі, асабліва па пытаннях дэкларавання незалежнасці Беларусі і яе межаў, дзяржаўна-палітычнага ладу рэспублікі і яе адносін да суседзяў, вырашэння зямельнай справы. Сябры БПС-Р настойвалі на дакладным вызначэнні ў акце абвяшчэння незалежнасці Беларусі этнаграфічных межаў беларускай савецкай дзяржавы, перадачы ўлады працоўным саветам, выбраным працоўнымі горада і вёскі на прапарцыянальных пачатках, на як мага хутчэйшым надзяленні сялян зямлёй¹⁰.

ЦК КП(б)ЛіБ адхіліў гэтыя патрабаванні і прадстаўнікі БПС-Р 31 ліпеня 1920 г. адмовіліся падпісаць "Дэкларацыю аб абвяшчэнні незалежнасці Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі Беларусі". Не ўвайшлі яны таксама і ў склад Ваенна-рэвалюцыйнага камітэта Беларускай рэспублікі, створанага напярэдадні, 30 ліпеня, хоць, як сведчаць архіўныя крыніцы, месца для іх выдзялялася¹¹.

У далейшым адносіны БПС-Р да Беларускай савецкай рэспублікі не былі катэгарычна адмоўнымі. Ужо летам 1920 г. у партыі намецілася размежаванне. Частка белэсэраў (А.Цвікевіч, К.Дуж-Душэўскі, Я.Мамонька) па-ранейшаму настойвалі на працягу барацьбы як супраць палякаў, так і супраць "імперыялістычных замахаў расейскіх камуністаў".

Другая частка партыйных лідэраў на чале з Т.Грыбам прытрымлівалася іншага меркавання. Яны прызнавалі неабходнасць падрыхтоўкі ўзброенага паўстання супраць акупантаў у Заходняй Беларусі. Адносна ж ССРБ гэтая плынь вырашыла застацца на пазіцыі "ўсебаковай аб'ектыўнай крытыкі бальшавіцкаму рэжыму" і дамагацца перадачы заканадаўчай улады ў краі Усебеларускаму Працоўнаму Кангрэсу, выбранаму з усёй этнаграфічнай Беларусі.

Партыйная ж група на чале з А.Трафімавым і М.Маркевічам выступіла за больш цеснае супрацоўніцтва з савецкай уладай і камуністамі, лічачы магчымым нават уваходжанне ў рады РКП(б).

Такім чынам, Беларуская партыя сацыялістаў-рэвалюцыянераў мела ўласныя, даволі абгрунтаваныя погляды на формы і змест беларускай дзяржаўнасці. Увогуле, яна не адмаўлялася ад савецкай формы арганізацыі ўлады. Але яе ідэалам былі саветы як органы дыктатуры ўсяго працоўнага народа, аб'яднанага ў органы самакіравання, а не дыктатура пралетарыята, які да таго ж на той час складаў мізэрную меншасць насельніцтва краю. Пры гэтым нацыянальная дзяржава, ва ўяўленні белэсэраў, павінна была быць непадзельнай і ні ад каго незалежнай. Ніякія так званыя арыентацыі не маглі быць падставай яе дзяржаўнага ўладкавання.

¹ НАРБ. Ф.242, воп.1, спр.22, арк.4.

² Там жа. Ф.458, воп.1, спр.50, арк.50–51.

³ Грамадзянін. 1919. 10 лют. С.2.

⁴ НАРБ. Ф.242, воп.1, спр.22, арк.6.

⁵ Там жа. Ф.325, воп.1, спр.169, арк.77; Грыб Т. Аб дзяржаўнай уладзе // Грамадзянін. 1919. 21 сак. С.1.

⁶ Лебедзева В. Палута Бадунова // Беларуская мінуўшчына. 1994. №4. С.52.

⁷ Октябрь 1917 и судьбы политической оппозиции. Ч.II. Гомель, 1993. С.174 і наст.

⁸ Архіў КДБ РБ. Спр.18272-С. Т.1, арк.152.

⁹ НАРБ. Ф.60, воп.3, спр.430, арк.93.

¹⁰ Мамонька Я. На ўзломе // Спадчына. 1995. №4. С.127 і наст.

¹¹ На бездарожжы // Змаганне. 1920. 18 ліст.С.1; НАРБ. Ф.325, воп.1, спр.56, арк.93.

М.А.БЯСПАЛАЯ

ДА ПЫТАННЯ АБ УЗДЗЕЯННІ НОВАЙ ЭКАНАМІЧНАЙ ПАЛІТЫКІ НА ВЁСКУ

Як вядома, сялянства праяўляла незадаволенасць харчразвёрсткай і савецкай ўлада вымушана была шукаць выйсце з сацыяльнага і эканамічнага крызісу, у якім апынулася краіна вясной 1921 г. Шмат напісана аб прыняцці на X з'ездзе РКП(б) новай эканамічнай палітыкі, аб яе асноўных накірунках і задачах. Паўтараць тое, што вядома яшчэ са школьнай парты, няма сэнсу, аднак хацелася б звярнуць увагу на пазіцыю вёскі ў адносінах нэпа. Тэарэтычна нэп быў задуманы як сродак выхаду з эканамічнага крызісу, а як гэта адбывалася на самой справе – сведчаць шматлікія архіўныя дакументы.

Вядома, што адным з галоўных напрамкаў нэпа стала замена харчразвёрсткі натуральным падаткам, які раскладаўся не на ўсю вёску, а на кожную асобную гаспадарку. За аснову налічэння харчпадатку бралася колькасць ворнай зямлі і едакоў у сям'і, а таксама ўраджайнасць, якая ўстанаўлівалася па ўзроўню 1917 г.

Методыка налічэння тагачаснага падатку дазваляе адзначыць некалькі момантаў. Па-першае, падатак бралі з усіх: з бедных і з багатых; па-другое, падатак быў дыферэнцыраваны; па-трэцяе, памер падатку ў геаметрычнай прагрэсіі залежаў ад эканамічнага ўзроўню гаспадаркі. У выніку атрымлівалася, што падаткавая палітыка садзейнічала не падняццю бедных гаспадарак да ўзроўню багатых, а, наадварот, збядненню багатых. Тым самым дзяржава выбівала глебу з-пад ног у самой сябе.

За кароткі тэрмін па харчразвёрстцы сабралі 2 млн 614 тыс. пудоў збожжа, тым не менш заданне аказалася не выкананым. Па гэтай прычыне на тэрыторыі Беларусі забараняўся свабодны мясцовы абмен на падставе дэкрэта УЦВК

ад 28 сакавіка 1921 г. Харчпадатак, які ўключаў да 15 відаў прадуктаў, быў устаноўлены амаль удвая большы, у пераліку на збожжа – каля 4,5 млн пудоў. Павелічэнне тычылася толькі Беларусі, мабыць уплічваўся кароткі тэрмін развёрсткі на яе тэрыторыі¹. Аб'ём падатку быў устаноўлены яшчэ вясною, да заканчэння сяўбы, не быў прыняты пад увагу недасеў яравога палетка парадку 37%². Такое фантазійнае планаванне адбывалася ў Маскве і адтуль спускалася ва ўсе мясцовасці, прычым устанаўліваўся не толькі памер падатку, а і тэрмін яго збірання.

Мясцовым органам заставалася толькі наладзіць тлумачальную работу сярод сялянства. Яна пачалася адразу пасля X з'езду, аднак можна пагадзіцца з думкаю, што "нізкі агульнаадукацыйны ўзровень вясковых камуністаў не садзейнічаў разуменню нэпа"³. Тое ж самае можна сказаць і пра большасць прадстаўнікоў кіруючага апарата. Недахоп ведаў вызываў іх скаванасць і спадзяванні на ўказанні зверху. Чакаць доўга не прыходзілася, таму што па кожнаму выпадку спускалася інструкцыя, як, напрыклад, тэзісы па нэпу. У адным з параграфу гаварылася: "Замена развёрсткі з'яўляецца ўступкай сялянству з боку савецкай улады, уступкай пралетарыята вясковай гаспадарцы"⁴. Падобнае тлумачэнне абражала земляробаў, якія кармілі ўсіх, а за гэта атрымалі палягчэнне ў выглядзе харчовага падатку.

Пасля агітацыі на аснове такіх тэзісаў, безумоўна, сяляне мелі рацыю з засцярогай адносіцца да новай эканамічнай палітыкі і абвешчанага падатку. Па іншаму ўспрымаць яе не выпадала, бо дзяржава сцвярджала аб прыходзе доўгачаканага шчасця для сяляніна, а сама, яшчэ не дачакаўшыся ўраджаю, ужо вызначала падатак з яго. Не выпадкова на некаторых сялянскіх канферэнцыях гучалі сцвярджэнні, што харчпадатак – толькі часовае мера з мэтай агітацыі за пашырэнне пасеваў, сяляне не верылі, што развёрсткі больш не будзе, вылучалі ідэю аб стварэнні сялянскага саюза – абаронцы іх інтарэсаў⁵. Аднак пачуцці земляробаў ніхто ў разлік не браў. Любыя праявы незадаволенасці ўлады адносілі да кулацкай прапаганды.

На збор падаткаў мабілізоўвалася 120 камуністаў, каля 40 членаў павятовых выканкамаў і 6 адказных партработнікаў – членаў ЦВК, па паведах размяркоўваліся работнікі Наркамата харчавання. Для разбору скаргаў, якіх чакалася многа, было створана Бюро скаргаў. У распараджэнні харчовых органаў знаходзіліся падраздзяленні чырвонаармейцаў.

Нарада харчкамісараў, загадчыкаў нарыхтоўчых кантор, старшых харчовых інспектараў, якая адбылася 10 ліпеня 1921 г., ставіла задачу азнаямлення яе ўдзельнікаў з падаткавымі інструкцыямі і ўзгаднення дзеянняў. Па паведах былі арганізаваны трохтыднёвыя курсы харчінспектараў. На некаторых з іх, у прыватнасці ў Слуцку, выказвалася заклапочанасць, "каб не атрымалася ў новай палітыцы тое, што атрымалася ў развёрстцы"⁶.

Рашэнне аб пераходзе да харчпадатку было прынята ў сакавіку 1921 г., аднак толькі 1 чэрвеня ў паветы паступіла тэлеграма аб заканчэнні развёрсткі. У некаторых мясцовасцях, напрыклад на Слуцчыне, не паспелі яшчэ выканаць развёрстку на масла, яйкі, воўну, як адразу пачалі збіраць у такім жа памеры падатак.

Умовы, у якіх пачаўся пераход да новай эканамічнай палітыкі на Беларусі, аказаліся надта складанымі. У адной з тэлеграм у Маскву А.Р.Чарвякоў паведамляў: "Рэсурсы Беларусі вычарпаны, запасы харчавання забяспечаць галодны паёк да 1 ліпеня, тавараабмен зрываецца наплывам махляроў і прадстаўнікоў розных арганізацый з усімі неабходнымі дакументамі"⁷. У сувязі з гэтым кіраўніцтва рэспублікі прасіла дазволу на свабодны мясцовы абмен.

Раскачка ў падрыхтоўцы да збірання падатку цягнулася не так і доўга. 15 ліпеня 1921 г. ва ўсе рэспубліканскія наркаматы харчавання была накіравана тэлеграма за подпісам У.І.Леніна, якая адзначала "інэртнасць і неразуменне з боку мясцовых саветаў надзвычайнай важнасці харчкампаніі. Замест рэальнай работы яны засыпаюць Цэнтр просьбамі аб паніжэнні падатку, таму ўзнікае небяспека невыканання падатку па маслу і яйкам і падстава для невыканання іншых відаў падатку". Тэлеграма абавязала лічыць спагнанне

падатку баявым заданнем нарыхтоўшыкаў, а галоўным стымулюючым і караючым органам абвешчаўся суд рэвалюцыйнага трыбунала⁸.

Збор падатку яшчэ не пачаўся, а тэлеграмай ад 22 ліпеня за подпісам Я.Адамайціса нізавыя харчовыя камісіі апавяшчаліся аб арганізацыі спецыяльных выездных харчовых сесій рэўтрыбунала. Выезная сесія фарміравалася з трох асоб — прадстаўнікоў рэўтрыбунала, ЦВК і НКХ, кандыдатуры якіх зацвярджаліся ЦБ КП(б)Б. На кожны павет стваралася па дзве сесіі, якія мелі права весці следства і вяршыць суд над неплацельшчыкамі падатку, неправільнымі дзеяннямі супрацоўнікаў валвыканкамаў, сельсаветаў, падаткавай інспектуры⁹.

Як бачна, меры прымаліся такія надзвычайныя, быццам дзяржава адкрывала баявыя дзеянні супраць сялянства. Аднак такая тактыка сустрэла глухое супраціўленне вёскі. Не дапамагалі ні мітынгі, ні лістоўкі, ні агітацыя сродкамі мастацтва. Здавалася, дзяржава павінна была б прыслухацца да настрояў вёскі, аднак яна працягвала сваю палітыку — прымусовае неабмежаванае рабаванне вёскі. Архіўныя матэрыялы яскрава адлюстроўваюць супрацьстаянне вёскі і ўлады і пераконваюць, што нэп не стаў панацэяй ад усіх вясковых праблем, як апошнім часам сцвярджаюць некаторыя навукоўцы. Здаецца, наадварот, ён паказаў вясковаму люду, што ў дзяржаўнай палітыцы яго інтарэсы амаль не ўлічваюцца, што вёска цікавіць дзяржаву толькі як аб'ект выкачвання сродкаў.

Са свайго боку сялянства аб'явіла ціхую вайну спробам паставіць пад кантроль яго гаспадарку — утойвала колькасць ворыва, жывёлы, нават у масавым парадку пазбаўлялася ад яе, завывшала колькасць едакоў. На гэтых кірунках і аформілася супрацьстаянне вёскі і ўлады. За несвоечасовае і няправільнае складанне спісаў аддаваліся пад суд рэўтрыбунала старшыні сельскіх саветаў, асобныя грамадзяне, бо кіруючыя органы лічылі, што "такія адносіны да справы перашкаджаюць харчовым органам цвёрда вытрымліваць рэвалюцыйную лінію на правядзенне харчпадатку"¹⁰.

На Случчыне 20 жніўня 1921 г. пачаліся першыя сесіі рэўтрыбунала, якія разглядалі справы 34 чалавек. Яны былі пакараны зняволеннем ад году да трох з канфіскацыяй жывёлы. Аднак прынятыя меры мала ў чым дапамаглі выпраўленню спісаў. Пасля гэтага было падрыхтавана да суда яшчэ 17 спраў. Планаваўся выезд на месцы камісіі з землямерам для праверкі спісаў і стварэння ў кожнай воласці камісій па барацьбе з укрыццём ворыва і жывёлы. Да грамадзян, якія не збіраліся паказваць сапраўдныя памеры гаспадаркі, прадугледжваліся самыя суровыя меры пакарання, ажно да поўнай канфіскацыі маёмасці і нават да высялення за межы Беларусі¹¹.

У гэтую барацьбу з сялянствам уключыўся і ЦВК БССР, які 2 лістапада 1921 г. спецыяльнай пастановай абавязваў Наркамхарч прыняць тэрміновыя меры для выяўлення ўтоенай ворнай зямлі. Утоеная плошча па рашэнню рэўтрыбунала перадавалася ў дзяржаўны зямельны фонд тэрмінам да трох год. Аднак першая хваля наступлення сустрэлася з масавай незадаволенасцю вёскі, якую нельга было ліквідаваць нават такімі жорсткімі рашэннямі. Нягледзячы на ўсё сялянства Беларусі змагло ўтаіць ад уліку каля 200 тыс. дзесяцін зямлі¹².

Да выканання галоўных відаў падатку нарыхтоўшчыкі прыступілі з 21 жніўня. Аб метадах яго спагнання дастаткова яскрава сведчыць тэлеграма Я.Адамайціса, накіраваная ў гэты ж дзень у нізавыя органы: "... Паставіць усё на баявы лад, ужываць такія сродкі націску на неплацельшчыкаў, укрывацелей, старшын сельскіх саветаў і валвыканкамаў, як права судовага і адміністрацыйнага ўздзеяння"¹³.

Адносіны сялянства да падатку ў большасці выпадкаў былі негатыўнымі. Замучаным доўгаю вайною, голадам, разрухай, харчразвёрсткай, ім на самой справе не было чым плаціць падатак.

Як сведчаць шматлікія архіўныя дакументы, у кожным павеце падатак збіраўся па-рознаму, і гэта ў значнай ступені залежала ад пазіцыі мясцовага кіраўніцтва і ўпаўнаважаных цэнтра. Здаецца, самымі рашучымі дзеяннямі

вызначаўся асобаўпаўнаважаны па Слуцкаму павету Штэрн, якому спрыялі старшыня павятовага выканкама Уладзіміраў і павятовы харчкамісар Казлас. У адной з тэлеграм апошні паведамляў: "Мною з т.Штэрнам аб'езджаны ўсе воласці, правярана якаснасць апарата... На месцах, дзе падрыхтоўчая работа праводзіцца дрэнна, зроблены належны нажым. У адстаючыя воласці камандзіравана дапаўняльна 10 чалавек з мясцовай партшколы. Некалькі распараджэнняў райхарчкамісіі, якія насілі характар баявых загадаў, прыметна разварушылі апарат, паднялі яго на баявую дзейнасць, павялічылі працаздольнасць. Звернута самая пільная ўвага на збор падатку па маслу і яйкам..."¹⁴.

Моцна нервавалі ўёску бясконцыя змены ў разгар кампаніі тэрмінаў здачы, замена аднаго віда харчавання другім, павялічэнне норм здачы бульбы і другія спонтанныя распараджэнні ўлады. З месц паведамлялі, што гэта вызвала ў сялян недавер да новай эканамічнай палітыкі, а барацьба з такімі настроямі часта бывала няўдалай¹⁵.

Вельмі нізкай адзнакі заслугоўвае работа нарыхтоўчых кантор. Часта здаралася, што сяляне прывозілі падатак, а яго не прыымалі з-за адсутнасці спісаў. На складах самым распаўсюджаным сродкам ашуканства стала абважванне. У Койданаве, напрыклад, выдавалі вяскоўцам фальшывыя квітанцыі аб здачы падатку, збіраючы хабар золатам, за што было растрэляна чацвёра работнікаў нарыхтоўчай канторы. Бачыла сялянства і вялікую безгаспадарчасць, што панавала на складах¹⁶.

Што тычыцца рынкаў, адкрыццё якіх прадугледжвалася новай эканамічнай палітыкай, то 14 мая 1921 г. быў выдадзены дэкрэт СНК Беларусі аб свабодным абмене. Наркамат харчавання 2 ліпеня выдаў загад, які дазваляў гандляваць толькі тым, хто выканаў падаткі па маслу, яйкам, воўне, аб чым кожны селянін павінен быў мець квітанцыю. Калі ход харчакампаніі не задавальняў улады, яны прымянялі ў якасці карных мер закрыццё рынкаў у Мінскім, Мазырскім, Барысаўскім паветах¹⁷.

Нягледзячы на прынятыя меры, падаткі ў тэрмін не здаваліся і не толькі на Беларусі, але і па ўсёй Федэрацыі. На снежань 1921 г. іх было сабрана ўдвай менш, чым на той жа час па развёрстцы, паступленне падатку было ў чатыры разы меншым, чым планавалася. Думаецца, што гэтыя паказчыкі можна лічыць пэўным адлюстраваннем незадаволенасці сялянства падаткам. Не выпадкова, ва ўсе мясцовыя органы была накіравана тэлеграма за подпісам У.І.Леніна і другіх кіраўнікоў дзяржавы з катэгарычным загадам закончыць збор хлеба ў снежні 1921 г., арганізаваўшы націск на ўёску ў выглядзе харчовага двухтыднёвіка. У гэтай тэлеграме для Беларусі ўстанаўліваўся памер падатку. Кіраўніцтва рэспублікі заняло надзвычай арыгінальную пазіцыю: перад Масквою адстойвала лічбу амаль на паўтара мільёна меншую за ўстаноўленую, а паветам, каб актывізаваць збор падатку, спускала лічбу бліжнюю да маскоўскай¹⁸, спадзяючыся выканаць хаця б меншую норму.

Рашаючая роля ў кампаніі 1921 г. адводзілася вызным сесіям, колькасць спраў у якіх пастаянна расла. Сялянства ўпарта ўтойвала пасяўную плошчу, мясцовыя ўлады не давалі дакладных статыстычных звестак, у выніку падатак не выконваўся. Дзяржаўны апарат і ўёска супрацьстаялі адзін аднаму, аднак сіла была ў першага і гэтая акалічнасць у значнай ступені вызначыла канчатковы вынік.

Некаторыя кіраўнікі надавалі вызным сесіям не толькі застрашаючае значэнне, але і маральнае. Намеснік наркама харчавання Фрыд, напрыклад, лічыў, што "харчовыя сесіі мала ўздзейнічаюць на псіхіку мас, а носяць сухі, судовы характар". Прымаючы да ўвагі ўказанні цэнтра аб маральным уплыве на псіхалогію грамадзян, вызным сесіям прапаноўвалася "рабіць пасяджэнні адкрытыя, агітацыйныя, пастановы публікаваць шырока. Насельніцтва павінна ведаць, што ў выпадку далейшага невыканання падатку будучы прыняты больш рэпрэсіўныя меры, ажно да ўвода войск на пастой"¹⁹.

Як бачым, падаткавая кампанія 1921 г. аказалася надзвычай складанай для ўсіх яе ўдзельнікаў. Разумелі гэта і некаторыя з адказных асоб, якія выконвалі план, а думкі мелі іншыя. Адзін з цікавейшых дакументаў, які

раскрывае псіхалагічны настрой вёскі і радавых выканаўцаў, міжвольна паказвае сутнасць савецкай сістэмы — пісьмо загадчыка інспектарскага пададдзела Барысаўскага павятовага камісарыята харчавання ад 31 кастрычніка 1921 г. мінскаму начальніку: “Калі ў цябе ёсць час і ты хочаш пазнаёміцца з сапраўдным станам работы па харчпадатку ў Барысаўскім павеце, то прачытай да канца. Ты разумееш, што ў афіцыйнай зводцы аб многіх рэчах пісаць ні ў якім выпадку нельга.

Аб настроі сялян. Афіцыйна мы ўсё пішам, што настрой большасці сялян добры, аднак фактычна гэта хлусня: настрой сялян кепскі, ды і лепшага настрою ў іх быць не можа. Селянін, як кожны чалавек, незадаволены, калі ў яго што-небудзь бяруць, але калі ў яго бяруць хлеб, да таго ж яшчэ вялікі падатак, то само сабою, што ён не можа заставацца задаволеным. Да гэтага дадай яшчэ: замест (...) 0,5 пуда насення — пуд, яму гавораць, што павінен плаціць 9 фунтаў мяса, а прымаюць па 22 з паловаю толькі жывой вагі. Але самае галоўнае, што вызывае моцнае незадавальненне, гэта тое, што з каровы, з якой ён заплаціў падатак маслам, яшчэ патрабуюць мяса, з авечкі, з якой ён ужо адзін раз аддаў воўну, патрабуюць мяса і жывую авечку з воўнаю. Яны здзіўляюцца. Што мне адказаць? Адкавай ты. А тут яшчэ гэты падатак на хатнюю птушку і абавязкова з ворыўнай плошчы... Мы хочам гэтым ладштурхнуць сялян да развядзення дамашняй птушкі, хаця я асабіста думаю, што лепшым стымулам было б даць сялянам птушку, а не забіраць у іх. Але як бы там ні было, сяляне не хочуць гэтага ведаць і з іроніяй пытаюцца — “А што мая зямля яшчэ і яйца нясе?”. А цяпер будуць пытацца — “А што мая зямля птушку родзіць?”.

Калі ты трохі знаёмы з настроем сёняшняй вёскі, то ведаеш, што сяляне цяпер толькі і мітынуюць аб тым, як бы гэта з іх зусім знялі той ці іншы падатак, ці хаця б трохі паменшылі. А калі станеш гаварыць пра тое, што трэба здаваць падатак, то з усіх бакоў пачуеш — “Ведаем, ведаем, чулі ўжо. Хопіць!”²⁰

Такім чынам, ёсць усе падставы канстатаваць, што неспадзявана для кіраўніцтва падаткавая кампанія 1921 г. зацягнулася да вясны 1922 г. Нельга станоўча адказаць і на пытанне аб памерах выканання падатку, бо з сялянства поўнасцю быў спагнаны падатак толькі на збожжа і алейныя культуры. Астатнія віды харчавання ў патрэбным аб’ёме вёска выканаць не змагла. Аднак дзяржава не пайшла насустрач хлебаробам і не скасавала нядоімку, тым самым эканамічна вёску не падтрымала, што вызвала прыметную незадаволенасць сялянства.

¹ Дзяржаўны архіў Мінскай вобласці (ДА МВ). Ф.9, воп.1, спр.7, арк.130 зв.; ф.324, воп.1, спр.149, арк.24 зв.

² Стральцоў М. Я. Некаторыя пытанні падаткавай палітыкі ў беларускай вёсцы ў 1921–1925 гг. // Весті АН Беларусі. 1963. №1. С.45.

³ Гл.: Пархімовіч М. М. Новая эканамічная палітыка ў беларускай вёсцы. На пачатку шляху // Весті Беларусі. ун-та. Сер. 3. 1991. №2. С.10.

⁴ ДА МВ. Ф.323, воп.1, спр.218, арк.121.

⁵ Там жа. Спр. 226, арк. 15, 22, 28.

⁶ Дзяржаўны архіў Рэспублікі Беларусь (ДА РБ). Ф.43, воп.1, спр.51, арк.94, 158.

⁷ Там жа. Спр.51, арк.59.

⁸ ДА МВ. Ф.9, воп.1, спр.7, арк.130 зв.

⁹ ДА РБ. Ф.43, воп.1, т. 2, спр. 205, арк. 1, 6, 67, 68.

¹⁰ Там жа. Спр. 204, арк. 11, 12, 18, 19.

¹¹ Там жа. Арк.32, 34, 70, 92 зв.

¹² Стральцоў М. Я. Указ. сач. С.45–46.

¹³ ДА РБ. Ф.43, воп.1, т.2, спр.215а, арк.18, 30.

¹⁴ ДА РБ. Ф.43, воп.1, т.2, спр.204, арк. 32.

¹⁵ Там жа. Арк. 67, 93.

¹⁶ Там жа. Ф.6, воп.1, спр.178, т.2, арк.465; ф.43, воп.1, т.2, спр.213, арк.7, 9.

¹⁷ Там жа. Ф. 43, воп.1, т.2, спр.47, арк.344.

¹⁸ Там жа. Спр.123, арк.141, 171, 172.

¹⁹ Там жа. Спр. 205, арк.82.

²⁰ Там жа. Арк.94, 95, 96.

ПОПЫТКА КАБИНЕТА ШЛЕЙХЕРА ПРЕДОТВРАТИТЬ УСТАНОВЛЕНИЕ ГИТЛЕРОВСКОЙ ДИКТАТУРЫ (декабрь 1932–январь 1933 г.)

Деятельность кабинета во главе с Куртом фон Шлейхером в Германии в советской историографии и в историографии ГДР традиционно рассматривалась в непосредственной связи с приходом к власти правительства Гитлера. Утверждалось, что задача Шлейхера состояла в том, чтобы создать условия для установления фашистской диктатуры, подготовить переход власти к Гитлеру и т. п. Так или иначе, на кабинет Шлейхера возлагалась изрядная доля вины за установление в Германии фашистской диктатуры. Эти оценки обусловлены так называемым классовым подходом к освещению исторических событий, а проще говоря, установками КПГ и Коминтерна начала 30-х годов. Их суть сводилась к тому, что против фашизма боролись только коммунисты, а все остальные политические силы Германии прямо или косвенно, объективно или субъективно способствовали процессу фашизации и установлению фашистской диктатуры. Удивительно, что уже и сами коммунисты признали свою политику того периода во многом ошибочной, сектантской, а названные и многие другие коминтерновские штампы тем не менее перекочевывают из одного издания в другое на протяжении десятилетий, несмотря на оттепели и перестройки.

Кабинет Шлейхера пришел к власти 2 декабря 1932 г. Это было во всех отношениях тяжелейшее время для Германии. Мировой экономический кризис, особенно сильно поразивший Германию, достиг своего пика. Экономика и финансовая система были дезорганизованы, система социального страхования разрушена. В стране насчитывалось свыше 6 млн безработных. Большинство населения испытывало отчаянную нужду. Резко обострились социальные и политические противоречия. Активизировался процесс поляризации политических сил. Лево- и праворадикальные политические партии, быстро набиравшие вес в условиях разрухи и нужды, открыто требовали ликвидации Веймарской конституции и установления различного типа диктаторских режимов. Соотношение политических сил в рейхстаге не позволяло ему принимать радикальные решения по выходу из экономического и политического кризиса (см. таблицу).

Результаты выборов в рейхстаг

Политические партии	20.05.1928	15.09.1930	31.07.1932	06.11.1932	05.03.1933
	количество депутатов				
КПГ	54	77	89	100	81
СДПГ	153	143	133	121	120
НСДАП	12	107	230	196	288
Центр	78	87	99	90	92
НННП	73	41	38	52	52
Другие	121	121	19	25	19

Правоконсервативное правительство фон Папена, находившееся у власти с 1 июня 1932 г., не опиралось на большинство в рейхстаге, а правил на основе президентских декретов. Однако изменить положение к лучшему не смогло. Его политика по разным причинам вызвала недовольство основных политических сил, а также профсоюзов. 12 сентября 1932 г. рейхстаг буквально накануне своего роспуска большинством в 512 против 42 голосов проголосовал за отставку правительства Папена¹.

После выборов в ноябре 1932 г., которые не внесли существенных изменений в расстановку политических сил, но заметно ослабили влияние нацистов, первоначально была предпринята попытка вновь назначить канцлером фон Папена. Папен предлагал, опираясь на армию, осуществить перемены в государственном устройстве страны. Имелось в виду исключить на полгода из политической жизни рейхстаг, усилить позиции исполнительной власти,

расширить полномочия земель, ликвидировать дуализм Пруссия–Германия². С целью ослабления нацистской партии предлагалось допустить ее в правительство, включив в так называемый блок “национальных сил”. Правда, за шесть предыдущих месяцев своего канцлерства Папена добиться этого не удалось.

Против назначения Папена канцлером и его программы выступил генерал Курт фон Шлейхер, военный министр в его предыдущем правительстве, имевший, кстати, непосредственное отношение к назначению Папена канцлером в июне 1932 г. Шлейхер принадлежал к ближайшему окружению Гинденбурга, был широко известен в политических кругах, опирался на поддержку армии. Ему удалось убедить президента в том, что реализация планов Папена может привести к массовому движению протеста и, возможно, к гражданской войне. Рейхсвер же, по его словам, не в состоянии будет справиться с ситуацией. Об этом свидетельствовали и очень кстати проведенные маневры именно в связи с этой проблемой. Более того, Шлейхер смог склонить на свою сторону всех министров бывшего кабинета Папена, которые почти единодушно выступили против его повторного назначения канцлером³.

В сложившейся ситуации Гинденбург принял решение передать мандат на формирование правительства Шлейхеру, программа которого ему представлялась приемлемой и способной утихомирить политические страсти.

Шлейхер видел свою задачу в том, чтобы максимально ослабить влияние радикально-экстремистских политических сил. В первую очередь он намеревался предпринять меры для того, чтобы не допустить Гитлера к власти, что становилось уже вполне реальной перспективой. Предполагалось также реформировать конституцию таким образом, чтобы ослабить зависимость государства от бесконечных партийно-политических противоречий в парламенте, т.е. сделать его стабильно управляемым.

Новый канцлер намеревался сохранить свой кабинет президиальным, т.е. независимым в принятии своих решений от парламента, однако, в отличие от Папена, он стремился обеспечить ему социальную базу за счет сквозного или третьего фронта. Концепция третьего фронта базировалась на мнении Шлейхера о том, что нельзя осуществлять стабильную политику без массового базиса, в “безвоздушном пространстве”. Необходимо переходить к стратегии совместной общенациональной ответственности. Третий фронт должен был формироваться не на партийной основе, а путем объединения различных политических сил и массовых организаций, заинтересованных в преодолении кризиса и способных консолидироваться вокруг компромиссной программы. Кабинет Шлейхера таким образом замышлялось превратить в правительство авторитарного типа с массовой социальной базой.

В состав третьего фронта планировалось включить широкий спектр политических сил от партии Центра до профсоюзов. Были также надежды на сотрудничество с лидером консервативной Немецкой национально-народной партии (НННП) Гугенбергом, Стальным шлемом, а также с частью нацистов. Не исключалась возможность и других комбинаций, в частности приручения Гитлера. Последнему еще 23 ноября было предложено место в правительстве, но Гитлер отверг предложение, придерживаясь позиции “все или ничего”, т.е. претендуя только на пост канцлера.

После этого активизировались попытки Шлейхера склонить на свою сторону Грегора Штрассера – второго человека в нацистской партии. Он был лидером левого крыла, по многим вопросам оппонировал Гитлеру, готов был сотрудничать с другими политическими силами. Потери, которые понесли нацисты на выборах 6 ноября 1932 г., еще больше укрепляли Штрассера в правильности своих позиций. Колеблущуюся позицию с явной готовностью к сотрудничеству занимал некоторое время и Геринг⁴.

Для Шлейхера перспектива привлечь Штрассера в правительство и расколоть тем самым нацистскую партию была весьма привлекательной, ибо это свело бы на нет претензии Гитлера на власть да и саму партию отодвинуло

бы на второй план политической жизни. Он предложил Штрассеру пост вице-канцлера и получил согласие⁵.

Успешно шли переговоры с профсоюзами: 28 ноября Шлейхер встретился с лидером крупнейшего в Германии профсоюзного центра "Всегерманское объединение профсоюзов" (АДГБ), ориентировавшегося на социал-демократическую партию, Т.Лейпартом и его заместителем В.Эггертом. Они проявили готовность сотрудничать с будущим канцлером, хотя и выдвинули в качестве условия осуществление некоторых социальных мер в пользу трудящихся, которые для Шлейхера были приемлемыми⁶. Подобную же позицию занимали и вторые по численности и влиянию христианские профсоюзы⁷.

У Шлейхера были все основания предполагать, что профсоюзы смогут сотрудничать со сторонниками Штрассера, поскольку в своих социальных программах имели много общего. Выступая в рейхстаге 10 мая 1932 г., Грегор Штрассер потребовал проведения серьезных социальных реформ в стране и весьма одобрительно отозвался о действиях АДГБ в этом направлении. Особенно он выделил профсоюзный план занятости, известный как план Войтинского⁸. В профсоюзах это выступление Штрассера не осталось незамеченным. Один из руководителей АДГБ Фриц Тарнов заметил, что с таким докладом мог бы выступить и кто-либо из профсоюзных лидеров⁹. Позднее руководство фашистской партии заявило, что выступление Штрассера не является официальной партийной позицией, что, разумеется, еще больше облегчало возможное сотрудничество. Шлейхер планировал, что в перспективе в его правительстве Т.Лейпарт может стать министром экономики, а один из лидеров христианских профсоюзов, Г.Имбуш, министром труда¹⁰.

15 декабря 1932 г. Шлейхер выступил по радио с программным заявлением. В его основе лежала идея создания новых рабочих мест и сокращения безработицы. С проблемами занятости была тесно связана и идея так называемой внутренней колонизации, т.е. выделения в восточных провинциях земельных участков переселенцам из других районов страны. Только в Восточной Пруссии на эти цели должно было пойти 200 000 га земли.

Что касается вопросов социальной политики, то Шлейхер обещал равномерное распределение бремени на все социальные слои, заявляя, что не является сторонником ни капитализма, ни социализма. Было высказано желание не допустить сокращения тарифной зарплаты, выделять зимнюю помощь наиболее нуждающимся, отменить некоторые чрезвычайные декреты Папена, особенно тяжело повлиявшие на положение простых людей. Помимо этого, речь шла о создании добровольной работы для молодежи¹¹. Такие позиции Шлейхера все более закрепляли за ним титул "социального генерала".

Программа Шлейхера была с одобрением встречена в профсоюзных кругах. Т.Лейпарт недвусмысленно высказался за сотрудничество в ее реализации¹². С пониманием к политике Шлейхера отнеслись также христианские и Гирш-Дункеровские профсоюзы. Их готовность к сотрудничеству также не вызвала сомнений. Такие видные политики, как Брюнинг и Гренер, заявили, что курс нового канцлера заслуживает поддержки¹³. На определенных условиях готова была сотрудничать с кабинетом Шлейхера и немецкая национально-народная партия. К сотрудничеству склонялись и некоторые видные деятели СДПГ.

Вместе с тем была и реакция совершенно иного, негативного характера. С самого начала против правительства Шлейхера и его политики резко выступила нацистская партия. Для Гитлера было очевидным, что реализация идеи Шлейхера о сквозном, или третьем, фронте будет означать крах не только притязаний нацистов на власть, но и самого фашистского движения. Еще 28 ноября, когда о возможном формировании кабинета Шлейхера ходили только слухи, Геббельс писал в своем дневнике: "Шлейхер в поисках толерантного большинства. У нас он найдет только закрытые двери".¹⁴ Гитлер еще до назначения Шлейхера высказался против его канцлерства, а после назначения категорически отверг возможность всякого сотрудничества с его кабинетом и яростно обрушился на Грегора Штрассера за его контакты

с новым канцлером. Против Штрассера была мобилизована вся верхушка нацистской партии. При этом Гитлер поставил вопрос таким образом: или я, или Штрассер. На заседаниях фашистского руководства 5 и 7 декабря Гитлер обвинил Штрассера в неверности и измене и смог повести за собой большинство присутствующих. В результате Штрассер 8 декабря подал в отставку со всех своих постов в партии. Это в значительной степени сузило возможности реализации идеи третьего фронта. Тем не менее Шлейхер продолжал контакты со Штрассером, не теряя надежды на раскол нацистской партии.

Серьезный удар по планам Шлейхера был нанесен крупными землевладельцами. Встревоженные планами канцлера наделить земель безземельных переселенцев, а также распоряжением правительства от 12 декабря о продаже обремененных долгами поместий, они интриговали против канцлера в окружении Гинденбурга или на встречах с самим президентом, на которого имели большое влияние. В ход шли такие пугающие определения, как "красный генерал" и "аграрный большевизм"¹⁵. Особенно усилилось давление на Гинденбурга со стороны аграриев после того, как во время дебатов в бюджетной комиссии рейхстага 18 и 19 января 1933 г. не без участия Шлейхера были разоблачены методы списания долгов с крупных поместий и злоупотребления землевладельцев так называемой восточной помощью. Именно после этого Гинденбург начал во второй половине декабря отворачиваться от Шлейхера.

Неудачей закончилась и попытка Шлейхера во второй половине декабря привлечь к сотрудничеству в третьем фронте СДПГ. Канцлер предлагал распустить рейхстаг, объединить оборонную организацию СДПГ, Рейхсбаннер, со Стальным шлемом, все остальные организации подобного рода (СА, СС, коммунистический Союз красных фронтовиков) распустить и запретить фашистскую партию. СДПГ и близким к ней профсоюзам предлагались два места в правительстве. Шлейхер при этом заверил, что единственной целью всех этих мер является стремление не допустить Гитлера к власти и парализовать фашистское движение. Однако правление СДПГ отказалось от сотрудничества, боясь потерять свой электорат, значительная часть которого могла бы перейти на сторону коммунистов, соблазнившись их радикальными лозунгами. Более того, правление потребовало этого и от Т.Лейпарта, входившего в его состав. Видные деятели СДПГ Густав Носке и Отто Браун выступили за продолжение переговоров, последний даже встречался со Шлейхером и обсуждал возможные направления сотрудничества, но их позиция уже не могла изменить ситуацию¹⁶.

Активные контакты Шлейхера с лидерами СДПГ и профсоюзов привели к отходу от него лидера НННП Гугенберга, который претендовал на место министра экономики в его кабинете. Канцлер был обвинен в намерении подорвать авторитарную идею¹⁷, а Гугенберг начал склоняться к сотрудничеству с уже активно формировавшимся "дуумвиратом" Гитлера-Папена.

Процесс сближения Гитлера и Папена разворачивался на фоне неудач Шлейхера в создании третьего фронта. Было ясно, что Шлейхер предпримет второй раунд консультаций с политическими силами, поэтому его противники торопились. Папен, оставшийся советником Гинденбурга, сохранял возможность влияния на президента и интриговал против Шлейхера, не простив ему своего отстранения от канцлерской должности. После того как попытки "приручить" Гитлера, сделав его вице-канцлером, провалились, Папен активно продвигал в жизнь идею "дуумвирата", в соответствии с которой Гитлер должен был стать канцлером, а он, Папен, – вице-канцлером. При этом ни одно решение кабинета не должно было быть принято без согласия вице-канцлера. Для упрочения позиции последнего президент сам назначал бы военного министра и министра иностранных дел. С этой идеей полностью согласился Гитлер на тайной встрече с Папеном 4 января 1933 г. в Кёльне.

В обстановке недовольства политикой Шлейхера со стороны крупных аграриев и неприятия промышленными и финансовыми магнатами социаль-

ных идей генерала Папену не стоило большого труда убедить Гинденбурга в необходимости "дуумвирата" для спасения Германии.

Шлейхер, будучи безусловно информированным о закулисных интригах Гитлера и Папена, посетил 23 января Гинденбурга и предложил ему план выхода из создавшегося кризиса. Он просил полномочий на роспуск рейхстага, назначение новых выборов в срок гораздо более продолжительный, чем предусматривалось конституцией, что означало правление и, главное, осуществление важных государственных реформ на протяжении определенного времени вообще при отсутствии парламента. Предлагалось также объявление при необходимости чрезвычайного положения, запрет деятельности НСДАП и КПГ. При этом Шлейхер убеждал президента, что СДПГ и профсоюзы не призовут ко всеобщей забастовке. Более того, согласие стран-победительниц от 11 декабря 1932 г. на расширение численного состава германской армии давало возможность призвать добровольцев и подавить при помощи рейхсвера возможное сопротивление этим мерам¹⁸.

Гинденбург, однако, отверг план Шлейхера. Он уже был готов назначить Гитлера канцлером в рамках "дуумвирата". После этого, 28 января, Шлейхер подал в отставку. Последнее препятствие на пути Гитлера к власти было устранено.

30 июня 1934 г. фашисты устроили в Германии кровавую резню. Ее жертвами стали и Грегор Штрассер, и Курт фон Шлейхер. Это еще раз подтверждает, что Гитлер относил их к категории своих наиболее опасных противников, которые могли сорвать реализацию его далеко идущих планов.

¹ См.: Höhne Heinz. Die Machtergreifung: Deutschland Weg in die Hitler-Diktatur. Hamburg, 1983. S.211.

² Papen Franz von. Von Scheitern einer Demokratie. 1930–1933. Mainz, 1968. S.331.

³ Die erste Republik: Dokumente zur Geschichte des Weimarer Staates. München; Zürich, 1992. S.489.

⁴ Plehwe F.K. von. Reichskanzler Kurt von Schleicher. München, 1983. S.241.

⁵ Höhne Heinz. Idem. S.217.

⁶ Ibid. S.227.

⁷ Zentralblatt der christlichen Gewerkschaften Deutschlands. 1932. №24. S.309.

⁸ Heer Hannes. Burgfrieden oder Klassenkampf. Berlin, 1971. S.56.

⁹ Vossische Zeitung. 1932. 15. Mai.

¹⁰ Höhne Heinz. Idem. S.209.

¹¹ Die erste Republik. S.492; Plehwe F.K. von. Idem. S.256.

¹² Gewerkschaftszeitung. 1932. №53. S.833.

¹³ Plehwe F.F. von. Idem. S.258.

¹⁴ Goebbels Josef. Tagebücher 1924–1945. Bd.2: 1930–1934. München; Zürich, 1992. S.728.

¹⁵ Gotthardt Jasper. Die gescheiterte Zähmung: Wege zur Machtergreifung Hitlers 1930–1934. Frankfurt, 1986. S.123.

¹⁶ Pyre B. Портрет германского милитариста. М., 1982. С.359; Plehwe F.K. von. Idem. S.259.

¹⁷ Bracher K.D., Funke M., Jacobsen N.A. Die Weimarer Republik 1918–1933. Politik. Wirtschaft. Gesellschaft. Bonn, 1988. S.517.

¹⁸ Plehwe F.K. von. Idem. S.275.

Л.Б.САДОВСКАЯ

СПЕЦИФИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО СИМВОЛА В ФИЛОСОФИИ ТВОРЧЕСТВА ВЯЧ.ИВАНОВА

В контексте последних исследований русских концепций художественного символа творчество Вяч. Иванова представляет собою оригинальную, самобытную, а также наиболее последовательно сформулированную философскую теорию. Ее ключевыми понятиями, отражающими основную цель творческих стремлений философа, – преодоление отвлеченного типа мышления, поиск синтетических форм отражения жизни – стали "соборность" и "символизм". Связывая, а порою и отождествляя эти понятия, Вяч. Иванов придерживался ницшевского убеждения в необходимости преодоления "критического" барьера в состоянии современной культуры и утверждения ее органического единства. На этом основании главные звенья культурной реинтеграции выделялись в таких сферах духовной деятельности человека, как религия и искусство. Результатом процесса культурной "перестройки", происходящего на основе их взаимопроникновения, должно было стать "реальное" становление новой религиозной жизни как особого рода творческой деятельности. В связи с этим творчество как выявление "разума вещей", или смысла красоты чувственного мира, осмысливалось в терминах религиозных (теургия). В категориях такого мистически мыслимого реализма философ обозначил и свое понимание символа – основного элемента в создании искусства нового типа.

Вяч. Иванов отмечал появление "мифотворческого" символизма, который связывался им со сверхличным самоопределением творческой индивидуальности, поиском сущностных реальностей в искусстве. Являясь выражением идеальной природы вещей, символ в нем играет роль связующего звена причастных к его созерцанию обособленных разъединенных сознаний. Поэтому парадигма символической действительности, как ее описывает философ, включает в себя и уникальный вид реальности, представленный в символе, и уникальный вид сознания, обусловленный воздействием символа. Исходя из этого, Вяч. Иванов объявил целью символического искусства преодоление меонического состояния личности, заключающегося в полагании всего, вне себя сущего, своим объектом. Дешифровка символа должна привести к отождествлению субъекта и объекта, а следовательно, к восстановлению онтологического статуса личности. Такая трактовка символического творчества имеет определенную социальную направленность и выводит проблему символа за пределы искусства.

Для выявления признаков символического искусства первостепенное значение Вяч. Иванов придавал динамическим составляющим художественного процесса – эмморфозе: "ознаменованию" вещи, ее простому выявлению в форме и метаморфозе, ее "преобразованию". Они, как полагал мыслитель, отражают мировоззренческую сторону личности художника и соответствуют

двум основным направлениям развития искусства. "Реализм и идеализм, — подчеркивает Вяч. Иванов, — изначально соприсутствуют задачам и устремлениям деятельности художественной"¹.

Важно указать на условность употребляемых теоретиком символизма понятий реализма и идеализма. Под реализмом философ подразумевает "принцип верности вещам" одновременно в их эмпирическом и сущностном аспектах. Идеализм для Вяч. Иванова является совокупностью элементов творческой свободы художника. В идеализме он усматривает действие иного принципа — верности постулатам личного мировидения. Следовательно, разграничение между двумя видами символизма философ проводит путем выявления соотношений символа к той реальности, знаком которой он является.

Символ реалистического искусства философ характеризовал в связи с пониманием им реального как сущностной стороны вещей. Вяч. Иванов следует основам диалектики явления и сущности Платона, когда заявляет: "Реалистический символизм признает символом всякую реальность, рассматриваемую в ее сопряженности с высшей реальностью, т.е. более реальной в ряду реального"². Но если познание у Платона направлено на сферу идей безотносительно к конкретной вещи, то познание идеальной природы явления у Вяч. Иванова происходит путем созерцания этого явления прежде всего как чувственной данности.

С такой точки зрения символ рассматривается Вяч. Ивановым как знак онтологической ценности явления, данного в ощущениях. Таким образом, "принцип верности вещам" является развитием представления об абсолюте, который, будучи единым в своей множественности и обладая творческой потенцией, создает реальный мир вещей.

При подобном рассмотрении символизм Вяч. Иванова можно классифицировать как определенного рода феноменологию. Философской обработкой опытного материала здесь служит достигаемое предельным углублением в феномен восхождение от феномена к ноумену.

В статье "Лев Толстой и культура", исследуя особенности символического миропонимания, Вяч. Иванов определяет основную задачу художника — сознательно представлять в творчестве параллелизм феноменального и ноуменального, того, что искусство изображает как действительность внешнюю (*realia*), и того, что оно усматривает во внешнем как высшую внутреннюю действительность (*realiora*). Поиск искусством форм выражения единства феноменального и ноуменального теоретик символизма уподобляет стремлению конкретной реальности к своему предельному, сущностному выражению в сознании. Поэтому условная, или символическая, действительность наделяется одновременно характеристиками и идеального бытия, и чувственного. Последнее в качестве фактора культуры является конститутивным моментом понимания индивидом мира.

Следует заметить, что к категории ноуменального философ не относит природу психических или эмоциональных явлений, привносимую художником в символ в качестве субъективного фактора его толкования как условной реальности. Напротив, свою символическую теорию он считает направленной на поиски соответствий между вещами и сущностями, проявлениями которых эти вещи выступают, а не между вещами и "чувствами", что представляется ему характерным для субъективного символизма и искусства декаданса в целом.

Символ для Вяч. Иванова — средоточие не только объективных, фиксируемых чувственными данными качеств определенного явления, но и его предикативных характеристик, благодаря которым он есть то, чем является как объект умозрительного процесса. Отсюда исходит одно из важных требований к символу — отражать предикативную, или "становленческую", сторону конкретного явления. В связи с этим философ использует понятие инобытия, с которым связывает представление в образе качеств, недоступных чувственному восприятию. Они и призваны выражать искусством символов искомое отношение единичного к общему. Таким образом, постулируемый Вяч. Ивановым принцип "преобразования" вещи в искусстве основывается на

требовании давать представление не о ее формальной многозначности, а о многообразии ее сущностной выраженности.

Символ в эстетической системе идеолога нового искусства представляет собою особый вид знака. Семиотический подход к символу осуществлялся в античности, а также в философии Гегеля, Шеллинга. Указывая на единство значения вещи и ее предметного выражения, Гегель писал: "...В символе мы должны сразу же различать две стороны: во-первых, смысл и, во-вторых, выражение этого смысла. Первый есть представление или предмет безразлично какого содержания, а второе есть чувственное существование или образ какого-либо рода"³. Вяч. Иванов же указывал на нестабильность содержательного плана одного и того же художественного символа, более всего склоняясь к определению его не как знака, а как "ознаменования". То, что символ "означает" в искусстве, не является какой-либо фиксированной идеей. "Иначе символ – простой гиероглиф, и сочетание нескольких символов – образное иносказание, шифрованное сообщение, подлежащее прочтению при помощи найденного ключа"⁴. Один и тот же символ имеет отношение к различным планам бытия, а потому выполняет и различные смысловые назначения. Многообразность таких назначений, по Вяч. Иванову, детерминирована синкретической природой единого космогонического мифа, к которому отдельный символ относится как органическая часть его многопланового содержания.

По-своему толкует Вяч. Иванов гегелевский тезис о двуединстве образа и смысла в символе. Когда мыслитель называет символ "знаком реального инобытия", он указывает на определенное тождество знака и его денотата. Тем не менее данное тождество Вяч. Иванов не относит к внешнему проявлению. Оно касается совпадения некоторых, вызываемых и символом, и символизируемым объектом ассоциаций, связанных с умопостигаемой реальностью. Отсюда в своей теории мыслитель придерживается ориентации на постепенное сближение с предметом путем не визуального, а умозрительного, интуитивного раскрытия его взаимосвязей. Целью же ивановского символа является дать ощущение вещи как "узнавание", распредемчивание.

Основные свойства символа в эстетике Вяч. Иванова – многозначность, многосмысленность и конечная его неопределенность. "Символ только тогда истинный символ, – отмечает мыслитель, – когда он изрекает на своем ...языке намек и внушения нечто неизглаголемое, неадекватное внешнему слову. Он многолик, многосмыслен и всегда темен в последней глубине. Он органическое образование..."⁵ Таким образом, теоретик нового искусства подчеркивает, что отсутствие четкой детерминации между явлениями знаменующим и знаменуемым обуславливает вариативность их истолкования.

Говоря о новом понимании художественного образа как символически многозначного целого, отражающего множество реальностей, Вяч. Иванов имеет в виду "широкий" символизм, тенденцию к символизации в современном искусстве. Символизм в качестве некоего общего принципа развития для него гораздо важнее того символизма, который утверждался догматически как школа. Согласно философу, любое произведение искусства может быть рассматриваемо с точки зрения его символической содержательности. Каковы же критерии такого определения? "О символизме, – отмечает его адепт, – можно говорить, лишь изучая произведение в его отношении к субъекту воспринимающему и к субъекту творящему..."⁶ Тем самым он утверждает, что образ создаваемый и образ воспринимаемый в любом виде творчества не соответствуют друг другу по своей смысловой содержательности. Так обосновывается и причина многозначности символического знака в парадигме рецептивного восприятия. О "полном" символизме, полагает Вяч. Иванов, может идти речь, если изображенная вещь адекватна однозначному ее пониманию как определенного символа одновременно и созидающим, и воспринимающим творчество субъектами, т.е. если смысловая нагрузка превалирует над предметной и предмет воспринимается в совокупности с его одновариантной смысловой соотносительностью обоими субъектами творчества.

Мыслитель не выявляет причины смысловых несоответствий, возникающих в отношениях художника и реципиента. Позже К.Юнг отнесет эти различия к сфере психических в ассимиляции перцепируемого образа⁷.

Из рассуждений Вяч. Иванова следует, что символическое произведение не может быть проанализировано как самостоятельный объект творческой деятельности. Такое утверждение подвигает к выводу, что в качестве метода творчества символизм мыслился философом превосходящим границы любых эстетических нормативов. Эстетической теории свойственно рассматривать произведение искусства "в себе самом". Символическое же творение может быть исследуемо лишь в континуальной совокупности творца, результата творческого акта и реципиента. Внеположенность символизма как мировидения и эстетики определяют отношения бинарных структур "художник – произведение" и "произведение – реципиент", в которых произведение имеет прикладную роль, роль со-общительного звена, или посредника общения.

Вяч. Иванов фактически отрицает символизм как школу, когда утверждает его не в качестве нового типа творчества, а в качестве нового типа отношения к миру. В этом он отличен и от "реалистов" – А.Белого, А.Блока – и от "субъективистов" – В.Брюсова, К.Бальмонта. Символ в его эстетике составляет своеобразную форму диалога художника и реципиента, в котором проявляется попытка первого превосходить восприятие образа и стремление второго – максимально приблизиться к мировидению творца. Дешифровка символа субъектами творчества мыслился Вяч. Ивановым как акт приобщения "разъединенных сознаний" к единой божественной сущности. В связи с этим философ характеризует искусство символов, используя критерии нового соборного искусства. Задача последнего – положить предел "меонизму" и разобщенности в жизни. Понимание символизма как специфической философии исходит из осознания Вяч. Ивановым кризиса культуры, под которым он понимал глубокие противоречия в отношениях субъектов творчества, а точнее – как несовпадение точек зрения субъектов относительно внешней (предметной) и внутренней (содержательной) сущности искусства. Кроме того, несовершенство самой "первожизни" объясняется ее искажением во вторичном, "искусственном", бытии, а существование социальных пороков – разобщенности и вражды человека к человеку – обосновывается дискретностью процесса творчества. Следовательно, чтобы понять ключевую формулу эстетики Вяч. Иванова "искусство всегда символично", необходимо конкретизировать ее в соответствии с общей идеей творчества мыслителя – концепцией соборности. Искусство символично в пределах синтетического и трансцендентального мировидения с его пониманием мира как организма, целостного бытия, в котором нет противоречия между явлением и сущностью.

Таким образом, если символ является "ознаменованием" сверхиндивидуальной природы вещей, то искусство символизма – это путь преодоления субъективного отношения к окружающему миру. Данное положение легло в основу современных исследований теорий символизма, которые определяют основное свойство символа – "быть осязаемым отражением таинственного желания всякого человека превзойти свое состояние"⁸.

Следовательно, в основе концепции русского "реалистического" символизма Вяч. Иванова заложена идея мифа как универсального начала искусства. Философ проводит мысль, что символ вещи является таким ее отражением, которое в результате обработки средствами художественного мышления представляет данную вещь в форме, отличающейся от формы первичного восприятия. Данное отражение есть отождествление вещи с ее абсолютным содержанием. Развиваясь до бесконечности в многоаспектности умозрительного представления, символ представляет собою потенциальное содержание единого синкретического мифа. В этом плане искусство символизма, опирающееся на мифологическую природу символа, представляет мыслителю творчеством новой, религиозной направленности: любой содержащийся в символе новый аспект мифа знаменует очередной этап познания от менее к более субстанциальной, божественной реальности.

При всех достоинствах символической теории Вяч. Иванова, рассматривающей символ в тесной соотнесенности с объективной предметной данностью, она не лишена поэтизации религии. Такая поэтизация прослеживается в сближении религиозного обоснования основных ее положений с "игрою символов". Главное противоречие в теоретических построениях философа связано с понятием "реалистического символа". В отличие от идеалистических концепций, признающих доминантой творчества не познаваемый мир, а познающее "я" художника, символ постулируемого Вяч. Ивановым реалистического искусства является указанием на некую скрытую формами эмпирического бытия реальность. При этом он не перестает быть данностью, смысл которой заключен не в ее собственном конкретном содержании, а в том ином, на что она непосредственно указывает, т.е. символ не может принимать форму обозначаемой им реальности. Поэтому любой художественный символ закрепляет за искусством качества преображенного бытия, фикции, иллюзии. Данное положение подтверждается еще и тем, что так понимаемый реалистический метод развития искусства базируется на вере творца в собственные художественные впечатления. С позиций субстанциональности объекта веры обосновывается также развитие символизма как мифотворчества.

¹ Иванов Вячеслав. Две стихии в современном символизме // Русские философы. Антология. М., 1993. С.222.

² Иванов Вяч. Собр. соч. Брюссель, 1974. Т.2. С.665.

³ Гегель. Эстетика. М., 1969. Т.2. С.14.

⁴ Иванов Вячеслав. Две стихии в современном символизме. С.219.

⁵ Иванов Вяч. По звездам: Статьи и афоризмы. СПб., 1909. С.39.

⁶ Иванов Вяч. Борозды и Межи: Опыты эстетические и критические. М., 1916. С.153-154.

⁷ Юнг К.Г. Психология индивидуальных различий: Тексты. М., 1982.

⁸ Nataj G. Symboles, signes et marques. Paris, 1973. P.11.

В.Ф.БЕРКОВ, А.Н.ДАЕВ

ЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ЕЕ РОЛЬ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СТАНОВЛЕНИИ УЧИТЕЛЯ

Задача статьи – выделить логические аспекты профессиональной подготовки учителя и вместе с тем заострить внимание научной и педагогической общественности на недостатках в формировании его логической культуры и необходимости ее повышения.

Логика является одним из краеугольных камней педагогики. Систематичность и последовательность обучения – это прежде всего его логичность. Как специфический познавательный процесс обучение (учение, научение) на ступени абстрактного мышления протекает в определенных логических формах. Повседневная жизнь школы – как средней, так и высшей – убедительно подтверждает соображения о необходимости широкого использования возможностей логики в учебном процессе, выработки методических рекомендаций на основе ее достижений.

Практическое применение концептуального аппарата логики – одна из важных и актуальных задач совершенствования, рационализации учебного процесса. Эта задача имеет непосредственное отношение к тому, что можно назвать процедурным аспектом обучения. С ним взаимодействует и ему противостоит содержательный аспект. В рамках последнего решается задача по вооружению учащихся глубокими, всесторонними и прочными знаниями на уровне современных достижений науки и требований практики. Процедурному аспекту соответствуют цели иного рода – дать учащимся навыки работы с этими знаниями, получения на их основе новых знаний, а также оптимизации способов понимания учебного материала. Научить детей учиться, сохранить и развить их познавательные потребности, обеспечить познавательными средствами, необходимыми для усвоения основ наук, – не менее важная задача, чем "наполнить" информацией о внешнем мире.

Следует отметить асимметрию в отношении педагогического сообщества к этим аспектам. Сложилось так, что преподаватели сориентированы прежде всего на то, чтобы дать учащимся максимум знаний о различных сферах

действительности. Однако, по выражению древних, многознание уму не научает. В наш век экспоненциального роста информации содержание знаний быстро устаревает, они стремительно превращаются в ненужный балласт. Встает задача смещения центра тяжести обучения на овладение методами добывания и переработки знаний, придавая при этом больше внимания их форме. Эти методы составляют существенный компонент продуктивной творческой деятельности человека. Поэтому задачи, соответствующие процедурному аспекту обучения, раскрываемому логикой как наукой, становятся ведущими.

Приходится констатировать тот странный факт, что к формальной логике и ее педагогическим возможностям сформировалось прохладное и даже скептическое отношение. Это началось сразу после Октябрьской революции и поддерживалось даже в 70–80-е годы. В.В. Давыдов, весьма уважаемый авторитет в научно-педагогических кругах, совсем недавно писал: "Современная формальная логика изучает специальную и частную сторону мышления и не является больше методом познания"¹. И в другом месте: "...Мышление, осуществляющееся с помощью абстракций и обобщений формально-логического характера, приводит к образованию лишь так называемых эмпирических понятий... Специфики собственно научно-теоретических понятий формально-логические абстракции и обобщения не выражают"². Но тогда возникает простой и естественный вопрос: как быть, например, с математикой, сугубо теоретической наукой, которая – и с этим вряд ли не согласится В.В. Давыдов – опирается в своем развитии на формально-логический аппарат и обосновывается формально-логическими средствами (разумеется, не только ими)?

Недооценка логического образования в конечном счете привела к негативным последствиям. Снизился качественный уровень многих научных работ, особенно в гуманитарной сфере. Их общими отрицательными чертами стали нечеткость в постановке исследуемых вопросов и формулировке полученных результатов, отсутствие лаконичности в изложении и доказательности в аргументации, концептуальности и конкретности предлагаемых рекомендаций. Недостаточность логичности восполняется схоластическим теоретизированием.

Не занимает логика подобающего ей места в теории и практике обучения. Учебные планы, учебные программы редко подвергаются логической экспертизе и потому страдают избыточностью и даже противоречивостью. Многие учебники не отвечают требованиям конструктивности и последовательности в изложении учебного материала. Задачи подготовки учащихся решаются с опорой на разобщенный, как правило, труд учителей. Воспитание логической культуры не стало доминирующей целью учебно-воспитательного процесса. Среди части методистов и преподавателей бытует мнение, что логика, особенно современная, недоступна пониманию учащихся средних школ, хотя этого никто не исследовал и не доказал.

Нельзя сказать, что дидактика, методика, психология преподавания полностью игнорировали значение логики в учебном процессе. Однако многие из работ, посвященные данной теме, не дали принципиально новых результатов, поскольку строились на базе традиционной логики, законы и принципы которой формулируются на интуитивном уровне, без достаточного рационального обоснования и которая довольствуется весьма ограниченным набором категорий (понятием, суждением, умозаключением), не охватывающим даже мышления, представленного в естественных языках.

Слабо владеют аппаратом современной формальной и диалектической логики школьные учителя, да и преподаватели высших учебных заведений. Причина этого до банальности проста: в педагогических вузах курс логики изучается в явно урезанном объеме (как правило, в рамках 36 часов учебного времени) или не изучается вовсе, как это имеет место на многих физических, химических, биологических, географических факультетах. На математических факультетах логика преподается в качестве вспомогательной математической, но не педагогической дисциплины, и хотя у этого учебного курса имеются определенные возможности, он оказывает слабое влияние на профессиональное становление учителей.

В настоящее время развитие логики как науки идет по двум основным линиям: во-первых, по линии разработки новых логических систем, исследования свойств этих систем и отношений между ними; во-вторых, по пути расширения сферы ее применения.

Движение по первой линии привело к возникновению множества логических направлений (логик), одно перечисление названий которых займет не одну страницу. Нелегко определить, насколько все они важны для логической подготовки учителя, тем более, что разработка вопросов практического применения логических систем во времени, как правило, отстает от их теоретического развертывания. Многие из названных направлений нашли широкое применение в систематизации теорий, в решении разнообразных метатеоретических проблем, в процессах компьютеризации. Но в то же время их педагогические приложения пока весьма скромны, фрагментарны и даже спорны. Возможно, не все они пригодны для достижения педагогических целей. В первую очередь это относится к различного рода логическим исчислениям, которые весьма далеки от соответствия естественному протеканию мыслительных процессов.

Преподававшиеся в прошлом в пединститутах и университетах курсы логики страдали двумя крайностями: либо они были "слишком научны", затеоретизированы, поскольку включали в себя множество формализмов и символизмов, которые были оторваны от живого дидактического процесса, учительской практики ведения уроков, анализа конкретных ситуаций, встречающихся во взаимодействии учителя и учеников; либо повторяли банальные истины традиционной логики, которые воспринимались как нечто само собой разумеющееся, внушающее сомнение в их надобности прежде всего студентам, а затем и составителям учебных планов. Известны случаи, когда по этим причинам логика изымалась из учебных планов педагогических специальностей.

Подготовка учителя в логическом плане должна быть необходимой и достаточной для того, чтобы решать определенные задачи по воспитанию логической культуры учащихся. Важнейшими среди них являются те, что позволяют:

- хорошо ориентироваться в функциях, выполняемых различными элементами разговорного и научного языка в различных коммуникативно-познавательных ситуациях;

- эффективно действовать согласно логическим законам в познании, процессах убеждения и при контроле за правильностью самых разнообразных мыслительных построений;

- уверенно и грамотно выполнять такие логические процедуры, как обобщение и ограничение понятий, определение, деление (классификация и типология), преобразование суждений, установление их истинности (ложности) на основе знаний об истинности (ложности) других суждений, аргументация, постановка вопросов, оценка ответов, проверка гипотез и др.;

- быть чувствительным к логическим противоречиям, умышленным и произвольным погрешностям в рассуждениях, недозволенным приемам в дискуссиях и спорах;

- овладевать навыками логического анализа учебных, научных и деловых текстов;

- четче представлять структуру изучаемых учебных дисциплин, устанавливать наиболее общие связи и отношения между ними, обнаруживать возможности применения методов одних наук в других науках.

Это сугубо практические задачи. Их решение находится в плане использования соответствующих теоретических знаний, но на сегодняшний день оно составляет важную дидактическую проблему. "Можно научиться различным операциям с понятиями, суждениями и т. п. формами мышления, – заметил Ю.А.Петров, – но при этом не иметь представления, как эти операции использовать для практического повышения культуры мышления. Ведь нередко после изучения курса логики студенты задают вопрос: "Зачем нужна логика?"³

Ю.А.Петров резонно ставит вопрос о необходимости выделения данной проблемы в особое научное направление, которое предлагает называть практической логикой. Ее главная задача — разработка правил решения мыслительных задач. «Естественно, что для правил этой логики могут потребоваться правила обычной формальной логики, которая по отношению к практической логике будет представлять вспомогательную теорию, теоретическую базу, или теоретическую логику»⁴.

По идее этого автора, правила практической логики не могут быть чисто формальными, в противоположность, например, правилам дедуктивных выводов классической логики. Это исключает применение данных правил без понимания смысла того, о чем они говорят. Поэтому практическая логика будет содержательной дисциплиной, а потому ее правила не могут претендовать на такую же степень полноты, точности и определенности, как формальные правила теоретической логики. И все же она может играть значительно большую роль в воспитании логической культуры, нежели формальная (теоретическая) логика.

Однако вряд ли возможно создание практической логики, пригодной одновременно для всех видов человеческой деятельности. При наличии общих черт в разных сферах мышления и деятельности имеются свои особенности. Не случайны попытки специализировать учебную литературу по логике для будущих юристов, журналистов, инженеров, офицеров, а также педагогов и др. Не всегда эти попытки были удачными. Нередко дело сводилось к иллюстрации примерами из частных сфер общих положений логики, отчего практический эффект такой литературы был невелик.

Задачи логической подготовки учителя должны заключаться прежде всего в освоении соответствующего раздела практической логики — педагогической логики. Исходя из ее принципов, учитель должен отслеживать и оценивать, как выполняются требования к определенности, непротиворечивости, последовательности мышления, обучать воспитанников навыкам самостоятельного добывания, оформления, обобщения и преобразования знаний, замечать допускаемые при этом ошибки (в том числе формальные), указывать на них и объяснять их суть.

Педагогическая логика должна выполнять и такую существенную функцию, как установление межпредметных связей. Обычно межпредметные связи рассматриваются лишь в плане взаимопомощи учебных предметов и устранения дублирования. Но, как верно заметил А.М.Сохор, при этом «упускается гораздо более существенный аспект — единство логики рассуждений, вытекающее из единства материального мира. Подобно единому языковому режиму, единому режиму вычислений, в школе необходим единый логический режим — как система единых требований к умению рассуждать, доказывать, думать»⁵. Логика, таким образом, выступает в качестве дисциплины, «стыкующей» гуманитарные, естественнонаучные и технические знания.

Для постижения педагогической логики недостаточно учительской интуиции и многолетнего опыта, хотя, разумеется, последний многому научает. Требуется владение особым понятийно-терминологическим аппаратом, позволяющим сознательно, со знанием дела подходить к оценке познавательных моделей и процедур с точки зрения их состоятельности. И поскольку знания и навыки такого рода обеспечиваются логикой, постольку повышение собственной логической культуры должно быть повседневной заботой каждого работника педагогической профессии.

Предметная область педагогической логики должна охватывать правила, позволяющие контролировать, корректировать и направлять мыслительные процессы учащихся. Эти правила могут быть сформулированы прежде всего для использования важнейших категорий формальной логики — терминов, высказываний, выводов, вопросов. Успех в преподнесении материала одной стороной учебного процесса (учителем) и в его освоении другой (учащимся) зависит от качества работы с этими категориями. Важно «погрузить» логические структуры в конкретный учебный материал, связав таким образом логику с задачами и особенностями педагогической деятельности.

К сожалению, приходится констатировать, что в настоящее время логика не занимает достойного места в профессиональной подготовке учителя. Устранение этого недостатка видится в связи научной разработки проблем педагогической логики с внедрением ее достижений как в учебные планы педагогических специальностей, так и в повседневную деятельность людей, посвятивших себя работе на ниве народного образования.

¹ Давыдов В. В. Виды обобщения в обучении. М., 1972. С.72.

² Он же. Проблемы развивающегося обучения. М., 1986. С.87–88.

³ Петров Ю. А. Азбука логичного мышления. М., 1991. С.3–4.

⁴ Там же. С.4.

⁵ Сохор А. М. К вопросу о логической подготовке учителя // Советская педагогика. 1986. №12. С.83–84.

Н.В.МАЛАЯ

ЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЭВРИСТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ

Задачей данной работы является анализ основных этапов развития эвристической проблематики. Исследование эвристики как совокупности методов и приемов для получения нового знания позволит выявить ее существенные характеристики и значение в познавательном процессе.

Такие характеристики формирования знания в эпоху античности, как отсутствие дифференциации в конкретно-научном и других сферах знания, существование специфической обособленности идеально-логического и предметного уровней познавательной деятельности, объясняли необходимость разумного обоснования любого положения. Поэтому индукция, один из эвристических методов, рассматривалась как способ получения знания вообще.

Одним из мыслителей античности, который первым обратился к данной проблематике, был Демокрит. Он критически оценивал умозрительные доказательства. И созданная им логическая система основывалась не на дедуктивных, но преимущественно на индуктивных положениях.

Основы индуктивной логики Демокрита были использованы Сократом для анализа рассуждений этического характера. Он трактует индукцию как прием движения мысли, который предполагает выдвижение пробного определения для какого-либо общего понятия. Рассмотрение различных примеров его употребления приводит к корректировке изначального определения, позволяет в ряде случаев выяснить эффективность его использования. В результате формулируется понятие с учетом всех известных случаев его употребления. Таким образом, метод индукции Сократ применял для поисков общего положения среди частных видов определений этических понятий.

Платон продолжил рассмотрение природы общих понятий и расширил границы поиска. Индукцию он связывал со способами построения науки как единой системы знания и получения первых принципов научного знания, где основная задача познания определялась как сведение менее общих идей к более общим и к самым общим «началам», из которых все эти общие и частные идеи могут быть выведены. Поэтому он увидел в индукции метод рационального познания, путь движения мысли в мире идей или общего знания, а именно: восхождение разума от менее общих понятий к более общим.

Идея Платона о существовании индукции как одного из основных путей построения целостного научного знания в учении Аристотеля принимает более строгую и систематизированную форму. Индуктивный метод значительно трансформируется, уточняется и конкретизируется. Аристотель противопоставляет диалектику аподейктике. Последнюю он относит к теории достоверного знания, выводимой с помощью дедукции, диалектика же определяется им как учение о правдоподобном знании. Рассуждения диалектического характера основываются на ранее полученном знании. В этом процессе оперируют методом наведения, где на основании частных посылок образуются общие положения.

Вопросы диалектики Аристотель анализирует в «Топике». «Топ» – это общее правило или положение, в диалектике «топы» играют роль, аналогичную аксиомам в аподейктике. В этом сочинении метод построения заключений из посылок, которые являются высказываниями правдоподобного характера, автор называет наведением. «Посредством наведения надо заключить от единичного к общему и от известного к неизвестному. Более известно – или вообще, или для большинства людей – то, что основывается на чувственном восприятии»¹. Данный метод используется при формировании общих понятий, суждений, определений, при переходе от наблюдений к общим принципам.

В отличие от предшественников Аристотель проанализировал индукцию не как элемент механизма рассуждения, но как метод, который является самостоятельной единицей логического анализа. Его положения об индукции и аналогии существенно дополнили Эпикур и представители его школы. В их логическом учении этим понятиям отведена важная роль в процессе познания.

Основным назначением индуктивного метода Эпикур и его последователи считали определение причинно-следственной зависимости. Эпикур утверждал, что «все мысли рождаются из чувств благодаря совпадению, соответствию, подобию и синтезу»². Поэтому он учитывал роль не только принципа сходства, но и принципа различия между сопоставляемыми примерами. Это положение можно определить как предвосхищение элиминативной индукции.

Если Аристотелю была известна индукция через перечисление (энумеративная индукция), то эпикурейцы открыли другой вид индукции – элиминативной. Индуктивный вывод в этом случае является обобщением, сделанным на основе принадлежности существенных признаков ряду предметов. Эпикур показал, что доказательная способность индукции зависит не от числа подтверждающих примеров, но от того, насколько существенным является признак, положенный в основу вывода.

Итак, представители древнегреческой философии впервые осуществили логический анализ процесса образования общих понятий, сформулировали классическое определение индукции и аналогии как эвристических приемов. Дальнейшее историко-философское и логическое развитие этих понятий шло по пути их конкретизации и уточнения. Если в эпоху античности признавалась необходимость индукции как способа получения нового знания, то средневековая традиция изменила направление анализа этой проблематики.

Ориентация средневековой философии на анализ религиозных проблем объясняет использование исключительно дедуктивного метода при обосновании догматов церкви. Четкое и ясное определение объектов доказательства не предусматривало выхода за границы уже имеющегося знания для поиска новых истин. Поэтому не было необходимости в разработке приемов открытия и получения нового знания. Тем не менее работы некоторых мыслителей средневековья оказали значительное влияние на развитие приемов и методов открытия.

В частности, Р.Гроссетест, комментатор «Второй аналитики» и «Физики» Аристотеля, высказывал мысль о том, что изучение явлений начинается с опыта, а посредством анализа устанавливается некоторое общее положение. Он рассмотрел предварительный вариант индуктивной процедуры, которая через несколько веков приобретет форму соединенного метода сходства и различия. Эти положения были развиты Роджером Бэконом, который стремился реформировать науку путем создания специального метода. Он подчеркивал роль индукции в опытном познании, показал зависимость индуктивной процедуры от содержательности и полноты фактических знаний.

Д.Скотт предложил индуктивный метод сходства, основанный на перечислении различных обстоятельств, которые сопутствуют каждому случаю возникновения исследуемого явления. В данном случае принцип соответствия выступает технически важным приемом индукции, которая превращает нечеткое знание о предмете в четкое. Если Д.Скотт предвосхитил возникно-

вание методов сходства, то У.Оккам предложил схему определения отличительных признаков исследуемых явлений, соответствующую сформулированному позднее методу различия Дж.Ст.Милля.

Таким образом, мыслители средневековья, несмотря на недооценку индукции как метода получения знания, сформировали важное направление в исследовании индуктивных способов открытия принципов объяснения эмпирических данных.

Развитие естествознания в эпоху Нового времени, ориентация познавательного процесса на эксперимент обусловили выработку нового метода, необходимого науке как способ открытий и изобретений, что привело к пересмотру традиционных приемов и методов исследования. В связи с этим Ф.Бэкон предпринял попытку реабилитации индукции, которую он считал основным методом получения нового и достоверного знания. Он утверждал, что «...для наук нужна такая форма индукции, которая производила бы в опыте разделение и отбор и путем должных исключений и отбрасываний делала бы необходимые выводы»³. Этот метод ученый назвал логикой изобретений. Ф.Бэкон предлагал на первом этапе построения данного метода критически пересмотреть все научное наследие, так как сами факты открытия могут подсказать принципы исследования, и опыт предшественников позволит выработать методы получения нового знания.

Единственно правильным методом получения нового достоверного знания в науке Ф.Бэкон считал не индукцию через простое перечисление, о которой говорил Аристотель, но элиминативную индукцию, предмет исследования Эпикура и его последователей. «Индукция, которая совершается путем простого перечисления, есть детская вещь: она дает шаткие заключения... Индукция же, которая будет полезна для открытия и доказательства наук и искусств, должна разделять природу посредством должных разграничений и исключений»⁴.

Критические замечания в адрес перечислительной индукции Бэкон обосновывает тем, что истинность законов никогда не может следовать из истинности любого конечного числа подтверждающих примеров, тогда как ложность этих законов необходимо следует из фальсификации одного случая, достаточного для опровержения рассматриваемого положения. В свою очередь, анализ роли элиминативной индукции в процессе получения истинного знания показывает, что ее возможности Бэкон явно преувеличивает. Использование этого вида индукции предполагает эмпирический характер правдоподобных исходных посылок. Поэтому сам метод не гарантирует нахождения истинного вывода среди предположений, составляющих посылки.

Следовательно, применение индукции через элиминацию в качестве метода открытия новых закономерностей содержит не меньшие трудности, чем использование индукции через перечисление. Тем не менее Ф.Бэкон возродил индуктивный метод как процедуру научного исследования, что оказало значительное влияние на развитие этой проблемы в будущем.

Р.Декарт также обратил внимание на методы поиска истины в науке. По его мнению, анализ результатов исследований в различных областях познания способствует выявлению совокупности правил и приемов получения знания, применение которых помогает в поиске истины. Он формулирует четыре правила: принимать четкие и ясные суждения; разделять проблему на несколько частей; организовывать предметы мысли в определенном порядке, что предполагает восхождение от простых к наиболее сложным; общий и полный обзор результатов работы. Успешное применение данных правил задает исследованию направление (наведение) и способствует формированию более ясных и четких представлений о самом предмете исследования. Следует отметить, что названные правила стали предметом анализа в эвристических исследованиях Д.Пойа.

Качественно новые характеристики индукции как метода получения нового знания отмечены в учениях Дж.Локка, И.Ньютона и Г.Лейбница. Они считали, что однозначного логического пути от фактов к теории нет, невозможно с

помощью данных наблюдения доказать истинность научных обобщений. Если Ф.Бэкон предпринял попытку построить логику как учение о правилах открытия и доказательства научных положений, то Лейбниц считал основной задачей логики выработку критериев, позволяющих оценить степень подтверждения фактами уже имеющихся гипотез. Он сформулировал общие идеи о возможности создания индуктивной логики как логики степеней подтверждения научных гипотез; эти положения получили развитие в логике XX столетия.

Мыслители Нового времени возродили индукцию как метод получения нового знания; изучая природу индуктивных выводов, они рассматривали основные этапы перехода от одного уровня знания к качественно иному, обобщающему, положению.

С развитием науки в XVIII в. произошли не только преобразования содержательных аспектов естествознания, но изменились структурные характеристики научного знания. Возрос интерес к способам получения знания и объяснения законов природы, которые выявлялись и формулировались в ходе наблюдений и экспериментов. В этот период можно отметить как момент расширения предметной области исследований, так и увеличение попыток методологического анализа полученных результатов. Особого внимания в этой связи заслуживают концепции Дж.Гершеля, У.Уэвелля, Б.Больцано, Дж.Ст.Милля.

Обращаясь к материалам истории естественных наук, исследуя последние достижения в физике, астрономии, химии, они рассматривали принципы развития естествознания, правила, которыми приходится руководствоваться при систематическом исследовании природы. Критикуя бэконовскую модель индукции, Гершель отмечает, что с ее помощью объясняются не все научные открытия, поэтому он вносит следующие дополнения. Существует два способа перехода от единичных фактов к обобщениям, от наблюдений к теориям: первый основывается на использовании специальных индуктивных схем, второй предполагает создание гипотез. Для исследователя явления выступают основанием формулировки законов природы и после выделения значимых свойств определяются связующие элементы, корреляции и устанавливается последовательность событий.

У.Уэвелль и Ст.Джеворнс называют индукцию методом открытия и доказательства общих законов и принципов. Они представляют индукцию как процесс генерализации на основе фактов, в результате которого возникает обобщение высшего порядка. На основе материалов истории науки эти исследователи пришли к выводу, что индукция представляется не высказыванием об общих свойствах перечисленных фактов, а выводом о характере их взаимосвязи, что позволяет сделать более основательное заключение об исследуемых предметах.

Дж.Ст.Милль продолжил рассмотрение индуктивной проблематики и выявил роль и значение индуктивных выводов для науки в процессе открытия законов и в процессе их дальнейшего подтверждения. Он проанализировал и дополнил ряд индуктивных приемов, описанных Скоттом, Оккамом, Гершелем и другими мыслителями.

Логико-эмпирическая процедура построения индуктивных выводов обусловила категориальное оформление в XIX в. эвристических методов Б.Больцано. Его исследования послужили основанием для разработки Д.Пойа эвристических методов получения нового знания.

Историко-философский анализ традиционных логических учений позволяет рассматривать динамику эвристических методов, раскрывать специфику и особенности получения нового знания на определенных этапах развития философской мысли.

¹ Аристотель. Соч. В 4 т. М., 1978. Т.1. С.507.

² Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях великих философов. М., 1989. С.32.

³ Бэкон Ф. Соч. В 2 т. М., 1977. Т.1. С.72.

⁴ Там же. М., 1978. Т.2. С.62.

В.А.ПОЛИКАРПОВ

ПРОБЛЕМА ПРИЧИННОСТИ В ПСИХОЛОГИИ

Вопрос о том, существует ли психическое, или представления о нем, есть лишь метафора, скрывающая какую-то другую реальность: физиологические процессы, протекающие в определенных структурах биологических объектов, информационные процессы в обществе и т.п., до сих пор не получил окончательного ответа. Признание психики в качестве самостоятельной, не редуцируемой реальности было бы слишком смелым шагом для многих психологов, тяготеющих к материализму. Ведь она, казалось бы, лишена главных критериев материальности и даже не доступна чувственному восприятию, не делима, по-видимому, на элементы, общие различным видам реальности, наподобие элементарных частиц, являющихся элементарной структурной единицей и органического, и неорганического, сохраняющих свои основные свойства и в составе молекул вещества, образующих живой, действующий мозг человека, и в составе какой-либо окаменелости вроде угля или известняка, и в составе морской воды. Наконец, вследствие неделимости психики не подчиняется (опять же, по-видимому) законам сохранения, т.е. не имеет прямого отношения к тому, что существует всегда и повсюду и "зримо" для познающего субъекта. Но "материалистическое" решение проблемы существования психического, сводящее последнее лишь к отражению материальной действительности², т.е. к образу, либо не совсем понятное его определение как свойства мозга (а мозг имеет и другие свойства, например: его средний вес 1360 г, его ткань образована нейронами и глиальными клетками, в нем замыкаются условно-рефлекторные связи, функционируют биотоки и т.п.), или уже совсем непонятное определение психического как продукта мозга, объявляющее психическим конкретные материальные вещи, лежащие вне человека (по существу, все созданное человеком как субъектом, плюс его поведение есть в известном смысле продукт его мозга), оставляет без ответа вопрос о природе спонтанной активности человека, его воли, об их месте в системной детерминации поведения.

Исходным пунктом в решении поставленных проблем является, на наш взгляд, принцип единства общения и деятельности. В настоящее время этот принцип, признанный, наверное, большинством психологов бывшего СССР, интерпретируется по-разному. Мы придерживаемся того мнения, что принцип единства общения и деятельности имплицитно содержится в более общем и имеющем первостепенное значение для психологии принципе единства сознания и деятельности. В более точной формулировке этот принцип будет таким: психическое у человека не только проявляется, но и формируется в деятельности. В то же время утверждается, что деятельность нельзя рассматривать как простое взаимодействие индивида с объектом. Субъектом деятельности всегда является не отдельный индивид, а совокупный субъект³ – противоречивое единство отдельных индивидов и групп, каковым потенциально является все человечество в целом. Как отмечает Б.Ф.Ломов,

деятельность отдельного индивида (деятельность в узком смысле) "не существует сама по себе, она обычно выступает как "составляющая" совместной деятельности групп (и коллективов) людей. Ее динамика вряд ли может быть раскрыта без понимания этого⁴.

Деятельность индивида, таким образом, детерминирована деятельностью общества, которое конкретизируется в каждом конкретном случае через понятие "совокупный субъект". Вхождение индивида в состав совокупного субъекта и соединение его таким образом с деятельностью (или, точнее, пробуждение у него деятельности) оказывается главным условием превращения его в человека в социальном и психологическом смысле, а соединение индивидов в совокупном субъекте есть важнейшее условие деятельности, что делает совокупный субъект конкретным носителем социальной детерминации составляющих его индивидов. Это вхождение индивида в совокупный субъект описывается с помощью категории "общение". Таким образом, категория "общение" имплицитно содержится в категории "деятельность".

Это ни в коем случае не означает, что общение является подчиненной категорией по отношению к категории деятельности. Мы хотим лишь подчеркнуть, что принцип единства сознания и деятельности правомерен и в условиях, когда акценты в изучении человека смещаются в сторону его взаимодействий с другими людьми. Более развернуто этот принцип можно было бы изложить так: сознание (психика вообще) формируется в деятельности на основе общения или даже — в общении на основе деятельности. Утверждение, что деятельность предполагает общение, как раз исключает сведение общения к деятельности, т.е. подход к общению как к одной из форм деятельности и, с другой стороны, исключает отделение общения от деятельности⁵. Категория общения тем самым обретает свою специфику. Общение — это не просто взаимодействие индивидов, совершающееся по типу взаимодействия субъекта с объектом, и не просто обмен информацией, каким на первый взгляд представляется взаимодействие, оторванное от объекта. Общение — это способ вхождения индивида в совокупный субъект деятельности. Это процесс (или родовое имя диалектической суммы процессов), обеспечивающий участие отдельного индивида в совокупном субъекте деятельности и существование совокупного субъекта деятельности как диалектического единства составляющих его индивидов.

Формируясь внутри совокупного субъекта, являясь его главной составляющей, индивид не может рассматриваться как его повторение на микроуровне (это не микрокосм внутри большого космоса), как простая аналогия общества⁶. Включаясь в совокупный субъект и не существуя вне его, индивид сохраняет свою автономию, что является главным условием творческого развития совокупного субъекта (результатом чего оказывается накопление теоретического багажа, увеличение и развитие идеального)⁷. Последний, возникая и развиваясь из противоречия с объектом (внешнее противоречие), может существовать и развиваться, активно взаимодействуя с объектом, только на основе внутреннего противоречия, противоречия составляющих его единство индивидов (или их групп), что возможно только на основе их относительной независимости друг от друга и от объединяющего их совокупного субъекта. В то же время результат их деятельности, и прежде всего идеальный результат, всегда оказывается детерминированным их взаимодействием.

Сказанное о нетождественности индивида совокупному субъекту, и наоборот, и об относительной независимости индивида в совокупном субъекте исключает какое бы то ни было предположение о "коллективной психике", проистекающее из других оснований. Психика принадлежит индивиду и только индивиду. Можно сколько угодно ссылаться на совокупность предметов материальной культуры, помещенных между индивидами в совокупном субъекте, в которых якобы депонировано психическое, но это все равно ничего не скажет об этой новой "психике". Исключается также представление о "социальной" психике (в этом случае берется как метафора) как о сумме индивидуальных психик. В таком случае говорят о совместной мыслительной деятельности, о совместном восприятии и т.п. Механическое соединение индивидуальных психических деятельностей и их уподобление, когда все вместе одинаково мыслят об одной и той же задаче (проблеме), даже при условии развернутой коммуникации.

(которая в подобном случае, по существу, не нужна) не дало бы никакого качественного перехода этих индивидуальных психик на новый уровень. Но, как уже говорилось, и такое представление о "социальной" психике исключается изложенным нами подходом, так как признается относительная независимость индивида в совокупном субъекте.

Итак, остается проблема: что представляют собой психологические факторы, интегрирующие совокупный субъект? Какая особенность "индивидуальной" психики дает повод говорить о "социальной психике, об общественном сознании?

Упомянутые методологические положения позволяют следующим образом ответить на эти вопросы.

Нет общей психики, есть взаимодействие субъектов индивидуальных психик. Психологические особенности совокупного субъекта – это в конечном счете психические особенности индивидов в условиях совокупного субъекта. Но индивид не бывает вне совокупного субъекта. Поэтому те изменения, которые происходят в его психике под влиянием совокупного субъекта, всегда как бы принадлежат совокупному субъекту и в то же время оказывают детерминирующее влияние на его индивидуальное развитие. Для этого психика индивида должна быть организована особым образом, чтобы своим отраженным содержанием и процессами формирования такого содержания быть доступной другим, входящим в совокупный субъект индивидам, что достигается наличием сознания. Именно сознание связывает отдельного индивида с совокупным субъектом деятельности, обеспечивая ему понимание целей и проблем, интегрирующих совокупный субъект, и тем самым позволяя общественным отношениям совокупного субъекта через активную творческую деятельность самого индивида влиять на его собственное психическое развитие. Уточним, что общность индивидов, именуемая совокупным субъектом, не может отождествляться с контактной группой, хотя совокупный субъект при определенных условиях может быть сжат до контактной группы. Она не может отождествляться и с референтной группой, роль которой сводится к формированию у индивида установок ценностно-нормативной регуляции поведения. Также она не может быть отождествлена и с семиотической группой. На наш взгляд, совокупный субъект вообще нельзя рассматривать как социальную группу. Совокупный субъект – это множество людей, объединенных не только в пространстве, но и во времени общим объектом деятельности через непосредственное или опосредованное общение, накопивших общий теоретический опыт (знание) и развивающих его. Отдельный человек, включаясь в различные виды деятельности, одновременно принадлежит к разным совокупным субъектам, которые находятся в разных плоскостях. Так, один человек может коллекционировать марки, заниматься спортом, быть активистом какой-либо партии... В то же время у него выделяется ведущая деятельность, накладывающая отпечаток на все остальные. То общее, что формируется в сознании многих в результате такого понимания, и процессы его формирования выступают перед исследователями в качестве социальной психики. Основанием такого понимания является культура.

Культура как совокупность человеческого опыта, способного направить и организовать деятельность, находит свое реальное бытие не в мире предметов и явлений, созданных предшествующими поколениями людей, в которых якобы депонировано психическое; не в знаках, взятых обособленно, а в совокупном субъекте деятельности, направляющем и регулирующем объективные цели своей деятельности, практическую и познавательную активность составляющих его индивидов. Лишь внутри совокупного субъекта предметы, втягиваясь в процессы деятельности и общения, раскрывают свой смысл и приобретают значения, фиксируемые знаками. Мир предметов мертв без апелляции к опыту породившего его субъекта, оживающего в сознании. Предмет лишь постольку является носителем смысла, поскольку указывает на содержание сознания породивших его субъектов. То же касается и знаков как специальных орудий коммуникации, которые в коммуникационных структурах раскрывают и замещают предметы. Существование сознания (психики вообще) позволяет индивиду через предметы и знаки связываться с этим содержанием, которое в своей совокупности хранит опыт совокупного субъекта и создает ему (индивиду) относительную независимость, позволяя,

усвоив этот опыт, развивать и совершенствовать его. Сами предметы или знаки, таким образом, раскрываются сознанию как результаты, средства или цели деятельности и соответственно получают значения в акте субъект-субъектного взаимодействия, т.е. всегда существуют для группы (для отдельного индивида за ними всегда стоит другой субъект) с ее внутригрупповой и проникающей в нее общественной диалектикой. Поэтому можно сказать, что сознание появляется тогда, когда человек начинает решать общие для группы задачи, т.е. решать проблемы не индивидуальной, а общественной практики. (Это, кстати, позволяет ему и определить свое место в структуре общественной деятельности). "На индивидуальном уровне общественные отношения выступают скорее как процесс, некоторая цепочка задач, которую решает человек при осуществлении этих отношений в ответ на требования общества"⁸. Даже свои витальные потребности и необходимость отыскать способ их удовлетворения в изменившихся условиях индивид обнаруживает как часть той или иной социальной нужды.

Таким образом, объект, т.е. всегда в конечном счете предмет труда совокупного субъекта, на который вследствие этого направлена познавательная активность составляющих его индивидов, задается субъекту как проблема социальной практики. Ее решение становится новым вкладом в практический опыт совокупного субъекта. Оно дает субъекту новое видение объекта, новое, более адекватное знание предмета трудовой деятельности (точнее, углубленное знание тех его сторон, которые подвергаются практическому преобразованию). Тем самым создаются новые психологические условия интеграции совокупного субъекта деятельности.

Вот почему сознание (осознание) так жестко связано с речью. Теоретическая деятельность человека оказывается всегда подспудно ориентированной на коммуникацию. Мысль формируется в речи и вне речи существовать не может. А речь имеет одну основную функцию – служить средством общения⁹. Чем лучше осознан объект, чем лучше сформулирована мысль, тем больше она готова к коммуникации. Стало быть, творческая активность индивида и в ее коммуникативном выражении всегда адресована совокупному субъекту.

Признание относительной независимости индивидуального субъекта от опыта совокупного субъекта, его способности активно влиять на этот опыт (изменять, развивать его) ставит проблему свободы его творческой активности. В самом деле, если индивид детерминирован совокупным субъектом, если он зависит от опыта совокупного субъекта и включен в его деятельность, то что дает ему возможность активно влиять на этот опыт, преобразовывать его и тем самым оказывать влияние на деятельность совокупного субъекта? Решение этого вопроса задается общей формулой детерминизма, предложенной С.Л.Рубинштейном. Она гласит: внешние причины действуют через внутренние условия¹⁰. При этом предполагается, что внутренние специфические закономерности индивида способствуют его взаимодействию с объектом, не повторяя закономерностей деятельности (лежащей в сфере общественного) и составляя его сущность. (Мышление – это не интериоризованная деятельность, а внутренние условия, это не текущие состояния субъекта). Поэтому то, что отношение субъекта к объекту и к социуму детерминировано (закономерностями взаимодействия с объектом и закономерностями общения и деятельности), не лишает его свободы творчества, а, наоборот, обеспечивает ее. Творческое начало субъекта проявляется в том, что его внутренние закономерности, опосредующие его взаимодействие с объектом, позволяют ему выработать свое представление об объекте, не совпадающее с представлениями, принятыми уже в совокупном субъекте деятельности. Это делает его свободным по отношению к представлениям, принятым уже социумом, и позволяет ему не только усваивать их, но и активно изменять, развивая и обогащая тем самым свой социальный опыт. В то же время закономерности деятельности и общения, в которые включен индивид, освобождают его от жесткой детерминированности объектом, позволяя ставить свои цели в отношении объекта и вырабатывать тем самым активное отношение к нему. Такое решение проблемы свободы творческой активности, признающее относительную независимость субъекта и в то же время детерминированность его, допускает использование научных методов в его изучении.

Объект как познаваемое не находится где-то за пределами социума, он постоянно возникает как проблема из развития практической деятельности, оживая в общении действующих индивидов, и находит свое идеальное бытие в коммуникационных структурах общества. Объект, таким образом, как проблема, требующая теоретического решения, задан индивидуальному субъекту в знаковых конструкциях, которые представляют собой отчужденную форму смысловой организации сознания, тем самым изначально определяется внутри коллективного (социального) знания. Индивидуальный субъект — носитель активных механизмов познания, дает движение этим конструкциям, сталкивая их в соответствии с нуждами социальной практики. (Это касается не только процессов выведения, но и процессов, связанных с включением в познание новых эмпирических фактов).

Вследствие этого индивидуальный субъект никогда не утрачивает связи с опытом совокупного субъекта, содержащим результат познавательной деятельности других его членов. Познание индивида всегда так или иначе детерминировано опытом совокупного субъекта и в то же время, в силу своей особой специфики, направлено на обогащение этого опыта. Опыт совокупного субъекта выступает как внешнее по отношению к индивидуальному субъекту и раскрывается ему в общении непосредственном и опосредованном. В ходе общения высказывания, представляющие (передающие, презентующие) внешний опыт, становятся посылками-стимулами, влияющими на ход мышления индивидуального субъекта. Но в ходе мышления в процессе активного взаимодействия с объектом создаются внутренние условия, индивидуально преломляющие эти воздействия. Это делает суждения субъекта как бы независимыми от внешнего опыта, детерминированными внутренним развитием мыслительного процесса. Так решается вопрос о содержательном аспекте свободы творческой активности.

Психология должна найти и изучить те внутренние механизмы, которые обеспечивают субъект-объектные и субъект-субъектные отношения, т.е. процессуальную сторону взаимодействия человека с миром, и найти внутренние особенности организации сознания, обеспечивающие содержательную (смысловую) сторону этого взаимодействия. И еще. Сформулированное нами решение проблемы свободы творческой активности, лежащей в основе волевого поведения индивида, его "произвольных действий", основывается на своеобразном понимании способа взаимосвязи субъект-субъектных и субъект-объектных отношений. Субъект-субъектные отношения детерминируют субъект-объектные, задавая проблему (т.е., по существу, соединяя субъекта с объектом) и направляя ее решение (тут нужно еще раз напомнить, что деятельность человека всегда коллективна, а социальная функция знания состоит в том, чтобы интегрировать совокупный субъект деятельности). В то же время субъект-объектные отношения в силу своей процессуальной и появляющейся на этой основе содержательной автономии детерминируют дальнейшее развитие субъект-субъектных отношений, раскрывая новые, не представленные в предшествующем коллективном опыте, свойства объекта. Тогда к перечисленным задачам можно добавить еще одну: определить за счет чего на уровне индивидуального субъекта достигается взаимодействие субъект-объектных и субъект-субъектных отношений.

¹ Структурная единица поля, его универсальная элементарная частица пока не найдена.

² Слово — тоже образ.

³ См. подробнее об этом: Абульханова-Славская К.А. О субъекте психической деятельности. М., 1973; Она же. Деятельность и психология личности. М., 1980.

⁴ Ломов Б. Ф. // Вопросы психологии. 1978. №5. С.40.

⁵ Абульханова-Славская К.А. Деятельность и психология личности. С.68; Ломов Б. Ф. // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М., 1976.

⁶ См.: Абульханова-Славская К.А. Деятельность и психология личности. С.25.

⁷ Здесь идеальное рассматривается как общественно выработанная система понятий, знаний, объективированная в слове и аккумулирующая в себе опыт совокупного субъекта (См.: Брушлинский А.В. // Вопросы психологии. 1982. №2. С.31). Важно, что опыт совокупного субъекта структурирован. Он существует в виде теорий, художественных направлений, мнений и т.п. Далее мы называем его социальным опытом.

⁸ Абульханова-Славская К.А. Деятельность и психология личности. С.26.

⁹ Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии. М., 1959. С.110.

¹⁰ Он же. Бытие и сознание. М., 1957. С.226.

Н.В.СКОК

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ОБЩЕСТВА В РАМКАХ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА

Политическая культура складывается в процессе взаимодействия политики с культурой. Политика в своем сущностном содержании – это область взаимоотношений между различными социальными и этническими группами, а также отношения всех их вместе к государству по поводу власти. Категория "культура" обозначает биологически ненаследуемое содержание совместной жизни и деятельности людей. Культура представляет собой созданную самими людьми искусственную среду существования и самореализации, источник регулирования социального взаимодействия и поведения.

Понятия культуры, духа, настроения или совокупности ценностей, которые формируют способ осуществления политики народа или группы, известны с тех пор, как люди начали обсуждать вопросы политического устройства общества. Например, уже Аристотель говорил о состоянии умов, которое могло повлиять на стабильность общества или его изменение; А. де Токвиль подчеркивал значение политических ценностей и настроений в обеспечении стабильности или изменения общества; М.Вебер придавал большое значение религии и нравственным ценностям в формировании и функционировании политических структур. Сам термин «политическая культура» впервые был употреблен немецким философом-просветителем XVII в. И.Гердером. В марксистском общественном знании его активно использовали В.И.Ленин, А.Грамши, Г.Димитров и др. Так, в 1919 г. В.И.Ленин утверждал, что цель политической культуры рабочего класса состоит в воспитании истых коммунистов, способных победить ложь, предрассудки и вести строительство нового государства без капиталистов, без эксплуататоров, без помещиков¹. В дальнейшем авторитарно-тоталитарная система, сложившаяся в нашей стране, практически исключила всякие возможности исследования политико-культурных оснований общественного развития.

В то же время в западной политологии сложился спектр представлений о социокультурной детерминации политических процессов. Непосредственной теоретической предпосылкой концептуальной разработки этой проблемы оказались исследования политических систем, основной конституирующий признак которых большинство западных ученых (Т.Парсонс, Д.Истон, Г.Алмонд, Д.Трумэн и др.) видело в наличии ценностно обусловленных связей между властью и обществом.

В современную политологию термин «политическая культура» ввел в 1956 г. американский теоретик Х.Файер в своей работе «Системы правления великих европейских государств». Первую же попытку концептуального осмысления этого явления предпринял также американский политолог Г.Алмонд в статье «Сравнительные политические системы», опубликованной в США в том же году. Здесь уже были проанализированы ее взаимосвязи с

политической системой, сформулировано понятие субкультур, показана внутренняя дифференциация политической культуры. Кроме этих ученых, большой вклад в разработку теории политической культуры внесли С.Верба, С.Липсет, Л.Пай. В 70–80 гг. значительное влияние на разработку проблемы оказали и европейские политологи М.Дюверже, К. фон Бойм, Р.Роуз, М.Крозье и др.

В качестве исходного можно предложить определение, сформулированное известным российским политологом К.С.Гаджиевым, который утверждает, что «политическая культура включает в себя те элементы общественного сознания и в более широком плане духовной культуры, которые связаны с общественно-политическими институтами и процессами и оказывают значительное влияние на формы, формирование, функционирование и развитие государственных и политических институтов, придают значимость и направление политическому процессу. Политическая культура составляет в некотором роде этос, или дух, который одушевляет формальные политические институты»².

Возникновение и функционирование политической культуры общества как социального феномена обусловлено рядом взаимодействующих детерминант, анализ которых основывается на системном подходе.

Рассмотрим метод системного анализа в его статистическом и динамическом измерениях применительно к изучению политической культуры общества. Статистическое измерение включает в себя анализ «детерминант», «факторов», «переменных».

Все факторы, оказывающие влияние на политическую культуру общества, можно разделить на две группы: первая – включает элементы, которые составляют внутреннюю структуру политической культуры, имманентно присущие ей. Вторую группу можно условно обозначить как «внешние» детерминанты политической культуры, входящие в общее поле политики.

Рассматривая политическую культуру как системное понятие, следует учитывать, что она описывает системный объект в адекватной ему системной форме. Как и любой другой социальной системе, политической культуре присуще наличие структурных внутренних единиц, между которыми существует упорядоченная динамическая связь. Но и внутри самой структуры данного явления можно выделить две подструктуры, представляющие диалектическое единство сущности самого понятия как сложного феномена, воздействующего на формирование, развитие и деятельность политических институтов, а также на массовое политическое поведение граждан, это – элементы политического сознания и политического поведения.

Под политическим сознанием понимаются доминирующие в данном обществе или у представителей данной группы типичные, укоренившиеся представления о различных аспектах политической жизни общества. Сердцевину политического сознания составляют установки, ориентации, ценности, стереотипы и т.д., относящиеся к политической системе, к системе власти и властных отношений, государственному управлению, политическим институтам, к таким категориям, как свобода, справедливость, равенство, демократические принципы, авторитаризм, права человека и т.д.

Политические позиции – одна из центральных категорий, взятых за основу американскими политологами (в частности Г.Алмондом) для сравнительной характеристики политической культуры различных стран. Отправной точкой зрения американских авторов является утверждение, что различные политические культуры определяются через превосходство некоторых политических позиций, которые означают предрасположенность, подспудную склонность реагировать определенным образом в определенных политических ситуациях.

Алмонд и Пауэлл разделяют политические позиции на три категории: когнитивные, аффективные и оценочные. Когнитивный элемент есть знание, полученное индивидами о политике, политических деятелях и политических институтах. Это знание может оказаться и ложным, но в этом случае важно, что оно субъективно, пережито личностью как знание, т.е. как совокупность

объективных реальностей, существующих независимо от субъекта и, таким образом, легитимирующих позиций, которые субъект выводит из них.

Аффективный элемент, напротив, связан с чувствами симпатии или антипатии по отношению к тому или иному политическому деятелю, к той или иной политической системе, идеологии и т.п.

Оценочный, или нормативный, элемент связан с определением ценностей, иначе говоря, с обозначением политических реалий знаками минус или плюс³.

Таким образом, американская школа политологии рассматривает характер и уровень политических позиций как независимый детерминант, определяющий характер и способ функционирования политической культуры в каждом конкретном обществе.

Далее, системообразующим элементом всякой политической культуры выступает комплекс политических ценностей и ценностных ориентаций. Здесь идет поиск ответов на вопросы о значимости, о престижности в глазах человека отдельной социальной группы, социума как такового.

В определенном смысле ценности – это смысл культуры, ее несущие конструкции. Мировая социологическая и политологическая мысль давно предложила эффективные аналитические инструменты для исследования данного элемента. Широчайшее распространение в практике получил подход американского социолога Т.Парсонса, который сформулировал ряд бинарных, парных, переменных, ценностных ориентаций: 1) «универсализм – партикуляризм» как ориентации на подчинение единым общим правилам или требованиям, вытекающим из специфики отдельных ситуаций; 2) «аффективность – аффективная нейтральность» как основа социально-психологической мотивации; 3) «ориентация на себя – ориентация на группу» как способы выбора модели действия или осознания интересов; 4) «предписание – достижение» как критерии оценочного восприятия, подхода к статусным характеристикам людей, основанные либо на предопределенности, иногда врожденной (социальной, сословной, расовой, этнической, племенной, религиозной и т.п.), либо на успешности и результативности действий человека; 5) «специфичность – диффузность» как отношение к объекту, ограниченное рамками данного действия. К этому перечню типовых переменных С. Липсет добавляет еще одну дихотомическую пару: «эгалитарность – элитизм», равенство или избранность.

Этот набор парсоновских «типовых» переменных дает возможность раскрывать ценностный механизм, который составляет основу политического статуса личности в различных обществах, в различных культурно-исторических ситуациях. Без этого невозможно понять в каком-либо приближении любую политическую культуру.

Еще одним структурным элементом политической культуры, опосредующим связь между ментальностью и поведением, является сумма политических установок. Их носителями выступают либо социальные группы разной величины и уровня, либо общество в целом. Это – показатели определенной готовности, предрасположенности, тяготения к тому, чтобы действовать так или иначе, поступать тем или иным образом.

Тесно связаны с политической культурой политические символы, которые выступают своеобразными связующими элементами политической культуры, имеют ярко выраженную эмоциональную окраску и порой способны играть значительную мобилизующую роль. Политическая символика – это в определенной мере уже формализованное отражение сложившихся стереотипов или образцов политического сознания и политического поведения, либо формы, через которые прилагаются усилия внедрить определенные образцы в сознание и поведение общества, социальной группы. Политические символы и идеалы являются неотъемлемой частью формирования, фиксации и воспроизводства идентичности любой нации и государства как социокультурной и политической общности, а общий язык символики свидетельствует о единстве политической культуры данного общества⁴.

Внутренние структурные переменные политической культуры являются как имманентно присущими и важными для формирования и развития политической культуры, так и в некоей степени оказывающими влияние и на ее процесс функционирования.

Рассматривая внешние независимые переменные, следует остановиться на некоторых из них, относительно автономных, но в то же время входящих составными элементами в политическую культуру.

Важнейшим фактором, оказывающим влияние на политическую культуру, является политическая система общества. Отношения между политической культурой и политической системой можно представить в следующих тезисах:

- в длительные исторические периоды политическая культура модифицирует политическую систему;

- функционирующая в данном обществе политическая система отражает в себе историю его политической культуры, хотя не все ее элементы при этом непосредственно и одновременно выделяются;

- политическая культура относительно самостоятельна в своем функционировании, хотя и является подсистемой политической системы. Политическая культура определяет рамки задач и целей, в которых действует политическая система.

Между политической системой и политической культурой образуются многообразные и сложные взаимосвязи и взаимовлияния. С одной стороны, в системе ценностей и установок, составляющих политическую культуру, главенствующее место занимают элементы, способствующие формированию и сохранению существующей политической системы. В свою очередь легитимность политического режима политической системе представляет собой один из важнейших факторов становления, утверждения и жизнеспособности политической культуры. Стабильность и эффективность политической системы во многом предопределяются мерой ее соответствия традициям и ценностям сложившейся политической культуры. Необходимо отметить, что подавляющее большинство населения стран Запада в целом разделяет основные политические ценности и, таким образом, не ставит под сомнение легитимность существующей политической системы. Разумеется, в комплексе элементов, составляющих политическую культуру западного общества, имеются ценности и установки политической системы, которые ставятся под сомнение или же отвергаются теми или иными социальными группами. Однако практика политического развития на Западе убедительно свидетельствует: степень соответствия политической системы ценностям сложившейся политической культуры достаточно высока.

Значительную роль в формировании политической культуры оказывают политические институты и другие структурные элементы, входящие в политическую систему. Государство в лице законодательных, исполнительных и судебных органов является одним из важных детерминантов политической культуры. Будучи само результатом исторического развития нации, государство, в свою очередь, может затормозить или ускорить тенденции формирования политической культуры. Даже действуя в ограниченных рамках, государство принимает и освещает своей деятельностью законодательные акты, определяющие важные параметры политической культуры: формирует и закрепляет национальные политические символы, модели политического поведения и т.д.

Один из государственных институтов, имеющих особое значение в формировании политической культуры, – это армия. В разных странах и на разных исторических ступенях становления общества этот фактор играет серьезную роль. Известно, что в периоды кризисов, политической неустойчивости и, конечно же, войн армия становится олицетворением порядка и опорой режима. Но есть политические культуры, в которых армия берет на себя и более широкие полномочия в политической жизни. Скажем, в ряде стран Латинской Америки перевороты и установление новых режимов нередко инициируются военными⁵.

Политические партии как один из наиболее весомых институтов в политической системе также своей деятельностью закладывают определенные матричные формы политического мышления и поведения: формируют у граждан свой имидж, типы отношения граждан к партии (-ям), партийной системе; представления об отношении между партией и государством и т.д.

Одним из важнейших доминантных звеньев политической культуры является идеология. Э. Шиллс определил идеологию как систему ценностей, которая, выступая в качестве политического мировоззрения, имеющего силу веры, обладает особенно большим ориентационным потенциалом⁶. Зависимость политической культуры от идеологии общепризнана и не вызывает сомнений: идеологическим содержанием наполнены воспитательные и селективные функции большинства политических партий; идеология выполняет функцию символа принадлежности к той или иной социальной группе; играет важную роль в процессе политической социализации личности.

Воздействие факторов, влияющих на развитие политической культуры и обеспечивающих ее динамику, не может, однако, поколебать относительную устойчивость, представляющую собой одну из самых важных характеристик этой наименее динамичной части системы категорий, описывающих политические процессы, институты, нормы и т.п. Основу подобной устойчивости образуют механизмы политической социализации.

Понятие «политическая социализация» определяется как процесс усвоения и осознания индивидом социальных норм и культурных ценностей той социальной общности, к которой он принадлежит. Итогом политической социализации является формирование политической культуры личности, которую можно рассматривать как показатель, отражающий качественное своеобразие и уровень политической информированности, убежденности в социально-политической активности, выражающейся в деятельности, направленной на реализацию социально-политических отношений в рамках существующей политической системы.

Воздействие политической культуры на политическую социализацию индивида осуществляется по трем каналам. Во-первых, непосредственно, путем обучения (подражания) устойчивым образцам поведения и принятым реакциям в рамках общей социализации личности; во-вторых, путем накопления, а затем сознательного сопоставления личного и общественного опыта; в-третьих, с помощью идеологических импульсов, поступающих извне и действующих в одних случаях в интересах политической системы, а в других — вразрез с ними.

Таким образом, выявляется тесное единство между понятиями политическая культура и политическая социализация. Если понятие политическая культура имеет известное содержание, то это потому, что существуют процессы, способные укрепить его партикуляризм и обеспечить воспроизводство.

Важным фактором, оказывающим влияние на формирование политической культуры в современных условиях, являются средства массовой информации (СМИ), которые представляют собой сложный и многогранный институт, состоящий из множества органов и элементов, обеспечивающих информирование населения о происходящих в каждой стране и во всем мире событиях.

Сегодня СМИ, воздействуя на базовые ценностные ориентации граждан, формулируя определенные модели политического поведения, формируют политическую культуру общества. С другой стороны, при более глубоком анализе обнаруживается, что сама деятельность СМИ обусловлена существующим политическим порядком и культурно-социальной системой в целом. Они есть следствие сложившихся в обществе социально-политических отношений. Кроме этого, рассматривая СМИ как один из факторов, воздействующих на политическую культуру общества, необходимо учитывать степень влияния идеологии на общественное сознание.

Можно сказать, что вышеназванные внешние факторы политической культуры оказывают на нее значительное воздействие, участвуя в ее возникновении, развитии и модификации.

Системный подход, взятый нами за основу анализа детерминантов политической культуры, можно рассматривать и в динамическом измерении или, иначе: рассматривая механизмы формирования, развития и смены политических культур, следует учитывать и факторы, определяющие динамику данного процесса:

– революции (чем глубже социальный переворот, чем длительнее его последствия, тем сильнее воздействие, оказываемое им на политическую культуру, нередко даже за территориальными рамками, которыми он ограничен);

– характер внешних отношений страны и прежде всего степень безопасности от угрозы нашествий, опыт общения с другими народами, интенсивность включения в систему международного товарообмена;

– войны (чем более глубокие слои они затрагивают, чем более важные общественные интересы задевают, тем значительнее их отрицательное или положительное воздействие на развитие политической культуры);

– острота текущей социальной и политической конфронтации и зафиксированные в общественной памяти наиболее типичные формы ее протекания⁷.

Таким образом, при системном подходе политическая культура общества рассматривается как взаимосвязанная, взаимозависимая, многоуровневая и вместе с тем динамическая совокупность элементов. Взятые в составе системы элементы политической культуры обнаруживают не только взаимосвязь, но и новое содержание.

¹ Ленин В. И. ПСС. Т.41. С.404.

² Гаджиев К. С. Введение в политическую науку. М., 1997. С.435.

³ См.: Шварценбергер Р.-Ж. Политическая социология. Ч.1. М., 1992. С.153–154.

⁴ См.: Морис-Георгица Г. Политические символы // Элементы теории политики. Ростов-на-Дону, 1991. С.343.

⁵ См.: Гозман Л. Я., Шестопал Е. Б. Политическая психология. М., 1996. С.375–376.

⁶ См.: Матц У. Идеологии как детерминанты политики в эпоху модерна // Полис. №1–2. 1992. С.131.

⁷ См.: Бурлацкий Ф. М., Галкин А. А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии. М., 1985. С.165.

А.В.ДОРОШЕНКО

ФОРМЫ КОНТРОЛЯ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АДМИНИСТРАЦИИ

Управление современным обществом — процесс сложный и громоздкий, требующий умения, опыта и специальных знаний. На протяжении столетий администрация играла важную роль в политике, и руководители всех уровней государственного управления сталкивались с проблемой установления эффективного контроля за служащими. В истории политической мысли эта проблема получила название *проблемы бюрократии*. В институциональном аспекте бюрократия довольно часто приравнивается к администрации. Мы также считаем понятия администрации и бюрократии тождественными.

Бюрократия вместе с высшими исполнительными органами является ядром процесса принятия решений, равно как и процесса управления государством. Наряду со средствами массовой информации бюрократия играет в политической системе роль основного агента передачи требований в центральную политическую систему и поддержки населения. Поэтому важность проблемы контроля за деятельностью государственной администрации (бюрократии) трудно переоценить.

Мировой опыт располагает разнообразными формами и методами такого контроля. Интересный вариант классификации форм контроля за деятельностью бюрократии предложили Ф. Надэл и Ф. Рурк¹.

В их классификации различные виды контроля разделены на *формальные* и *неформальные*. В свою очередь неформальные виды контроля подразделяются на *внешние* и *внутренние* (см. таблицу).

Виды контроля за деятельностью бюрократии (по Ф.Надэлу и Ф.Рурку)

Формальные	Неформальные
Политическое руководство бюрократией	<i>Внешние</i>
Штат советников министра	Средства массовой информации
Парламентское расследование	Общественное мнение
Судебное расследование	Группы интереса
Омбудсмены	<i>Внутренние</i>
Гражданский контроль и участие	Стандарты профессионального кодекса
(там, где это необходимо по закону)	Ожидаемые реакции
	Совесть

Основной разновидностью формального контроля является контроль бюрократии избранными должностными лицами, осуществляющими политическое руководство администрацией. Степень эффективности политического руководства определяется тремя факторами: кругом политических назначений; пределами министерской ответственности; использованием политических советников².

Первый фактор характеризуется пределами политических назначений (т.е. назначений, производимых избранными лицами, возглавляющими структуры исполнительной власти) в высших слоях бюрократии. В различных странах эти пределы варьируются довольно существенно. Однако широкие пределы политических назначений хотя и упрощают гарантированный контроль бюрократии, но могут негативно сказаться на качестве и эффективности ее работы. В Великобритании только министры входят в круг политических назначений, все остальные являются постоянными служащими. В Германии количество политических назначений еще меньше, однако недостаток политического руководства бюрократией здесь компенсируется системой продвижения на ключевые административные посты бюрократов, симпатизирующих правящей партии. Практика комплектования высших эшелонов администрации лояльными администраторами еще более очевидна в Финляндии. Финский исследователь Вартола обращает внимание на то, что государственная служба в Финляндии после второй мировой войны стала особенно политизированной. Это привело к тому, что государственным служащим, которые активно не поддерживали правящую партию, было трудно занять ответственные посты в администрации³. Только в последние 10–15 лет эта практика финской государственной службы стала преодолеваться.

Пределы министерской ответственности (второй фактор) являются для бюрократов способом избежать как ведомственного, так и публичного расследования, когда министры и руководители административных ведомств формально единственные ответственные за действия своих подчиненных. В предельной форме такая система утвердилась в Англии. Здесь полная и окончательная ответственность возлагается на министров, но практически они редко привлекаются к ответственности за ошибки и некомпетентность подчиненных. Таким образом, получается, что рядовой бюрократ выступает в процессе управления государством фактически анонимно. Это позволяет ему, с одной стороны, компетентно действовать независимо от общественно-политических настроений, но, с другой стороны, может создать почву для злоупотреблений.

Наличие у министров и руководителей административных ведомств персонального консультативного штаба также способствует политическому контролю за бюрократией. Это третий фактор, определяющий степень эффективности такого контроля. Советники и вообще служащие такого штаба играют роль альтернативного источника информации для руководства административных структур. Аппарат Белого дома при президенте США – наиболее характерный пример такого подхода. Консультативные штабы "представляют собой контрбюрократию внутри политической системы – значительно более склонную к политическому управлению и лояльную президенту"⁴.

Советники помогают контролировать высшую бюрократию, но и они сами могут создать проблемы, что показали политические скандалы в США в 1970–1980-х гг. (Уотергейт, например). Консультанты и советники не подчинены избирательной системе и законодательству о государственной службе, их контакты и политическая активность не подлежат расследованию, как в случае с государственными служащими, и, наконец, их взгляды близки, порою слишком, взглядам министров, которых они консультируют (политики не назначают советниками тех, кто их постоянно критикует).

В противовес этой системе британская практика традиционно одобряла близкие деловые контакты между министрами и высшими госслужащими, не используя аппарат советников. Однако и там в 80-е гг. пытались использовать для контроля политических советников, что вызвало ряд проблем. Например, в 1989 г. глава английского казначейства Н.Лоусон ушел в отставку из-за активного вмешательства в решение экономических проблем личного советника премьер-министра по экономике.

В ряде стран получила распространение практика создания временных штабов советников. Ее вдохновил пример французской системы министерских *кабинетов*, представляющих собой группы численностью примерно 15–20 человек, которые лично подчиняются министру и работают под его руководством и контролем. Возникновение здесь "кабинетов" как механизма политического покровительства относится к XIX в. Сегодня же такой "кабинет" определяет отношения: министр — ведомство. Государственные служащие, как правило, составляют около 90 членов "кабинета", причем почти половина работает в том же ведомстве или министерстве. В среднем члены "кабинета" работают от двух до четырех лет, "прежде чем получить ответственное назначение как в государственной администрации, так и вне ее"⁵. Функции "кабинетов" варьируются в зависимости от личности министра, но обычно в них входят: консультирование и помощь в формировании стратегии; помощь в отношениях с партиями и избирателями; предоставление дополнительных источников информации; обеспечение жизненно важных задач связи и координации между отделами министерства и другими министерствами и ведомствами. Сила и слабость системы "кабинетов" связана с их неформальностью. В отсутствие формальных предписаний о его функциях "кабинет" может отвечать на политические вызовы с быстротой и гибкостью, не свойственной бюрократии, но он же может узурпировать власть политиков и высших администраторов в силу этой же своей неформальности.

Типичным примером осуществления политического контроля за бюрократией в странах с президентской политической системой могут служить США. Там политический контроль за бюрократией осуществляют президент и конгресс как совместно, так и отдельно. Совместно они издают акты об образовании административных агентств, определяют их цели и полномочия; обеспечивают финансирование; производят назначение на высшие административные посты; устанавливают процедуры такого назначения для низших уровней бюрократии; следят за деятельностью администраторов и расследуют допускаемые ими нарушения.

Кроме того, президент как глава исполнительной власти формально контролирует большинство администраторов. Он назначает глав второстепенных административных агентств и их заместителей, которые ответственны перед ним за действия своих ведомств и, в свою очередь, контролируют подчиненных. Формально президент может отдавать указания "вниз" по административной иерархии. Но возможность его личного контроля за выполнением этих указаний сильно ограничена из-за многочисленности государственных служащих и разнообразия выполняемых ими функций. Потеря президентского контроля не так страшна в случае, "если большинство бюрократов будет руководствоваться в своих действиях интересами общества и требованиями гражданского долга"⁶.

Здесь мы затронули сферу внутреннего неформального контроля за бюрократией, который является дополнением формального контроля. Работу

президентской администрации по выполнению указаний президента Джонатан Дэниэлс, бывший помощник президента, охарактеризовал так: "половина президентских приказов может быть безопасно забыта работником аппарата. Если президент спрашивает об указании второй раз, то ему можно сообщить, что вопрос решается. Если он спрашивает третий раз, то необходимо предоставить сведения о частичном решении проблемы. Но только по наиболее важным государственным делам президент возвращается к решению проблемы трижды"⁷.

Современный исследователь президентства в США Ричард Ньюстадт, исследуя реальный процесс управления, пришел к выводу, что власть президента — это, скорее, не власть отдавать приказы, а власть убеждать подчиненных, "стимулировать их веру в то, что их собственные представления об обязательствах совпадают с его представлениями"⁸. Как видно, президентский контроль администраторов далек от совершенства.

Конгресс, со своей стороны, полагается главным образом на финансовый надзор и проверку деятельности бюрократии. Так как большинство ассигнований выделяется на один-два года, когда министерства и ведомства делают запросы о выделении новых фондов, комитет по ассигнованиям конгресса каждый раз использует эту возможность (пока администраторы более сговорчивы) проверить прошлую деятельность агентства. Кроме того, конгресс часто предоставляет определенные полномочия административным структурам на ограниченный срок и при продлении этих полномочий старается проконтролировать политику министров и способы ее реализации.

Законодательным и исполнительным структурам необходимо действовать энергично и скоординированно, чтобы контролировать деятельность бюрократов и удерживать администрацию в рамках закона. В США такие действия, по мнению Ч.Хайнемана, затруднены конституционной независимостью президента и конгресса и тем, что в большинстве случаев контроль за исполнительными и законодательными структурами осуществляют различные партии, борющиеся за власть, что порождает противоречивые взгляды на деятельность администрации. В целях повышения действенности контроля за бюрократией Хайнеман предлагает учредить "объединенный совет исполнительной и законодательной властей по формулированию политики и руководству администрацией"⁹. Многие исследователи скептически относятся к идее Хайнемана, хотя соглашаются с ним, что пока в США контроль за деятельностью администрации недостаточно эффективный.

В парламентских системах контроль за администрацией, на первый взгляд, кажется лучше организованным и более эффективным, чем в президентских. В большинстве из них исполнительная и законодательная власти формально более единодушны в подходе к деятельности администрации. В каждом министерстве и ведомстве бюрократы ответственны перед министром, министр перед кабинетом, а кабинет перед парламентом, с которым у него нет противоречий по вопросам целей и способов реализации политики.

Однако при ближайшем рассмотрении система контроля за бюрократией в парламентских системах не так беспроблемна, как кажется. С одной стороны, не все государственные корпорации, как, например, Би-Би-Си, подчинены прямому контролю кабинета. С другой, не все парламентарии считают министерский контроль достаточным. Поэтому во многих странах утвердились такие процедуры, как английский *период вопросов* или французский *запрос*.

В первые четыре дня парламентской недели любой член Палаты общин Великобритании может после одно- или двухдневного уведомления обратиться с вопросом к члену правительства. Вопросы могут задаваться в устной или письменной форме. "Они содержат как требования предоставления полной информации, так и отчет министров за действия их министерств"¹⁰. Кроме того, запрашивающий депутат и другие законодатели могут задавать дополнительные вопросы. Как правило, вопросы задаются не только оппозицией, но и "заднескамеечниками" правящей партии.

Поэтому английский "период вопросов" становится не только ареной борьбы между правительством и оппозицией, но и обеспечивает возможность внепартийного контроля законодателей за администрацией. В среднем поступает 70-100 вопросов в день, а общее число вопросов за год составляет около 13000. Подобная процедура, по мнению многих обозревателей, оказывается такой же эффективной для контроля за бюрократией, как и министерский контроль.

В Великобритании применяется еще одна процедура контроля, аналогичная принятой в США. Большинство актов парламента устанавливает общие цели и стандарты государства, оставляя составление детализированных инструкций соответствующим министерствам. Когда министерство составляет такие инструкции, они в течение 40 дней передаются на утверждение в парламент. При отсутствии возражений документ принимается и становится законом. Но если появляется хоть одна "просьба об аннулировании", то путем голосования документ может быть отклонен. Подобная процедура заставляет администраторов и правительство избегать вынесения на утверждение парламента чрезмерно спорных правил и инструкций.

Во Франции во времена Третьей и Четвертой республик члены национального собрания часто задавали вопросы по процедуре, сходной с британской. Эти вопросы касались в основном получения полной информации. Гораздо более важное значение имела процедура *запросов*, которые требовали от министров и высших администраторов отчета о деятельности их ведомства. После отчета общие дебаты прекращались и выносилось порицание или одобрение действиям министра. Такая практика была мощным орудием контроля администрации со стороны парламента.

В Пятой же республике время подачи запросов было ограничено одним днем в неделю. Кроме того, теперь вынесение порицания влекло за собой отставку министра или всего кабинета, что также остужало пыл законодателей.

Помимо политического руководства со стороны органов исполнительной власти и парламентских расследований, и слушаний разных форм, важным видом контроля за бюрократией практически во всех странах являются судебные расследования. Они особенно важны при защите прав и частной собственности граждан. В случаях нанесения ущерба, превышения полномочий административными структурами, нарушения правил регулирования и лицензирования граждане вправе обжаловать эти действия в суде. Они могут получить возмещение ущерба в форме денежной компенсации, предписания *мондамуса* (т.е. приговора суда государственному органу или должностному лицу осуществлять свои обязанности в соответствии с законом) или в форме судебного запрета (т.е. приговора суда, запрещающего администрации производить определенные действия).

В некоторых странах, например в США и Англии, судебный надзор за деятельностью бюрократии осуществляется в обычных судах, в то время как в таких странах, как Франция, Италия и Швеция, учреждены для этого специальные административные суды. Но для многих граждан предъявление судебного иска административному ведомству весьма затруднительно из-за больших затрат времени и средств на это и отсутствия полных гарантий успеха.

Признавая эти трудности, правительство Швеции в 1809 г. учредило специальное ведомство *омбудсменов* (термин означает "парламентский специальный уполномоченный"), должностных лиц, назначаемых законодательным органом для рассмотрения жалоб граждан на администраторов. Омбудсмены рассматривали каждую жалобу и публично оправдывали либо осуждали администраторов. В большинстве случаев публичного осуждения омбудсменов оказывалось достаточным, чтобы заставить администраторов исправить ошибки или нарушения, но если они оставались непреклонными, то омбудсмены передавали дело в суд.

При этом большая часть затрат и инициатива по получению возмещения принадлежит, скорее, ведомству омбудсменов, чем простым гражданам.

По всем этим причинам многие считают, что омбудсмены являются одной из наиболее эффективных форм удержания бюрократии в рамках закона.

Большинство современных демократических стран имеют институты, подобные омбудсменам. Роль и функции этих институтов в разных странах варьируются. На национальном уровне ведомства омбудсменов учреждены в Скандинавских странах и Голландии (с 1982 г.). А в Англии, например, правомочность омбудсменов ограничена региональным уровнем. В Германии система омбудсменов организована по отраслям деятельности бюрократов (например, защита информации, полиция и т.д.). Для успешной деятельности омбудсмены должны иметь достаточно широкие полномочия. Но многие политики и государственные служащие противятся предоставлению омбудсменам широких полномочий и даже выступают против существования самого института омбудсменов.

Не менее важно *неформальное давление* на администрацию. Общественное мнение, особенно сформированное хорошо организованными группами интереса, может действовать как неофициальный омбудсмен внутри политической системы. Особая роль в неформальном контроле принадлежит средствам массовой информации. Являясь крупнейшим и важнейшим каналом трансляции требований граждан и их поддержки, они активно участвуют в формировании общественного мнения и предоставляют возможность партиям и группам интереса контролировать деятельность администрации. Помимо этого, например, репортажи с места событий и журналистские расследования бюрократической политики могут привести к публичным скандалам. Порою средствам массовой информации приходится преодолевать устоявшиеся традиции засекречивания деятельности бюрократии. Такие традиции особенно сильны в Англии. Но, несмотря на это, СМИ твердо занимают принципиальную позицию в системе *неформального внешнего контроля* за бюрократией.

Во *внутреннем неформальном контроле* за деятельностью администраторов особая роль принадлежит конкуренции между различными отделами и ведомствами, равно как и стандартам внутреннего профессионального кодекса. Первая позволяет с институциональной точки зрения ограничивать аппетиты бюрократии, не прибегая к созданию каких-либо дополнительных органов контроля и основываясь на естественных законах функционирования организаций. Внутренние же профессиональные нормы деятельности государственных служащих занимают чрезвычайно важное место в любой политической системе, несмотря на некоторое самомнение, характерное для внутригруппового менталитета бюрократии, когда защита интересов общества может подменяться защитой корпоративных интересов. Как образно заметил Х.Финер: "полагаться на совесть человека — это значит полагаться на его коллег"¹. И тем не менее действие внутренних профессиональных стандартов, если они включены в систему контроля за бюрократией, трудно переоценить.

В целом различные виды и способы контроля за бюрократией способны создать в политической системе общества эффективные ограничители, способные удержать деятельность администрации в законных рамках. Полностью вывести бюрократию из процесса принятия решений и выработки государственной политики и осуществления власти в современный период практически невозможно. Бюрократия в силу своей численности, полномочий и реальной власти приобрела более чем значительное влияние в политической системе общества. Поэтому речь может идти только об ограничении власти этой администократии. Наша республика имеет все возможности, творчески переработав богатейший мировой опыт контроля за бюрократией, постепенно переломить тенденции чрезмерной администократии, характерные для социумов переходного периода, и создать современную, эффективно действующую в интересах государства бюрократию.

¹ См.: Nadel F., Rourke F. Bureaucracies in The Handbook of Political Science. Vol.5. Reading (Mass.): Addison-Wesley, 1975.

² См.: Hague Rod, Harrop Martin, Breslin Shaun. Political science: a comparative introduction. New-York, 1993.

³ См.: Vartola J. Finland in Public Administration in Developed Democracies: A Comparative Study. New-York, 1988.

⁴ См.: Hague Rod; Harrop Martin, Breslin Shaun. Political science...

⁵ См.: Searls E. The Fragmented French Executive: Ministerial Cabinets in the Fifth Republic // West European Politics. 1978.

⁶ Ranney A. Governing: An Introduction to Political Science. New Jersey, 1993. P.324.

⁷ Daniels J. Frontier on the Potomac. New-York, 1946. P.31–32.

⁸ Neustadt R. Presidential Power and the Modern Presidents. New-York, 1990. P.40.

⁹ Hyneman Ch. Bureaucracy in a Democracy. New-York, 1950. P.91.

¹⁰ Ranney A. Governing: An Introduction to Political Science. P.325.

¹¹ Finer H. Administrative Responsibility in Democratic Government // Public Administration Review. 1941. №1. P.335.

В.Г.ШАДУРСКИЙ

МЕЖДУНАРОДНОЕ КУЛЬТУРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО БЕЛАРУСИ И СОВРЕМЕННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

На современном этапе Республика Беларусь стремится «открыть свое окно в мир»: познакомить граждан других стран с прошлым и настоящим белорусского народа, его самобытной культурой и вместе с тем получать необходимую информацию о других странах и народах. Наиболее успешно решение этих задач может быть осуществлено с помощью современных информационных технологий, бурное развитие которых совпало с возникновением независимого белорусского государства.

Актуальность этой проблемы в мире обусловлена тем, что информация является важнейшим стратегическим ресурсом развития человечества, ценность которого с каждым днем возрастает. Современная ситуация в области информационных технологий характеризуется рядом факторов и прежде всего:

- возрастанием роли мировых и национальных компьютерных сетей, в первую очередь – Интернет, в передаче и получении информации;
- увеличением доли электронных носителей в хранении и распространении информационных ресурсов (банков данных);
- ускорением процесса сбора, систематизации, обновления и передачи информации;

В качестве примера можно привести расширение мировой компьютерной сети Интернет. Так, в 1998 г. Интернет имел более 15 млн абонентов в 150 странах. Ежемесячно размер сети увеличивается примерно на 7–10%. Стремительное развитие на мировых информационных магистралях получил не только процесс доступа к новым банкам данных, но и в большей степени развлекание в сети собственной информации. Такую возможность предоставляет компьютерная страница в Интернет Web-side. В настоящее время в мире насчитывается примерно 320 млн таких «страниц»¹.

Развитые страны уже давно перешли в информационное наступление и увеличивают скорость на информационных магистралях. Большие достижения в этом направлении достигнуты в ФРГ. Так, к примеру, вся палитра культурных событий в Германии получила отражение на компьютерной странице Web-side под рубрикой «Kultur-online». Получив доступ к этой странице, пользователи Интернет из всех стран, в том числе и Беларуси, могут найти подробную информацию о музеях, театрах, выставках, различных направлениях литературы и искусства. Банк данных позволяет совершать экскурсии по виртуальным фото- и картинным галереям, получать сведения о различных культурных проектах и мероприятиях. Прогулки по Лувру или музеям Германии можно совершить с помощью другой информационной системы «GISI». Любители искусства могут получать доступ в музеи и галереи, познакомиться с произведениями знаменитых художников, изучить их биографии и узнать цены на картины. Одной из услуг информационной системы является биржа искусств, через которую галереи предлагают купить или продать картины и скульптуры. По компьютерным сетям можно получить расписание различных концертов

и музыкальных спектаклей, проходящих на больших и малых сценах Германии. Институт Гёте, занимающий ведущее место в сфере учреждений культуры ФРГ, ввел в систему Интернет курс самообучения немецкому языку. С помощью оригинальных текстов из журнала «Jetzt!», приложения к газете «Süddeutsche Zeitung», желающие могут совершенствовать свои языковые знания в домашних условиях. Последние новости из мира кино представлены на компьютерном сервере «игрового фильма»; имеющие к нему доступ любители кино могут познакомиться с информацией о премиях и наградах, полученных немецкими фильмами. В информационной системе представлены истории из жизни кинозвезд, критика, хит-парад наиболее кассовых в Германии фильмов, а также архив, в котором можно найти информацию о фильмах прошлых лет. Подробное описание банков данных и их адреса в Интернет постоянно освещается в национальных и зарубежных СМИ².

Заметный прогресс в сфере информационных технологий достигнут в последние годы в России. Широкое развитие в крупнейшем государстве СНГ получила подготовка и производство мультимедийных компакт-дисков (CD), содержащих разнообразную культурную информацию. Такого рода продукция широко представлена на белорусском рынке. Так, в 1998 г. на двух компакт-дисках вышла электронная энциклопедия Брокгауза и Ефрона. В издание включены около 15000 биографий российских деятелей культуры и искусства, ученых и политиков. Помимо текстовой информации на электронных носителях размещено почти 1700 портретов. Прошлому и настоящему российской культуры (архитектуре, живописи, моде и т. д.) посвящен компакт-диск «Русский стиль». В России выпущены диск «Русские художники», электронный вариант толкового словаря Владимира Даля, другие информационные системы в сфере культуры и искусства³.

Развитие информационных технологий оказывает сильное влияние на все сферы жизни общества, включая, естественно, культуру и искусство. Для белорусской культуры современные технологии создают как определенные перспективы для ее более быстрого распространения в мире, так и серьезную опасность: затеряться в мировом информационном пространстве и потерять свою национальную специфику. Недооценка этой проблемы может дорого обойтись народу Беларуси. У республики не было и нет возможности «закрыться» в своих границах, прервать все свои зарубежные контакты.

Начало развитию современных компьютерных технологий в Беларуси положила «Программа информатизации Республики Беларусь на 1991–95 гг. и на период до 2000 г.». Программа разрабатывалась Госэкономпланом совместно с рядом заинтересованных министерств и ведомств и была утверждена специальным постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 27 ноября 1991 г. (№444). Для реализации и координации этой программы решением правительства был создан республиканский фонд информатизации. Новая структура, получившая статус государственно-общественной организации, стала головной в определении политики государства в сфере информатизации, финансирования работ в этой сфере. Средства фонда формировались за счет ассигнований из государственного бюджета, взносов министерств, ведомств, предприятий и организаций, иных поступлений⁴.

По решению Совета Министров Республики Беларусь от 28 ноября 1997 г. (№1564) фонд информатизации был преобразован из государственно-общественной в государственную организацию и передан из ведения Министерства экономики в ведение Государственного комитета по науке и технологиям, которому была определена функция формирования и проведения государственной политики в сфере информатизации⁵.

Одним из первых практических шагов по реализации программы информатизации стало создание осенью 1993 г. базового узла университетской связи «ЮНИБЕЛ» Министерства образования Беларуси. В декабре 1994 г. в

результате установления прямой связи между «ЮНИБЕЛ» и Варшавским узлом сети «NASK» (Академия наук Польши) Беларусь стали доступны в полной мере все услуги Интернет. До середины 1996 г. эта связь была единственным выходом в Интернет. Обеспечение доступа в мировую информационную сеть стало для республики событием чрезвычайной важности⁶.

Для обеспечения правового регулирования вопросов создания и функционирования информационных сетей и систем в сентябре 1995 г. был принят закон об информатизации, хотя принятие этого государственного законодательного акта по программе информатизации планировалось еще в 1992 г. В статье 4 закона сформулированы основные задачи государственной политики в сфере информатизации: стимулирование создания современных информационных технологий и сетей, обеспечение развития коммуникационных систем⁷.

В течение 1994–1998 гг. был предпринят ряд новых попыток ускорить процессы информатизации в республике, в том числе в сфере культуры и искусства. Так, по решению правительства республики (ноябрь 1994 г.) была начата разработка концепции по созданию научно-исследовательской сети Республики Беларусь (НИКС РБ). Ее подготовка завершилась к 1995 г. Основной целью концепции провозглашалось формирование единого информационного пространства в сфере науки, образования и культуры Республики Беларусь с вхождением в мировое информационное пространство. Согласно концепции, на первом этапе ее реализации (1996–1997 гг.) планировалось создать банки данных «История Беларуси» (памятники истории, историко-географические данные о населенных пунктах), «Культура Беларуси» (регистр объектов культуры, персоналии), другие информационные системы в сфере культуры и образования. Государственное финансирование программы планировалось начать с 1996 г., однако из-за трудностей социально-экономического характера оно было осуществлено лишь частично. Отсутствие необходимого финансирования не позволило реализовать большинство мероприятий концепции, в первую очередь направленных на создание банков данных⁸.

Проблемы информатизации получили отражение в проектах других государственных программ, направленных на развитие белорусской культуры и укрепление международных контактов республики. Так, осенью 1997 г. началась подготовка проекта «Государственная национальная программа "Культура"». В проект, завершение подготовки которого намечено на конец 1998–начало 1999 г., включено 12 разделов, один из которых посвящен внедрению в сферу культуры современных информационных технологий. Промежуточному обсуждению проекта были посвящены парламентские слушания, проведенные Палатой представителей Национального собрания Республики Беларусь 11 июня 1998 г.⁹

На преодоление отставания во внедрении современных информационных технологий в сфере международных связей республики направлена подготовка государственной программы информационного обеспечения внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности. Разработка проекта программы началась в декабре 1997 г. министерством иностранных дел совместно с другими заинтересованными министерствами и ведомствами республики по решению президиума белорусского правительства. Проект программы стал предметом обсуждения 27 мая 1998 г. на расширенном заседании коллегии МИД Республики Беларусь. Было отмечено, что выпуск и распространение за рубежом информационных, справочных, а также аналитических материалов о Республике Беларусь не удовлетворяет потребительский спрос на издания аудио- и видео продукции справочного и представительского характера о нашей стране; указывалось на необходимость подготовки и издания сборников, брошюр, буклетов, справочников, альбомов, а также изготовления кино- видеопroduкции на английском, французском,

немецком языках. Специальный раздел проекта программы посвящен размещению официальной информации о Республике Беларусь в глобальной компьютерной сети Интернет и внедрению новейших информационных технологий. МИД обязался в 1998 г. создать собственную страницу в Интернет¹⁰.

Таким образом, к настоящему времени в республике, несмотря на отсутствие достаточных финансовых ресурсов, созданы основные организационные, правовые и технические условия для внедрения современных информационных технологий, вхождения в мировые информационные сети. Вместе с тем имеются серьезные проблемы в расширении национальной компьютерной сети, в создании электронных информационных ресурсов (банков данных о Беларуси в сети и на компакт-дисках, компьютерных страниц в Интернет и т.д.).

Так, число организаций и учреждений республики, имеющих выход в Интернет, не превышает четырех тысяч. Основные структуры «БЕЛПАК» и «ЮНИБЕЛ», обеспечивающие выход в мировую компьютерную сеть, имеют по республике лишь соответственно 3000 и 280 абонентов. Еще меньше организаций и учреждений имеют собственную компьютерную страницу. Так, среди пользователей «ЮНИБЕЛ» и «БЕЛПАК» информацию о себе разместили не более 5% организаций и учреждений. Свои Web-side, к примеру, имеют Вычислительно-аналитический центр Министерства образования РБ, девять государственных вузов, гимназия №54 Минска, а также некоторые государственные учреждения. Большую активность в этом направлении проявляют неправительственные организации: Белорусский Хельсинский комитет, Белорусский ПЕН-центр, Независимый институт социально-экономических и политических исследований (НИСЭПИ), Общественный научно-аналитический центр «Беларуская перспектива» и другие. Что касается учреждений культуры, то выход в информационную сеть доступен лишь немногим из них (Национальная библиотека Беларуси, Центр современного искусства Витебского горисполкома, Полоцкий историко-культурный музей-заповедник). Не имеют доступа в Интернет театры, картинные галереи, большинство музеев и библиотек. Ни одно учреждение культуры республики также не имеет собственной страницы в компьютерной сети¹¹. Для сравнения: в США поставлена цель к 2000 г. подключить к оперативным компьютерным системам все американские школы, библиотеки и больницы¹².

Большие трудности возникают при создании информационных систем, направленных на освещение вопросов национальной культуры и искусства. В этом направлении пока сделаны лишь первые шаги. Так, кафедрой информационных технологий в сфере культуры Белорусского университета культуры (создана в 1995 г.) разрабатывается проект электронной карты учреждений культуры Беларуси. Карту планируется разместить в компьютерной сети и на компакт-дисках. Наряду с текстовой информацией на карте будут представлены и графические изображения (фотографии, портреты, схемы и т.д.)¹³.

Аналогичная работа проводится Белорусским институтом проблем культуры. В 1997 г. это учреждение приступило к работе над созданием электронной энциклопедии «Культура Беларуси» (ЭлЭнКБ). Как и электронная карта, энциклопедия будет размещена в компьютерной сети и на компакт-дисках, позволяющих работать с базой данных на компьютере, не включенном в сеть. Основной целью этой работы является передача в доходчивой, научно-популярной форме широкому кругу пользователей звуковой и визуальной информации о различных видах и жанрах белорусской культуры. В электронной энциклопедии наряду с текстом и графикой планируется использовать звуковое и видеооформление. В отличие от книжной продукции электронный вариант позволит постоянно пополнять и обновлять информацию. К настоящему времени завершено создание подсистем «Иконопись Беларуси», «Народный белорусский костюм», «Исторические памятники архитектуры»¹⁴.

Одним из немногих примеров уже реализованных проектов в этой сфере является коммерческая информационная система «CIS Explorer», представляющая различные сведения о России, Беларуси и Украине, подготовленная белорусскими специалистами по заказу голландской фирмы «BYELEX».

Республике Беларусь посвящен специальный компакт-диск, где информация о республике разделена на шесть разделов, содержащих общие и статистические сведения, консультаций по подготовке к посещению республики, сведения о бизнесе, туризме, науке.

Проблемы развития современных информационных технологий, их влияния на культурные процессы находят отражение в белорусских средствах массовой информации. Так, в статье В. Акудовича, опубликованной в еженедельнике «Літаратура і мастацтва» в феврале 1997 г., справедливо отмечается, что «коммуникативно открытое общество» представляет угрозу незавершенным в своем формировании национальным культурам. Наиболее выразительным символом «коммуникативно открытого общества» автор называет Интернет, так как именно эта мировая информационная сеть является новейшей формой сокращения дистанции между человеком и событием, стирания разницы между родной и чужой культурами (на экране телевизора или компьютера Мирский замок, Эйфелева башня и пирамида Хеопса находятся от зрителя на одинаковом расстоянии). По мнению автора, на опасность ситуации, угрожающей белорусской культуре, в республике почти не обращают внимания. Усилия деятелей белорусской культуры, как и раньше, направлены на традиционную войну культур (с одной стороны, на войну с русской культурой, с другой – на войну с культурой запада)¹⁵.

В то же время многие руководители государственных органов не понимают и не хотят понять сущности происходящих в мире информационных процессов, актуальности информатизации. В средствах массовой информации республики часто тиражируется мнение «о ненужности и вредности компьютеров». Такого рода игра «в близость с простым народом» наносит значительный ущерб формированию общественного мнения о необходимости развития информатизации в республике.

Анализ ситуации в сфере современных технологий позволяет выделить ряд основных объективных и субъективных причин отставания республики в развитии информационных сетей и ресурсов: проблемы информатизации не стали приоритетом государственной политики; отсутствуют средства для покупки компьютерной техники, оплаты информационных услуг; не преодолен психологический барьер при переходе на новые информационные технологии; отсутствуют массовые навыки и привычки работы с компьютерной техникой; не высок уровень знания иностранных языков.

От того, насколько быстро и успешно Республика Беларусь преодолеет эти проблемы, зависит вхождение страны в общеевропейский дом на правах равноправного члена. Скорейшее развитие современных информационных технологий и их внедрение во все сферы жизни может быть решено лишь при объединении усилий государства, бизнеса, творческой интеллигенции и широкой общественности республики.

¹ См.: Компьютерные вести. 1998. №8. С.4.

² Deutschland. 1998. №2. S.66.

³ Компьютерные вести. 1998. №20. С.19.

⁴ Сборник постановлений Правительства Республики Беларусь. Мн., 1991. №33. Ст.408; там же. Мн., 1992. №7. Ст.102.

⁵ Собрание декретов, указов Президента Республики Беларусь. Мн., 1997. №33. Ст.106.

⁶ Компьютерные вести. 1998. №14. С.1.

⁷ Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. 1995. №33. Ст.428.

⁸ Концепция создания научно-исследовательской компьютерной сети Республики Беларусь (НИКС РБ). Мн., 1995. С.110.

⁹ Звезда. 1998. 16 чэрвеня.

¹⁰ Республика. 1998. 29 мая.

¹¹ Информация получена по адресу в Интернет: <http://www.cacedu.by>. Список пользователей сети "ЮНИБЕЛ".

¹² Deutschland. 1996. №4. S.45.

¹³ Текущий архив кафедры информационных технологий в сфере культуры Минского университета культуры: Отчет о проделанной работе за 1997 г.

¹⁴ Міхневіч А.Я. Лепшыя старонкі культуры Беларусі // Інфармацыйна-аналітычныя матэрыялы. Мн., 1997. С.55.

¹⁵ Літаратура і мастацтва. 1997. 28 лютага. С.5.

ПАЛЕСТИНСКАЯ ПРОБЛЕМА В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ

Вопрос о Палестине – сложнейшая международная проблема. В настоящей работе предпринята попытка рассмотреть только один из исторических аспектов этой многоплановой проблемы, а именно – ее генезис.

Прежде чем перейти к изложению вопроса, определимся в некоторых терминах. Термин "палестинская проблема" рассматривается как основной стержень арабо-израильского конфликта, а понятия "конфликт" и "проблема", существующие в теории международных отношений¹, в данном случае – синонимы.

На современном этапе исследователями выделяется семь составляющих палестинской проблемы: проблема территорий, вопрос о статусе Иерусалима, проблема беженцев, вопрос о существовании израильских поселений, вопрос о статусе культовых мест, проблема соблюдения прав человека и проблема терроризма².

Под термином "еврейское национальное движение" понимаются устремления еврейского народа в разных странах мира, направленные на единение евреев как общности и возрождение определенных черт этой общности. Основными направлениями еврейского национального движения будем считать иммиграцию, сионизм и религиозное движение³.

"Арабское национальное движение" есть стремление арабского народа на территории его расселения, направленное на единение народа как общности и сохранение определенных черт этой общности. Основным направлением арабского национального движения на данном этапе будем считать идею создания единого арабского государства на всех территориях, заселенных арабской нацией.

Для более детального рассмотрения генезиса и сущности палестинской проблемы представляется целесообразным выделить в ее истории следующие хронологические периоды: I – конец XIX в. – 1903 г.; II – 1904 – 1917 гг.; III – 1917 – 1949 гг.; IV – 1949 – 1964 гг.; V – 1965 – 1978 гг.; VI – 1979–1991 гг.; VII – 1991 – по настоящее время. Хронологические рамки данных периодов обоснованы следующим образом: конец XIX в. – рост еврейского и арабского национальных движений, окончательное оформление сионизма, первая сионистская волна иммиграции в Палестину (Первая алия); 1904 г. – начало Второй алии, возникновение открытого противостояния по вопросу собственности на землю между коренным арабским населением и прибывшими евреями – поселенцами; 1917 – принятие Декларации Бальфура, официально признавшей права евреев на создание в Палестине национального очага; 1949 – завершение первой арабо-израильской войны (Войны за независимость), которая окончательно оформила в международных отношениях палестинскую проблему; 1964 – создание Организации освобождения Палестины и завершение оформления Палестинского движения Сопротивления; 1979 – подписание мирного договора между Израилем и Египтом; 1991 – созыв Мадридской конференции, положившей начало мирному процессу на Ближнем Востоке.

Научный подход к исследованию международных проблем предполагает их изучение с момента возникновения. При изучении вопроса о Палестине как историко-международной проблемы, т.е. с момента зарождения конфликтных отношений между еврейским и арабским населением Палестины в тесной связи с международным вмешательством в эти отношения, хронологической точкой отсчета следует избрать конец XIX в. – момент зарождения сионизма. Рассмотрим период с конца XIX в. до первой мировой войны, обусловившей новую расстановку сил в Палестине и на Ближнем Востоке.

Рубеж XIX–XX вв. ознаменовался подъемом еврейского национального движения, ставшего ответом на мощную волну антисемитизма в Европе. С 80-х гг. XIX в. как основное направление реализации чаяний еврейского народа рассматривалась иммиграция из стран, государственной политикой

которых являлся антисемитизм (Россия, Австро-Венгрия), в другие страны. Но пока, в конце XIX в., Палестина – один из регионов иммиграции евреев – занимала последнее место по числу приезжавших. В 1840–1880 гг. из Европы в Палестину прибыло 10 тыс. чел. (4,5% общего числа иммигрантов; в дальнейшем число приехавших в Палестину незначительно возросло). Подъем арабского национального движения был вызван борьбой арабской нации против ее закабаления христианскими странами Европы и против турецкого господства.

Еще в начале XIX в. с призывом к началу еврейского национального возрождения в Эрец Исраэль⁴ выступил американский дипломат и писатель М.М.Ноах, основавший в США еврейское поселение Арарат для подготовки к переселению в Палестину. В 1862 г. появляется книга "Стремление к Сиону" раввина Цви Хирша Калишера, которая на несколько десятилетий предопределила методы переселенческого движения. Так, автор предлагал создать банк на средства богатых евреев для финансирования поселенческой деятельности, добиваться султанского фирмана для гарантий поселенцам освоения палестинских земель. Автор работы обращал внимание на необходимость создания сельскохозяйственных училищ и вооруженной охраны будущих поселений.

Так появились идеи палестинофильского движения – переселения евреев в Палестину. Зачинатели палестинофильского движения, настаивая на собирании еврейской нации в Палестине, основывали выводы на еврейской традиции, которая исходила из устойчивой духовной связи всего еврейского народа с Эрец Исраэль. Приход в Эрец Исраэль считался лишь возвращением из "временного убежища", "восхождением" (алией) на родную землю⁵.

С 1881 г. начинается новый этап палестинофильского движения: в этом году одесский врач Моше Лилиенблюм опубликовал в еженедельнике "Рассвет" статью "Общеввропейский вопрос и Палестина", выдвинув идею использовать исход евреев для освоения Палестины, "чтобы у народа-скитальца появился свой дом"⁶. В 1882 г. в Берлине вышла брошюра Л.Пинскера "Автоэмансипация: Призыв русского еврея к соплеменникам". В ней говорилось о необходимости создания "обширного убежища на собственной территории" и "сборного пункта", который стал бы собственностью евреев⁷.

Погромы в России начала 1880-х гг., а также работы М.Лилиенблюма и Л.Пинскера привели к созданию из разрозненных кружков единого общества палестинофильцев Хиббат Цион ("Любовь к Сиону"). Общество стало заниматься изучением состава еврейских поселений в Палестине и сбором денег для финансирования переселенческой деятельности. В 1882 г. в Харькове был организован кружок студентов во главе с Израилем Белкиндо. Члены кружка поставили своей целью переселение в Палестину, где должны были основать кооперативное товарищество на социалистических принципах. Свой кружок участники называли БИЛУ – ивритский акроним библейского стиха "Дом Иакова! вставайте и пойдём!" (Ис.2:5). Это событие иногда соотносят с началом Первой алии в Палестину.

Поселенцы отправлялись в Палестину из южных портов Российской империи группами или поодиночке. Что же представляла собой "земля обетованная" в то время?

Последние десятилетия своего существования Османская империя, в состав которой входила Палестина, находилась в состоянии глубокого кризиса, имея огромную задолженность по займам, испытывая режим капитуляций и постоянную межрелигиозную и межплеменную рознь, но в то же самое время, продолжая сопротивляться влиянию великих держав.

Устав Оттоманских Провинций 1876 г. закрепил статус Палестины как отдельной провинции, возглавляемой пашой, подотчетным правительству⁸. Провинцию населяли 300–400 тыс. чел., в основном бедуины и арабы-переселенцы из других стран. Территория к востоку от реки Иордан практически не была заселена, а на территории к западу от Иордана население было сосредоточено главным образом в горах. Экономика Палестины находилась

в состоянии упадка: промышленности практически не существовало, феллахи и евреи вели сельское хозяйство примитивным способом⁹. Динамично развивались только прилегающие к морю районы, а глубинная часть оставалась заброшенной.

Общая численность еврейского населения составляла 20–25 тыс. чел. (1880 г.), проживавших в священных по еврейской традиции городах: Иерусалиме – 12 тыс., Цфате – 4 тыс., Тверии – 2,5 тыс. и Хевроне – 800 чел.¹⁰ Небольшая группа проживала в Галилее.

Евреи Эрец Исраэль жили в основном за счет пожертвований из-за границы от еврейских благотворительных организаций, сумма пожертвований составляла примерно 100 тыс. фунтов стерлингов в год¹¹. Этих денег, в принципе, хватало для обеспечения жизни общины: уплата налогов, содержание синагог, общественных учреждений, хотя члены общины жили в нищете.

Евреи были уравнены в правах с остальными национальными меньшинствами. В 1841 г. главный раввин Константинополя Авраам Хаим Ганин специальным фирманом султана получил статус представителя всей еврейской общины¹². Верхушка общины смогла попасть в турецкий меджлис. Ее интересы перед верховной властью защищал личный секретарь Великого визиря Хаккы-паша¹³. Религиозных конфликтов в Палестине не наблюдалось. "Фактически в течение нескольких веков религиозный мир был непреложным правилом, а вражда – исключением", – отмечал американский исследователь Д. Дэвис¹⁴.

Стратегическое значение Палестины, быстро возросшее после входа в строй Суэцкого канала (1856 г.), ее святые места и слабость султанского правительства стали все сильнее привлекать внимание великих держав. В середине XIX в. в Великобритании появились идеи о "возвращении евреев на землю предков" под покровительством европейских держав. Таким путем Лондон хотел получить еще один рычаг давления на правительство султана. Это далеко не новый дипломатический прием: Россия еще в 1774 г. получила право покровительствовать православным подданным султана. А Франция до конца XIX в. практически единолично защищала интересы католической церкви в Святой земле, с 80-х гг. XIX в. это право у Франции стали оспаривать Италия и Германия.

Бенджамин Дизраэли в книгах "Чудесная история Эпроя" (1883), "Танкред" (1847), "Потэр" (1870) обосновывает идею возрождения еврейского государства в Палестине. В 1840 г. лорд Энтони Эшли Шафтесбюри направил лорду Д. Пальмерстону меморандум, в котором изложил необходимость возвращения евреев в Палестину. В 1841 г. британский консул в Бейруте полковник Чарльз Генри Черчилль, а в 1878 г. промышленник Эдвард Казалей вновь выступили с такой же идеей¹⁵. В 1844 г. в Англии создается Британское и иностранное общество поддержки реставрации еврейской нации в Палестине, а в 1852 г. – Ассоциация развития еврейского поселенчества в Палестине¹⁶.

Преследуя свои интересы, великие державы всячески играли на религиозных различиях, покровительствуя национальным и конфессиональным меньшинствам: Франция – маронитам, доминиканцам, униатам, Британия – друзам, иудеям, протестантам, Германия – общине темплеров, Россия – православным, коптам, эфиопам. Стараясь переиграть Англию в ее ставке на еврейское национальное движение, султан Абдул-Хамид II в июне 1882 г. издал закон, запретивший поселение в Палестине иудеям, выходцам из Восточной Европы, а в 1901 г. – закон, ограничивший пребывание в стране паломников и туристов тремя месяцами, в то же время султан активно сотрудничал с коренным еврейским населением, которое в основной массе противостояло чужакам – новым поселенцам. Тогда же, в последней четверти XIX в., Порта сближается с Германией, активно укреплявшей позиции на Ближнем Востоке.

В тесной связи с переселенческим движением находилось теоретическое оформление сионизма. Понятие "сионизм" является производным от топонима Сион, который в религиозной традиции используется для обозначения Иерусалима как духовного центра иудеев. Сам термин введен философом

Натаном Бирнбаумом и впервые появился в журнале *Зельбстэмансипацион* в 1890 г. Для начального этапа (конец XIX–начало XX вв.) представляется целесообразным рассматривать определение термина "сионизм" в следующей форме: сионизм – есть "организованное еврейское движение, имеющее целью экономическое и культурное возрождение еврейской народности в Палестине"¹⁷.

Возникновение сионизма обычно связывают с брошюрой Теодора Герцля "Еврейское государство. Опыт современного решения еврейского вопроса", изданной в 1896 г. Однако написанное Герцлем в определенной степени явилось повторением тезисов Н.Бирнбаума из его брошюры "Национальное возрождение еврейского народа на его родине как средство решения еврейского вопроса"¹⁸. Тем не менее работа Герцля получила одобрение палестинофилов.

29–31 августа 1897 г. в Базеле проходил Первый сионистский конгресс, сумевший сплотить идейно слабое и расколотое национальное движение и принять программу действий, в которой говорилось, что "сионизм стремится создать для еврейского народа правоохранное убежище в Палестине"¹⁹. Поселение евреев в Палестине рассматривалось сионистами не только с идейной и идеологической стороны, но и с чисто практической: большая часть пахотных земель Османской империи не обрабатывались в то время из-за отсутствия рабочих рук.

Еще до созыва первого конгресса Герцль принялся за осуществление идеи о международных гарантиях еврейскому убежищу в Палестине. С помощью профессора А.Вамбери, секретаря министра иностранных дел Турции Мехмеда Фауда паши, Герцль получил аудиенцию у Абдул-Хамида и предложил султану 20 млн фунтов в обмен на предоставление евреям права на колонизацию Палестины. В ответ султан с пафосом заявил: "Я не могу продать ни пяди земли, ибо она принадлежит не мне, а моему народу"²⁰. Еще одна аудиенция в мае 1901 г. и встречи с представителями правительства Османской империи в феврале и июле 1902 г. также не дали результатов.

2 ноября 1898 г. при посредничестве Великого герцога Баденского лидер сионистского движения смог встретиться с Вильгельмом II во время визита последнего в Турцию. Император согласился оказать содействие Герцлю в его планах. К деятельности Герцля определенный интерес проявила Великобритания. В 1902 г. лидер сионизма и британские официальные лица обсудили возможность поселения евреев на Кипре и Синайском полуострове (в районе Эль-Ариша) в качестве подготовки к созданию еврейского национального дома в Палестине.

Т.Герцль провел также достаточно плодотворные переговоры с российскими государственными деятелями В.К.Плеве и С.Ю.Витте. Герцль отправился в Россию 5 августа 1903 г. Плеве одобрил создание еврейского государства. "Это не означает, – сказал он Герцлю, – что мы хотим избавиться от всех евреев. Сильные умы – и Вы являетесь собой лучший тому пример – мы хотели бы сохранить за собой. Для сильных умов нет никаких профессиональных или национальных различий". По результатам переговоров Герцль получил официальное письмо В.К.Плеве, одобренное Николаем II, где говорилось о положительной оценке царским правительством сионистского движения и содержалось обещание оказать ему поддержку²¹. В 1904 г. Герцль получил заверения в поддержке на аудиенциях с Виктором-Эммануилом и папой Пием X.

В 1903 г. британский кабинет, учитывая, что покровительство сионистскому движению поможет усилить влияние империи на Востоке, предложил Всемирной сионистской организации (ВСО) план колонизации Уганды. "Африканский план" привел к расколу в сионистском движении. Большая часть сионистов высказалась за всемерную поддержку "палестинской программы".

В начале XX в. ВСО действовала в двух направлениях: поощряла колонизацию Палестины и добивалась от великих держав дипломатического признания права на поселение. Всего за несколько десятилетий сионизм

превратился в мощное движение, игравшее все более значимую роль в международных отношениях в Европе и на Ближнем Востоке. Достаточно заметны результаты деятельности сионизма и в других областях: теоретики сионизма поставили перед всеми целый ряд проблем: о творческих ценностях семитов (М.Гесс), о культурном возрождении (Э.Бен-Иегуда, Ахад Гаам), о территории (Т.Герцль); развитие сионистского движения привело к росту числа еврейских организаций в мире (крупнейшие – Бнай Брит и Аггудат Исраэль). Следует также отметить усиление борьбы евреев за национальные права и культурное самоопределение как еще один результат активности сионистского движения. В то же время сионизм как ответная реакция на усиление антисемитизма привел не к затуханию последнего, а к еще большему усилению его в разных странах мира.

В исторической литературе выделяют несколько волн массового поселенческого движения евреев в Палестину. До 1948 г. отмечается восемь потоков: Первая алия – 80-е гг. XIX в. – 1903 г., Вторая – 1904–1914 гг., Третья – 1919–1923 гг., Четвертая – 1924–1928 гг., пятый поток – 1933–1939 гг., и шестая–седьмая волна – 1940–1948 гг.²²

В Первую алию (1882–1903 гг.) в Палестину прибыло около 25 тыс. чел.²³ Поселенцы заложили на пустующих землях около четырех десятков поселений, таких как Гедера, Атлиг, Экрон и др. Основу Первой алии составили евреи, выходцы из России, что было во многом обусловлено государственной антисемитской политикой (погромы, ограничительные законы: черта оседлости и др.), а также распространением революционных и социалистических идей. Малое количество иммигрантов из Франции, Великобритании, Голландии в первые годы сионистского переселения объясняется достаточно успешными процессами эмансипации – уравнивания евреев этих стран в правах с остальным населением, коренной нацией.

На 1904–1914 гг. приходится Вторая алия в Палестину, принявшую в этот период главным образом поселенцев из России, небольшую часть составили также поселенцы из Йемена. Общее число прибывших ненамного превысило 40 тыс. чел.²⁴ Наиболее массовые переселения в землю обетованную происходили после Кишиневского погрома 1903 г., засухи в Йемене 1903–1904 гг., религиозного преследования йеменитов в начале века, а также после поражения российской революции 1905–1907 гг.

Вторая алия, заложив около 30 поселений, основала несколько ферм-коммун, ставших прообразами киббуцев. Поселенцы Второй алии создали вооруженные отряды для охраны поселений. Первая боевая группа называлась Бар-Гиора и была собрана осенью 1907 г. в Яффе²⁵. Активность пионеров второй волны была прервана началом мировой войны.

Земельные участки для поселенцев приобретали сперва частные лица, а затем – Еврейский национальный фонд, основанный в 1901 г. Скупка сионистами земель у арабских землевладельцев приводила к обезземеливанию простых феллахов. Богатые поселенцы Первой алии использовали наемный труд арабских рабочих. В период Второй алии евреи, владельцы земельных участков, перестали нанимать арабскую рабочую силу. Идейным обоснованием этого стала так называемая "религия труда" А.Д.Гордона: труд самого свободного человека на земле, ему принадлежащей. В результате начался процесс вытеснения с рынка труда арабской рабочей силы еврейской. Сионистскими институтами намеренно проводились для поощрения такого процесса следующие мероприятия: заполнение свободных мест на рынке труда еврейской рабочей силой, более дорогой, и поддержание алии из Йемена.

Эти акции вызвали недовольство арабского населения Эрец Исраэль. Уже с середины XIX в. неоднократно возникали бунты арабов против колонизации земель (1836 г., 1886, 1889, 1891, 1896 г.), направленные на первых порах против арабской знати и османских властей²⁶. С 90-х гг. XIX в. формируется политическая оппозиция арабов сионистскому движению. Организаторами политического сопротивления стали в основном образованные арабы-христиане и выходцы из высших слоев арабского общества. Уже через год после

создания ВСО (1897) в иерусалимской газете *Аль-Манар* появилась первая антисиионистская статья Рашида Реды. Арабское сопротивление сионистскому движению усилилось сразу же после младотурецкой революции 1908 г., когда была образована арабская политическая ассоциация Ахавва. В крупных городах Палестины – Иерусалиме, Хайфе, Наблусе, Назарете, Яффе – появились подобные организации, требовавшие запрещения продажи земли иностранцам и объявления вне закона деятельности сионистов. Одним из видных деятелей арабского национализма в Палестине, выступавших против сионизма, был Наджиб Нассер. Палестинцы издавали три антисиионистские газеты: *Аль-Кармаль* (в Хайфе), *Фаластин* (в Яффе) и *Альмунтанда* (в Иерусалиме)²⁷.

Таким образом, с конца XIX в. в Палестине оказались лицом к лицу еврейское и арабское национальные движения. Так возникла палестинская проблема.

¹ См.: Золян С. Т. // Полис. 1996. №4. С.96 и след.

² Шевелев Д. // Евреи Беларуси. История и культура: Сб. научных трудов. Мн., 1997. Вып.1. С.90 и след.

³ Религиозное движение видело выход в возвращении к истокам иудейской религии. Часть религиозных евреев формировала свои объединения, но в сионистском движении не участвовала.

⁴ Эрец Исраэль – ивритский термин, употребляемый как синоним слова Палестина, в переводе буквально значит Земля Израиля. Иногда употребляется в более широком смысле – библейская земля, на которой жили предки евреев. См.: Быт.15:18; Втор.11:24.

⁵ Втор.30:3–5; Ам.9:14–15.

⁶ Кандель Ф. Очерки времен и событий: Из истории российских евреев. 1882–1920. Иерусалим, 1994. С.45.

⁷ Там же. С.47–48.

⁸ См.: Оке М. К. // UN Question of Palestine: Legal aspects. A compilation of papers presented at the United Nations seminars on the question of Palestine in 1980–1986. New York, 1992. P.423.

⁹ Кандель Ф. Указ. соч. С.50.

¹⁰ Краткая еврейская энциклопедия (КЕЭ). Иерусалим, 1990. Т.3. С.182.

¹¹ Там же. С.183.

¹² См.: Ackerman A. The deeds of the pioneers in Eretz Israel. 1840–1940. Jerusalem, 1982. P.7.

¹³ См.: Алестин Ф. Палестина в петле сионизма. Преступники. Жертвы. Свидетели. Судьи. М., 1988. С.7.

¹⁴ Цит. по: Ярославцев И. В чем обвиняется сионизм. М., 1984. С.12.

¹⁵ См.: Ладейкин В. П. Источник опасного кризиса. (Роль сионизма в разжигании конфликта на Ближнем Востоке.) М., 1978. С.47.

¹⁶ КЕЭ. Т.4. С.876.

¹⁷ Еврейская Энциклопедия / Брокгауз и Ефрон. СПб., Б.г. Т.14. С.330. (Евр. Энци.).

¹⁸ Ладейкин В. П. Указ.соч. С.44.

¹⁹ Евр. Энци. Т.14. С.335.

²⁰ Цит. по: UN Question of Palestine... P.426.

²¹ Цит. по: Ладейкин В.П. Указ.соч. С.49.

²² КЕЭ. Т.1. С.83–84.

²³ Там же. С.83.

²⁴ Там же.

²⁵ История еврейского национального движения. Часть I: 1870–1914 гг. Иерусалим, 1993. С.152, 170.

²⁶ Ackerman A. Op. cit. P.13; Алестин Ф. Указ.соч. С.236.

²⁷ См.: Ackerman A. P.18–19; Алестин Ф. Указ.соч. С.236.

Н.Н.КОЗЛОВИЧ

ТАРИФНЫЕ И НЕТАРИФНЫЕ МЕТОДЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ

Методы регулирования внешней торговли сложны и разнообразны как по целям, так и по механизму действия. Одни из них используются для общего ограничения импорта, другие направлены на торговую дискриминацию определенных стран, третьи ограничивают или субсидируют экспорт. Некоторые воздействуют непосредственно через механизм цен, другие – косвенно.

Главным экономическим инструментом регулирования импорта являются таможенные тарифы. Их ведущая роль во внешнеторговой политике дала повод зарубежным и отечественным экспертам выделять их в качестве самостоятельной группы. Вместе с внутренней налоговой системой импортный тариф регулирует не только импорт, но и весь экономический климат в стране.

Импортный таможенный тариф – это систематизированный перечень товаров, облагаемых при ввозе дифференцированными таможенными пошлинами, которые представляют собой процентные надбавки к цене, выраженные в национальной денежной единице. Вместе с внутренней налоговой системой импортный тариф регулирует не только импорт, но и весь экономический климат в стране.

В экономической теории проблема применения тарифов рассматривается в рамках базисной теории таможенных тарифов, основные положения которой заключаются в следующем: таможенные тарифы почти всегда снижают уровень благосостояния в торгующих странах; введение тарифа может быть оправдано, когда возможно использование "оптимального тарифа" (уровня тарифа, приносящего чистый доход государству снижением внешней цены импорта), а также в случае субоптимальной ситуации, когда введение тарифа может оказаться полезнее, чем экономическая пассивность; к цели, достигнутой с помощью введения тарифов, можно прийти, используя нетарифные меры.

С практической точки зрения тарифы имеют также ряд важных особенностей. Во-первых, существует определенная закономерность между уровнем экономического развития стран и ставками импортных пошлин в тарифе. Обычно чем выше этот уровень, тем ниже ставки пошлин, поскольку стране, имеющей достаточно конкурентоспособную промышленность, не требуется, за редким исключением, дополнительной значительной протекционистской защиты с помощью пошлин. Например, в соседних европейских странах Швейцарии и Венгрии средний уровень таможенных пошлин в 1993 г. составлял соответственно 3 и 16%¹. Кроме того, ставки пошлин в тарифе различаются в зависимости от степени обработки продукции. В Австрии, например, средний уровень пошлин на сырье составляет 0,8%, на полуфабрикаты – 4,7, на готовые изделия – 16%². Таможенные тарифы обычно располагают не одной, а несколькими ставками пошлин, которые применяются

к товарам разных групп стран, т.е. максимальными, минимальными и льготными ставками.

Таможенный тариф является одним из старейших и эффективных методов регулирования импорта, хотя и отличается большими издержками. В послевоенный период происходило постепенное сокращение тарифов на основе многосторонних переговоров о встречных тарифных уступках в рамках Генеральной соглашения о тарифах и торговле и других международных организаций; заключения региональных и других соглашений о зонах свободной торговли. Хотя в результате этих мероприятий уровень пошлин на продукцию обрабатывающей промышленности в странах Запада снизился в среднем до 5%, импорт многих товаров все еще облагается достаточно высокими пошлинами.

В последнее время широкую популярность приобрели нетарифные методы регулирования внешней торговли. Это комплекс мер ограничительно-запретительного характера, препятствующих проникновению иностранных товаров на внутренние рынки. Некоторые из этих мер можно отнести к законным регулирующим функциям государства, в то же время другие направлены на явную дискриминацию внешней торговли. Сюда относятся нетарифные ограничения, субсидирование экспорта, валютный контроль и другое.

Среди нетарифных ограничений, осуществляющихся путем финансового воздействия, выделяются различные сборы, налоги и пошлины, взимаемые при ввозе иностранных товаров. К ним относятся внутренние специальные налоги и переменные пошлины, уравнительные налоги и сборы, пограничные налоги и сборы, связанные с таможенным оформлением товара. Нередко общая сумма таких платежей значительно превосходит размеры установленных таможенных тарифов. Кроме того, часто они осуществляются не в виде фиксированной ставки (например, скользящие импортные налоги), изменяясь в зависимости от состояния конъюнктуры и экономической политики государства. Они могут быть как специфическими, так и комбинированными, способствуя повышению в основном внутренней цены товара. На практике применение этого вида нетарифных барьеров связано с проблемой двойного налогообложения, когда импортируемый товар, с одной стороны, облагается у себя на родине экспортными налогами и пошлинами и, с другой стороны, облагается различными сборами, налогами, пошлинами в стране, импортирующей его. При этом большинство таких налогов и пошлин идентичны в двух странах.

Кроме мер финансового воздействия государствами применяются разнообразные методы административного регламентирования внешнеторговых операций. К ним относятся квотирование, лицензирование, различные виды запретов, предписания таможенных органов, технические нормы и правила безопасности, добровольные самоограничения поставок, контроль за ценами и др.

Наибольшее распространение среди них получили импортные и экспортные квоты или количественные ограничения объема продукции, разрешенной к ежегодному ввозу в страну и вывозу. Если объем квотированного импорта меньше, чем спрос на внутреннем рынке, то это приводит не только к сокращению этого импорта, но и к превышению внутренних цен над мировыми. В этом смысле импортные квоты аналогичны тарифным ограничениям. То же касается и экспорта.

Государство может предпочесть импортные квоты тарифным ограничениям по некоторым причинам. Во-первых, такая политика гарантирует от дальнейшего увеличения затрат на импорт, когда иностранная конкуренция становится более острой. В частности, при выравнивании платежного баланса импортная квота становится гарантом того, что объем импорта строго фиксирован. Квоты оказываются предпочтительными и в том плане, что предоставляют правительству большую гибкость и власть при осуществлении экономической политики, тогда как повышение ставок тарифа регламентируется международными торговыми соглашениями.

Тем не менее анализ воздействия импортных квот на благосостояние нации в целом показывает, что этот вид протекционизма ничем не лучше, а при определенных обстоятельствах и хуже, чем тариф. Импортная квота наиболее привлекательна в условиях свободной конкуренции, однако она может привести к негативным последствиям, если становится причиной монополизации внутреннего рынка. Квота может принести больший ущерб, чем тариф, и в случае, если она окажется причиной монопольного положения иностранных экспортеров.

Квоты применяются на практике, как правило, совместно с другими мерами регулирования внешней торговли. В качестве примера можно назвать лицензирование, которое представляет собой ограничение в виде получения права или разрешения (лицензии) на вывоз товаров за рубеж или ввоз их оттуда. В лицензии может быть определена квота на объем товара, а также установлен порядок ввоза и вывоза. Лицензирование толкуется в международной практике как временная мера регулирования, которое осуществляется путем строгого учета и контроля потока определенных групп товаров, пересекающих границу в обоих направлениях, и (лишь в случае необходимости) ограничения этих потоков, чрезмерно возросших или нежелательных по какому-либо государственному мотивам.

Как правило, к этой мере регулирования внешнеторговых связей прибегают по ряду внутренних и внешних причин. Лицензирование используют прежде всего для регулирования внешнеторгового оборота при отсутствии таможенных пошлин или в случае, когда они перестают эффективно защищать внутренний рынок, например, при резких колебаниях иностранных валютных курсов. Эта мера применяется также для выравнивания торгового и платежного баланса с любой страной, особенно когда необходимо остановить рост внешнеторгового дефицита. Лицензионный режим позволяет более рационально использовать иностранную валюту, кроме того, он используется как средство выравнивания встречных уступок со стороны партнера или в качестве ответного шага на дискриминационные действия. Являясь временной мерой, лицензирование не требует пересмотра заключенных торговых соглашений.

Воздействие квотирования и лицензирования на национальное благосостояние зависит от того, каким способом распределяются торговые лицензии. В случае бесплатного их приобретения выигрыш достается обладателю лицензии.

Следующим нетарифным методом регулирования внешней торговли является запрет на импорт и экспорт. Он представляет собой вынужденную меру, признанную международной практикой, и имеет принципиальные особенности, выступая в закрытой и завуалированной форме.

Помимо традиционных ограничительных мер широкое распространение получила сравнительно новая их форма – добровольное ограничение поставок, которая представляет собой неофициальную договоренность (под угрозой применения более жестких мер) между экспортером и импортером об ограничении ввоза отдельных товаров в виде сокращения объемов, ежегодного прироста или снижения цен.

Экспортная политика государства также разнообразна. Как мы уже говорили, к отечественным экспортерам также применяются тарифы, квоты, лицензии, запреты. Однако здесь популярна такая мера, как экспортные субсидии, цель которых – поддержка отечественных товаропроизводителей на зарубежных рынках. Стимулирование экспорта включает, во-первых, такие кредитно-финансовые методы, как страхование, кредитование, прямое субсидирование. Во-вторых, к государственному субсидированию экспорта относятся затраты по стимулированию сбыта экспортной продукции за рубежом, организация рекламы, предоставление дешевой информации о конъюнктуре экспортного рынка, а также предоставление фирмам налоговых льгот в зависимости от объема производимых на экспорт товаров и услуг, различных преференций и поощрений.

Следующее направление государственной торговой политики касается контроля цен и включает антидемпинговые мероприятия и компенсационные пошлины. В краткосрочном аспекте антидемпинговые пошлины снижают всеобщее благосостояние, хотя в импортирующей стране оно, возможно, повысится. Правильно установленный уровень антидемпингового тарифа становится оптимальным для страны.

Компенсационные пошлины, также относящиеся к мерам ценового контроля, направлены на защиту отечественного производства от экспортных субсидий другой страны. Вызывая излишний рост объема торговли, экспортные субсидии наносят ущерб как субсидирующему государству, так и всей мировой экономике. Нейтрализация их посредством компенсационных пошлин поддерживает совокупное благосостояние в мире на устойчиво благополучном уровне, при этом страна, субсидирующая экспорт, неявно доплачивает стране-импортеру.

Еще одним видом нетарифного регулирования являются таможенные методы, связанные с соблюдением формальностей и процедур по отношению к пересекающим таможенные границы страны товарам. Это прежде всего формальности, предшествующие таможенному оформлению товаров, и само таможенное оформление, которое включает декларирование грузов, таможенный досмотр, уплату таможенных пошлин и сборов и др. К прочим мерам нетарифного регулирования торговых отношений относятся различные технические ограничения: санитарные, экологические требования, стандарты.

Степень воздействия нетарифных ограничений на внешнеторговые процессы не поддается количественной оценке, так как их влияние не имеет явно выраженного характера. Однако, по заключению западных экспертов, доля использования количественных ограничений в общей совокупности нетарифных мер занимает до 30%, столько же – налоговые меры (внутренние и пограничные сборы и налоги), несколько меньше – технические нормы и правила – до 25%³.

Современная модель регулирования внешней торговли с помощью валютно-кредитных средств приобрела сложную структуру, которая объединяет совокупность элементов валютного рынка, отношений экспортеров и импортеров с банками, системы национального и межгосударственного валютного регулирования. Из всей их совокупности важнейшим является валютный курс, главная функция которого заключается в обеспечении пропорционального обмена валют, базой которого служит их покупательная сила по отношению к товарам внутри страны.

Валютный курс находится в тесной зависимости от статуса национальной валюты, уровня ее конвертируемости, которая, в свою очередь, может быть полной или частичной.

Для внешнеторговых операций первоочередное значение имеет реальный обменный курс (или относительная цена товаров, произведенных в разных странах), который, оказывая прямое влияние на величину чистого экспорта, находится с ним в обратной зависимости. Данный факт лежит в основе такого наиболее распространенного способа регулирования внешнеторгового оборота страны, как изменение валютного курса путем его девальвации или ревальвации. К этому методу страны прибегают в условиях острой конкурентной борьбы на внешних рынках, а также существенного отклонения уровня инфляции от фиксированного валютного курса, когда рыночный курс длительное время и в ощутимых размерах отклоняется от валютного паритета.

Особенно часто страны прибегают к девальвации, т. е. официальному занижению курса национальной валюты, с целью воздействия на saldo торгового баланса путем увеличения экспорта вследствие его относительного удешевления и сокращения импорта путем повышения цен на ввозимую продукцию.

Таким образом, непосредственно определяя относительные цены экспортных и импортных товаров, валютный курс оказывает прямое воздействие на объемы экспортно-импортных операций и соответственно на величину

чистого экспорта, которая является составной частью совокупного дохода. Следовательно, правильно манипулируя уровнем валютного курса посредством его девальвации и ревальвации, а также проводя соответствующую торговую политику в зависимости от фиксированного или плавающего валютного курса, государство может эффективно воздействовать на баланс внешнеторговых отношений страны и увеличивать доходы нации от внешней торговли.

Одним из способов воздействия на валютный курс, а следовательно, и на внешнеторговые операции являются валютные ограничения. Они представляют собой систему мер, сужающих или регламентирующих права юридических и физических лиц по обменным операциям с иностранной валютой, а также предусматривающих контролирование таких операций, как целевое регулирование платежей и переводов за границу, репатриация прибыли, ограничения по текущим и международным расчетам и платежам. Цель их – сокращение внешнего оборотного капитала для увеличения чистого спроса на национальную валюту.

Валютные ограничения являются составной частью валютного контроля, включающего также мероприятия государства по надзору, регистрации, статистическому учету валютных операций по внешнеторговым контрактам. Широкое применение валютные ограничения впервые получили в период второй мировой войны, когда потребовалось мобилизовать дополнительные валютные ресурсы для финансирования военных расходов. Валютные ограничения после второй мировой войны применялись практически во всех странах, кроме США, Швейцарии, Канады и ряда латиноамериканских стран¹.

Валютные ограничения на экспортно-импортные операции имеют свою специфику и заключаются в следующих формах: блокирование валютной выручки иностранных экспортеров от продажи товаров в данной стране, ограничение их возможностей распоряжаться этими средствами; обязательная продажа валютной выручки экспортеров полностью или частично центральному или девизным банкам; ограниченная продажа иностранной валюты импортерам (при наличии разрешения органа валютного контроля); ограничения на форвардные покупки импортерами иностранной валюты; запрещение продажи товаров за рубежом на национальную валюту; запрещение оплаты импорта некоторых товаров иностранной валютой; регулирование сроков платежей по экспорту и импорту в условиях нестабильности валютных курсов; контроль авансовых платежей иностранной валютой экспортерами в целях предотвращения использования этих средств спекулянтами в ущерб национальной валюте.

В области внешней торговли валютные ограничения влекут негативные последствия: их действие равно количественным ограничениям импорта, так как в этом случае импортер обязан получать разрешение на использование валюты. Нередко эти ограничения сочетаются с той или иной формой валютного демпинга. Например, когда при установке официального курса допускаются надбавки к нему. Это позволяет центральным банкам при покупке иностранной валюты у экспортеров создавать систему экспортных премий и стимулировать демпинг, обостряющий конкурентную борьбу на мировом рынке. Итак, валютные ограничения препятствуют свободному развитию внешней торговли и побуждают другие страны к применению ответных мер.

Государственная практика выработала большое количество различных инструментов регулирования внешней торговли, среди которых классическим является импортный тариф. Однако в последнее время более широкую популярность приобрели нетарифные методы регулирования. Особое влияние на внешнеторговые отношения оказывает также валютное регулирование.

Торговые барьеры могут выполнять созидательные функции в интересах развития отечественного производства, формирования государственных доходов, соотношения экспортно-импортных поступлений. Однако в большинстве случаев введение торговых ограничений вызывает негативные

экономические последствия. Особенно это актуально для открытой экономики малых стран, которые не могут применять "оптимальный тариф". Поэтому для нее более эффективным является применение во внешнеэкономической политике нетарифных методов.

¹ Сабельников Л. Регулирование импорта в зарубежных странах // Внешняя торговля. 1993. №4. С.29.

² Там же. С.30.

³ Покровская А.Н. Международные коммерческие операции и их регламентация. М., 1996. С.224.

⁴ См.: Носкова И.Я., Максимова Л.М. Международные экономические отношения, М., 1995. С.85.

П.С.ЛЕМЕЩЕНКО, В.Г.БУЛАВКО

ИНСТИТУТ СОБСТВЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕХОДНЫХ ЭКОНОМИК

Еще несколько лет назад категория собственности была одной из наиболее употребительных в экономической литературе. Но как-то внезапно, как, впрочем, и все происходящие радикальные и стремительные перемены на всем постсоциалистическом пространстве, всем и все в собственности стало "ясно". Безотносительно к эффективности используемых ресурсов и экономики в целом темпы приватизации стали главным показателем "успеха" новой реформы, а государственная собственность приравнялась к общественной, превратившись в "имущество" с соответствующим министерством или же комитетом. Одна целевая экономическая иррациональность — национализация, долгое время занимавшая умы населения мира, сменилась на другую — приватизацию. Ваучерная или же чековая формы проведения этого мероприятия еще ждут своей исторической оценки. Однако уже сейчас можно сказать, оценив текущую ситуацию и тем более стратегическую социально-экономическую перспективу такой масштабной приватизации, что расстояние до эффективной экономики и "цивилизованного рыночного рая" заметно увеличилось. Теоретически неотработанные кардинальные изменения, начатые более десяти лет тому назад, превратились в романтико-реформистский фарс, который уже приобретает практически во всех постсоциалистических государствах очевидные признаки трагедии. "Пауперизация значительных групп населения... на фоне вызывающей роскоши нуворишей, — пишет Е.Гайдар, — гремучая смесь, долгосрочная питательная среда политического радикализма с национал-социалистической окраской"¹. И, как он справедливо далее отмечает, в переходных экономиках сложилось неблагоприятное сочетание факторов, осложняющих прорыв к динамичному экономическому росту.

Вместе с тем нельзя считать верным даже постановочно высказанные утверждения о том, что "незрелая, слабая" частная собственность выступает основным препятствием, сдерживающим экономический рост и развитие. Ведь в мире насчитывается всего лишь около двух десятков государств, где эта собственность "вызрела" до уровня смешанной, обеспечив большинству населения работу. Остальные же государства, имея веками формировавшийся институт частной собственности, тем не менее и сегодня демонстрируют крайнюю нищету и бедность.

Стремящимся к другой крайности — национализации — уместно также было бы обратиться к истории тех стран, где государственная собственность на средства производства доходила до 90%, и вспомнить о тех проблемах, которые в конечном счете и потребовали изменений в экономической политике и реформ. Но реализация последних в контексте "радикального обновления социализма" зашла в тупик. Неопределенное и неустойчивое политико-экономическое сознание теоретиков, проявляющееся в различных формах, дополняясь мощным потоком информации о стремительных изменениях в реальной социально-экономической жизни, выдвинуло долговременную идею:

"альтернативы рынку нет". И вот в трактовке понятия "рынок" допускается удивительная вольность и фантазия. Об этом свидетельствуют не только сегодняшние проблемы постсоциалистических государств, но и традиционные для рыночной экономики отрицательные внешние эффекты, растущие транзакционные издержки, другие негативные последствия и тенденции, обнаруживающиеся все более явно и жестко в так называемых благополучных экономиках².

Предполагая, что как политики, так и экономисты (отечественные и зарубежные) ведут честную игру, можно считать, что отрицательные последствия реформ выступают как прямое следствие теоретических даже не ошибок, а заблуждений. Применительно к теме нашего разговора эти заблуждения выражаются прежде всего в нормативной оценке форм собственности с тем или иным знаком. После этого вполне объяснимы такие рекомендации, в которых предлагается механически установить такие, например, пропорции: 30% государственной и 70% собственности частной. Более того, на эти цифры серьезно ориентируются международные финансовые организации, предлагая их в качестве условия для выделения кредитов реформирующимся государствам. Ссылки на международный опыт в данном случае неуместны, поскольку, во-первых, эти цифры весьма разнятся от страны к стране. Во-вторых, следовало бы более четко определить, что же скрывается за этими цифрами: национальное богатство, реальный капитал, финансовые активы, имеющие огромную величину фиктивного капитала... В-третьих, бурная и многоплановая деятельность ТНК, а следовательно, и их собственность (более точно – сфера влияния) существенным образом не только скорректируют эти пропорции, но и во многом поменяют качественное восприятие категории, института собственности в целом и частной в особенности. Ведь границы различных форм, уровней, функций собственности в ТНК основательно размыты и одновременно переплетены через многочисленные экономические отношения и другие институциональные взаимосвязи с другими объектами и субъектами собственности. Не совпадают также границы субстанции собственности, общей экономической самостоятельности, производственной, коммерческой, финансовой деятельности и т.п., что уже очевидно проявляется в элементарных формах монополистических объединений.

Таким образом, теоретическое осмысление института собственности во всей его сложности и глубине явно не совпадает с реальными социально-экономическими процессами, которые так или иначе связаны с ним. Существует, что называется, интеллектуальное заблуждение, являющееся прямым следствием специализации научного гуманитарного знания в целом, и экономического в частности³. "Ответственность за интеллектуальное заблуждение, – пишет Дж. Бьюкенен, – отчасти ложится на раскол старой "политической экономии" на отдельные современные дисциплины: "экономикс" и "политологию". Экономисты в большинстве своем стремились остаться позитивными аналитиками... Политологи, напротив, стремились нормативно трактовать государственные процессы. В результате общественный выбор между организационными альтернативами часто представлял собой сравнение между реальным институтом, с одной стороны, и идеальным, с другой"⁴. От себя добавим, что в результате такого раскола и углубления специализации "экономической теории" за пределами внимания, кроме собственности, остались и многие другие институты и социальные проблемы, в последующем получившие название "внешних отрицательных эффектов". Вот как раз эти предэкономические факторы, или институты, с подачи ортодоксальных экономистов получили примитивную интерпретацию в виде предложений по "массовой приватизации", "либерализации цен", "свободно плавающим валютным курсам", "развитию рынков капитала, товаров, рынка труда". Иначе говоря, функциональный аспект, который уместен при зрелой экономической системе, взял пальму первенства над институциональным, качественным, который в период реформ должен выдвигаться на первое место. Ведь никто не станет отрицать того обстоятельства, что, например, за валютным курсом "скрывается" целая

система отношений между государствами, а его регулирование предполагает наличие целого комплекса соответствующих зрелых институтов, включая национальную валюту и стройную финансово-банковскую систему с высоко-профессиональными кадрами. Всего этого сейчас нет в переходных экономиках. Вследствие этих и других обстоятельств в молодых реформирующихся странах накопился комплекс крайне сложных и острых проблем. И название этому состоянию вовсе не "кризис", как это принято квалифицировать, а "системный гистерезис"⁵. Это явление связано с безвозвратной потерей части имеющегося потенциала страны в период коренных системных трансформаций. В данном случае речь идет о переводе экономики на новые, рыночные, принципы хозяйствования.

Проблема терминологии далеко не праздная, поскольку категориальное выражение реальных процессов и явлений выступает первоочередной задачей любой науки, и экономической в частности. Это можно сравнить с правильно поставленным диагнозом болезни (в данном случае речь идет о болезни социально-экономической), которую только после этого и можно начинать лечить, предлагая определенный набор методов лечения в сочетании с тщательным контролем состояния "пациента". К разряду досадных недоразумений, видимо, можно отнести то, что без тщательного изучения специфики реформируемых экономик, без определения "диагноза" всем им предлагаются одни и те же методы "лечения" типа приватизации, либерализации и т.п. Надо отметить, что именно эти названные обстоятельства, по существу, и явились первопричиной упомянутого нами "системного гистерезиса".

Дело в том, что в прошлой экономической системе и системе отношений собственности, во-первых, не были установлены строгие права материальных элементов собственности⁶. Эта неопределенность в правах собственности, прежде всего на ее материальные условия, порождала распространенную у населения путаницу "моего" с "нашим" ("все вокруг колхозное, все вокруг мое"), в результате чего происходило юридически незаконное, а точнее, противозаконное перераспределение весомой части национального дохода. Кстати сказать, массовое нарушение юридических законов в части прав собственности является ярким подтверждением и свидетельством нарушения законов и интересов экономических. В результате терялись мотивационные установки работников, что обуславливало низкую производительность труда. Во-вторых, еще более неопределенным и запутанным как в теоретическом, так и в практическом отношении оказался функциональный срез "социалистической" собственности. История перманентных реформ (реформы политические могут составить тему отдельного обсуждения) экономики СССР (тресты – синдикаты – наркоматы – комитеты – министерства – совнархозы – министерства – объединения и т.п.) дает богатую информацию для размышления о поиске форм реализации собственности в целом, и распределении функциональных полномочий в частности. По сути дела, даже не сами ресурсы как возможный объект собственности, а именно контрольно-распределительные функции оказались камнем преткновения как при делении Советского Союза на независимые государства, так и при переводе экономики в процессе начавшихся в середине 80-х гг. реформ с "социалистической платформы" на "рыночно-демократические" принципы. Этому начинанию, в свою очередь, предшествовал "последний" хозрасчетный принцип "самофинансирования", открывавший предприятиям возможности использовать часть прибыли не только для простого, но и для расширенного воспроизводства.

Неопределенность взаимосвязей конкретных субъектов присвоения с реальным юридическим оформлением, что облегчало прежней экономической системе решение стратегических задач, в критической ситуации обусловило ее слабость и незащищенность по многим параметрам. Противоречие, вызванное процессом отчуждения работника не только от средств производства, но и от результатов своего труда, от контрольно-распорядительных функций, выплеснулось в классовое столкновение власти, монополизировавшей многоуровневые отношения собственности, с населением или с "хозяином собст-

венности" в социалистических странах, который имел крайне ограниченные и к тому же размытые "права собственности" даже в части фонда заработной платы. Отсутствие же в этой системе экономических стабилизаторов в виде реальных форм и субъектов присвоения материальных условий производства не обеспечило ее устойчивости при давлении "народа" как формального хозяина собственности, объединившегося против власти как носителя функции собственности⁷.

В отличие от большевиков, которые в свое время, национализировав решающую часть предприятий, начали естественно реализовывать функцию управления этой собственностью, новые реформаторы в первую очередь "приватизировали" контрольно-распорядительные функции собственности. Это давало, в свою очередь, реальный шанс на "получение" некоторой доли материальных элементов собственности из "фонда государственного имущества". Практика приватизации во всех бывших социалистических странах (пока Беларусь выпадает из этого ряда) подтверждает, что размер этой доли прямо пропорционален уровню занимаемой должности. Поэтому конкуренция за обладание властью – это, пожалуй, единственный вид конкуренции, который удалось создать под эгидой возрождения рыночной конкуренции. Политическая деятельность, кроме алкогольного и наркобизнеса, оказывается самым рентабельным вложением капитала. Идея же сделать "всех свободными собственниками" через ваучеры и приватизационные чеки оказалась самым большим блефом, если не сказать самой грандиозной ложью XX в.

Новые реформаторы отличаются от большевиков и тем, что первые, получив в том или ином виде собственность, практически не занимаясь реальным производством, "ушли" со своими капиталами на финансовые рынки, где путем спекулятивных операций и игры на бирже можно обеспечить высокую доходность. В конечном счете официальная правительственная политика, направленная на достижение макроэкономической стабильности и равновесия, вступила в противоречие со спекулятивной политикой финансовых кругов. Финансовый кризис показывает, что снова в проигрыше оказываются не только широкие слои населения, но и класс производителей, пытающийся на новых принципах осваивать реальный сектор экономики. Темпы экономического роста ВВП от этого, естественно, не увеличиваются. Зато увеличивается государственный долг, поскольку именно под правительственные гарантии выдавались иностранные кредиты для "финансовой стабилизации" экономики. Кстати сказать, рост государственного долга (как внутреннего, так и внешнего) при снижающихся темпах экономического роста – общая закономерность, присущая всем странам. Достигнуть высокой эффективности переходным экономикам в условиях безусловного господства в мире финансового капитала и ТНК крайне сложно, если вообще возможно. Особенно если использовать функциональный подход, преобладающий в современном "мэйнстриме" (основном течении) экономической теории.

Требуется, освободившись от некоторых устоявшихся уже за последнее десятилетие мифов и догм, более рационально и прагматично подойти, например, к оценке концентрации производства и капитала, т.е. размеров фирм, конкуренции и монополии, вечного вопроса о соотношении экономики и государства, выходящего так или иначе в плоскость понятий капитализма и социализма. Требуется учитывать отрасль приложения капитала, используемый технологический способ производства, форму организации фирмы, стиль управления, уровень образованности работников и многое другое, что реально влияет на результаты производства, включая степень концентрации и размеры предприятий.

В свою очередь, как считают Ф.М.Шерер и Д.Росс, "насколько высоким должен быть уровень концентрации продавцов, чтобы обеспечить эффективность производства, зависит от связи между уровнем технологии и размерами рынка"⁸. Но степень концентрации и размеры фирм есть две стороны одной медали конкуренции и монополии. "Мы должны признать, – пишет Й.Шумпетер, – что крупное предприятие стало наиболее мощным двигателем этого прогресса

и в особенности долговременного наращивания объемов производства не только вопреки, но благодаря той стратегии, которая в каждом индивидуальном случае и в каждый момент времени выглядит ограничительной. В этом отношении совершенная конкуренция не только невозможна, но и нежелательна и никак не может считаться образцом идеальной эффективности⁹. А.Хабергер же под считал, что в американской обрабатывающей промышленности потери ВВП от монополий в 1924–1928 гг. составили всего лишь 0,1%. После проверок методик и расчетов в 1988 г. признано, что такие потери или вред от монополизации колеблются в пределах 0,5–2%¹⁰.

Итак, примитивная социалистическая национализация в прошлом обернулась не менее пошлой приватизацией сегодня. То же самое можно сказать о ценах, налогах и т.п. Сфера социально-экономической жизни настолько усложнилась, что крайние установки типа "капитализм – социализм" сегодня скорее дезориентируют, чем ориентируют, на верное решение существующих проблем. "И рынки, и правительство, – пишет Дж.Бьюкенен, – терпят провалы, и нет никакой благосклонной "мудрости". Человек 70-х попал в ловушку дилеммы. Он понимает, что две "великие альтернативы", "laissez-faire" и социализм, умирают, и вряд ли можно ожидать их возрождения"¹¹.

¹ Гайдар Е. Об аномалиях экономического роста // Политэконом. 1996. №4. С.51.

² См., например: МЭИМО. 1998. №8; Коуз Р. Фирма, рынок, право. М., 1993; Уильямсон О. Экономические институты капитализма. СПб, 1996.

³ По нашему мнению, наиболее точно ситуацию неадекватного отражения экономической наукой современной реальности дает термин "дефект знания" (См.: Лемещенко П. С. Неополитэкономия или тенденции развития современной экономической науки // Вестн. Белорус. ун-та. Сер.3. 1998. №2; Он же. О предмете современной теории экономики: Тезисы международной научной конференции "Стратегия устойчивого развития и перспективы цивилизационной динамики на рубеже веков". Мн., 1998. С.112.).

⁴ Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики. М., 1997. С.426.

⁵ Некипелов А. Объективные основания для промышленной политики в условиях пост-социалистической трансформации // Политэконом. 1996. №4. С.21.

⁶ Теория "прав собственности" стартовала в конце 60-х – начале 70-х гг. в связи с падением эффективности производства, социальными проблемами и ростом транзакционных издержек, возникающих также на стыке экономики и права (См.: Коуз Р. Рынок, фирма, право. М., 1993. С.33; Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики. М., 1997. С.87, 124; Шерер Ф. М., Росс Д. Структура отраслевых рынков. М., 1997. С.39, 105, 141).

⁷ Любая социально-экономическая система имеет свои стабилизаторы устойчивости и надежности. Это может быть какой-то класс, социальная группа, некий институт в виде религии или признанной элиты общества, теневой кабинет и т.п.

⁸ Шерер Ф. М., Росс Д. Структура отраслевых рынков. М., 1997. С.112.

⁹ Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М., 1995. С.153.

¹⁰ Шерер Ф. М., Росс Д. Структура отраслевых рынков. С.656.

¹¹ Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики. С.430.

В.Н. БИБИЛО

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ СУДОУСТРОЙСТВА

Суд создан для реализации правоохранительной функции государства, причем на уровне реализации конкретных правоотношений. Ввиду этого организация и деятельность суда подвергнуты правовому регулированию. Существуют две разновидности нормативно-правовых актов о суде. Одни из них определяют работу суда в динамике, т.е. при рассмотрении дел. Например, в Уголовно-процессуальном кодексе (УПК) содержатся правовые предписания относительно компетенции суда в уголовном судопроизводстве. Другие нормативно-правовые акты предназначены для того, чтобы придать суду статус, позволяющий объективно рассматривать дела и выносить по ним законные и обоснованные судебные акты. В законодательстве и юридической литературе для такого рода состояния суда используется понятие "судоустройство".

Теоретическим и практическим проблемам судоустройства всегда уделялось много внимания. Принимались нормативно-правовые акты о судоустройстве¹, обсуждался вопрос о том, существуют ли специфические принципы судоустройства², утверждалось, что судоустройство не только отрасль права, но и наука, которая изучает задачи, устройство, основные принципы деятельности, особенности взаимодействия отдельных звеньев судебной системы³.

Все, что касается судоустройства, и в настоящее время не теряет своей актуальности. Термин "судоустройство" применяется и в законодательстве Республики Беларусь. В ст. 109 Конституции сказано, что судоустройство определяется законом⁴. В настоящее время действует Закон о судоустройстве и статусе судей⁵. Несмотря на такое широкое применение понятия "судоустройство", остается недостаточно четко определенным его содержание.

А.С.Смыкалкин считает, что в понятие "судоустройство" надо вкладывать и узкий, и широкий смысл в зависимости от того, включать ли в него организацию прокуратуры, адвокатуры, предварительного расследования преступлений⁶.

Прежде всего следует отметить, что в разных государствах суд устроен по-разному. В одних — органы прокурорского надзора, адвокатской помощи и следствия организационно находятся при судах, а в других — они автономны. Юридическую ценность понятия "судоустройство" надо искать в иной плоскости: можно ли этим понятием охватить те стороны в организации суда, которые определяют его способность осуществлять функцию правосудия.

В Республике Беларусь статус суда определен рядом нормативно-правовых актов. Но за пределами Закона о судоустройстве и статусе судей остаются такие важные стороны организации суда, как комплектование судейского корпуса, аттестация судей, повышение их квалификации, дисциплинарная ответственность и др. Они в определенной мере регламентируются различными нормативно-правовыми актами. Между тем правилам юридической

техники соответствует консолидация схожих правовых норм в одном нормативно-правовом акте.

В 1980 г. И.И.Мартинovich предложила назвать нормативно-правовой акт, регулирующий организацию судебной деятельности и государственное руководство ею, Кодексом законов о судоустройстве⁷. Это название таавтологично. Кодекс и означает собрание законов, т.е. нормативно-правовой акт, регламентирующий какую-либо сферу общественных отношений. Кодекс, как правило, значителен по объему и имеет одноотраслевую направленность. Этим параметрам не соответствовал бы Кодекс законов о судоустройстве.

В России наряду с Законом о статусе судей действует Федеральный конституционный закон "О судебной системе Российской Федерации". Такое распределение правовых норм по разным нормативно-правовым актам не приемлемо для нашей республики не только потому, что Республика Беларусь унитарное государство, но и потому что, с одной стороны, не исключено вынужденное дублирование правовых норм в целях достижения завершенности нормативно-правового акта, а с другой, – каждый из них ориентирует на регулирование лишь некоторых сторон общественных отношений, поэтому юридический вакуум неизбежен. Лучше социально-правовой статус судьи регулировать одним нормативно-правовым актом. Это будет способствовать более эффективному его применению.

В Болгарии действует Закон о судебной власти. В структурном отношении он включает в себя не только сугубо судоустройственные положения, но и такие, которые касаются прокуратуры, следствия, нотариата. Применительно к Республике Беларусь принятие аналогичного нормативно-правового акта неприемлемо, иначе пришлось бы принимать самостоятельные законы о законодательной и исполнительной властях. Надо учитывать, что любой нормативно-правовой акт должен быть доступным для понимания и удобным для применения. И если еще можно обсуждать вопрос об отдельном нормативно-правовом акте о законодательной власти, то в отношении исполнительной, в виду широкого охвата ею разнохарактерных отношений, это вовсе бессмысленно. Он не будет обладать надлежащими регулятивными возможностями. К тому же соответствующие разделы Конституции Республики Беларусь именуются по видам государственных органов, а не по названию ветвей государственной власти. Кроме того, суд имеет организационную и процессуальную стороны. Название же "закон о судебной власти" носит всеобъемлющий характер.

Все, что касается организационной стороны суда как государственного органа, предназначенного для осуществления правосудия, необходимо закрепить в едином нормативно-правовом акте, назвав его Законом о статусе суда.

По сравнению с понятием "судоустройство" понятие "статус суда" более емкое. Оно дает возможность охватить взаимоотношения, которые возникают между судом и органами законодательной и исполнительной властей, а также дифференцировать такие понятия, как "орган судебной власти", "субъект судебной власти", "аппарат суда", "функция правосудия", "компетенция суда", "юрисдикция суда", "судебная деятельность". Закрепление в законе общих понятий необходимо, чтобы более рельефно выразить роль суда в государстве, а также создать правовую основу для процессуального законодательства. Наличие такого комплексного закона позволит избежать множественности нормативно-правовых актов и в итоге – второстепенности некоторых из них. В соответствии со своим названием Закон о судоустройстве и статусе судей содержит две части: одна касается судоустройства, а вторая статуса судей. Но статус судей определяется статусом суда как государственного органа, его ролью в обществе. То, что действующий закон в своем названии содержит термин "статус судей", подчеркивает как бы "сословность" судей. Одного закона, определяющего статус государственного служащего, оказывается недостаточно. Судье присущи специфические черты государственного служащего. Это, конечно, не означает, что судья не имеет своего социально-правового статуса. Он есть, как и у каждой категории лиц, выполняющих определенные

функции. Но он предопределяется деятельностью судьи, которая регламентирована в процессуальном законодательстве. Поэтому было бы необоснованным принимать самостоятельный нормативно-правовой акт о статусе судей или присоединять правовые нормы, касающиеся статуса судей, к нормативно-правовому акту о судостроительстве. Вследствие этого наиболее приемлемо такое название закона: "Закон о статусе суда".

Наряду с понятием "судостроительство" с 80-х гг. стало широко употребляться понятие "правоохранительные органы". Проблемным остается вопрос, является ли суд правоохранительным органом и какие органы считать правоохранительными. К.Ф.Гуценко и М.А.Ковалев отмечают: "В действующем законодательстве по данному поводу четких указаний нет"⁸. Им возражает В.М.Савицкий, который со ссылкой на ст.72 Конституции Российской Федерации, где содержится выражение "кадры судебных и правоохранительных органов", а также название Федерального закона от 20 апреля 1995 г. "О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных органов и контролирующих органов", утверждает, что различие между судом и правоохранительными органами уже прочно усвоено не только в законодательстве, но и в юридической литературе⁹.

Некоторые авторы к правоохранительным органам относят такие государственные органы, которые выполняют функции конституционного контроля, осуществления правосудия, прокурорского надзора, расследования преступлений, оперативно-розыскные, исполнения судебных решений, оказания юридической помощи и защиты по уголовным делам, предупреждения преступлений и других правонарушений¹⁰.

Исходным для решения вопроса о том, какие органы относить к правоохранительным, является наличие правоохранительной функции государства. Эту функцию в той или иной мере осуществляют все государственные органы, т.е. органы законодательной, исполнительной и судебной властей, каждый в пределах своей компетенции. Иначе и быть не может. Для правового государства характерно действие правовых законов, которые удовлетворяют наиболее общие интересы всех граждан. Кроме того, правовому государству соответствует гражданское общество, где каждый гражданин может реализовать свои права в дополнение к тем, которые закреплены в правовых законах государства.

Каждый государственный орган имеет свое наименование. Отнесение к правоохранительным органам лишь некоторых государственных органов практически удобно, поскольку лишает необходимости всякий раз перечислять, какие именно имеются в виду. И все-таки понятие "правоохранительные органы" больше приложимо только к тем из них, которые специально созданы для борьбы с преступностью. К таким относятся органы МВД и КГБ. Для того чтобы не конкретизировать, к какой ведомственной принадлежности относится соответствующий орган, и употребляется это понятие, хотя само по себе оно носит несколько условный характер.

Сообразно состоянию законодательства и развитию юридической науки в юридических высших учебных заведениях до 1954 г. велось преподавание курса "Судостроительство". Затем этот курс был переименован и получил название "Организация суда и прокуратуры в СССР", а позднее – "Суд и правосудие в СССР". В 1989 г. этот курс получил название "Правоохранительные органы в СССР". В его программу входило изучение не только тех вопросов, которые касаются организации суда, прокуратуры, адвокатуры, но также и МВД, КГБ и других государственных органов и общественных формирований, призванных участвовать в борьбе с преступностью. С 1995 г. в Республике Беларусь вместо курса "Правоохранительные органы" учебный план предусматривает "Судостроительство". В Российской Федерации название осталось прежним – "Правоохранительные органы". В.М. Савицкий предложил свое название – "Организация судебной власти в Российской Федерации". Его он считает более удачным, поскольку в соответствии с концепцией разделения властей судебная власть — это политический и правовой феномен, который призван

сыграть решающую роль в построении правового государства, и студенты должны обладать знаниями об организации судебной власти¹¹. Что касается названия курса "Судоустройство", то, по мнению В.М.Савицкого, оно неблагозвучно и заужено по содержанию, не охватывает другие органы и организации, о которых объективно необходимо давать информацию, иначе предназначение суда окажется неясным и односторонним. К ним прежде всего относятся прокуратура и адвокатура, которые принимают участие в судопроизводстве и воздействуют на правовую систему¹².

И все-таки название курса "Судоустройство" является наиболее приемлемым, поскольку оно точно отражает изучаемый объект. Оно использовалось еще в дореволюционной России. Правда, по судебной реформе 1861 г. прокуратура и адвокатура в организационном отношении были не столь независимы от суда. В настоящее время они самостоятельны, однако без них суд не может функционировать. К тому же в этом курсе надо уделить надлежащее внимание структуре аппарата суда.

Конечно, в связи со значительным распространением термина "правоохранительные органы", а также тем, что в Российской Федерации нет общего закона о судоустройстве, термин "судоустройство" стал реже использоваться в законодательном и научном обороте. Однако это не снижает его продуктивности. Названия же учебной дисциплины и нормативно-правового акта, регулирующего статус суда в государстве, могут не совпадать, поскольку цели у них различны.

¹ См.: Положение о судоустройстве БССР: Постановление ЦИК БССР от 30 марта 1923 г. // СУ БССР. 1923. №4. Ст.40; Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о судоустройстве от 13 ноября 1988 г. // Ведомости съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1989. № 23. Ст.441.

² См.: Организация судебной деятельности. М., 1977. С.7; Михеенко М.М. Понятие и система принципов советского уголовного процесса // Проблемы правопреимущества. Киев, 1981. Вып.42; Агеева Г.Н. Принципы советского уголовного процесса, их сущность и значение // Труды ВЮЗИ. М., 1972. Т.20. С.6; Бибило В.Н. Конституционные принципы правосудия и их реализация в стадии исполнения приговора. Мн., 1986. С.18.

³ Смыкалкин А.С. Советское судоустройство: источники, систематизация, литература // Историко-юридические исследования правовых институтов и государственных учреждений СССР. Свердловск, 1986. С.10.

⁴ См.: Конституция Республики Беларусь. Мн., 1997.

⁵ О судоустройстве и статусе судей в Республике Беларусь: Закон Республики Беларусь от 13 января 1995 г. // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. 1995. №11. Ст.120.

⁶ Смыкалкин А.С. Указ. соч. С.10.

⁷ Мартинович И.И. О систематизации республиканского законодательства о судоустройстве // Весн. Беларус. ун-та. Сер. 3. 1980. №2. С.65.

⁸ Гуценко К.Ф., Ковалев М.А. Правоохранительные органы. М., 1995. С.2.

⁹ См.: Савицкий В. М. Организация судебной власти в Российской Федерации. М., 1996. С.4.

¹⁰ См.: Правоохранительные органы Российской Федерации / Под ред. В.П.Божева. М., 1986. С.11.

¹¹ Савицкий В. М. Указ. соч. С.7.

¹² Там же. С.1.

Т.Е.УШАКОВА

ПРАВОПРЕЕМСТВО И КONTИНУИТЕТ ГОСУДАРСТВ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ПРАКТИКЕ РЕСПУБЛИК БЫВШЕГО СССР

В международно-правовой доктрине принято проводить разграничение между терминами правопреемство государств и континуитет государств. В случае континуитета государство рассматривается как сохранившее юридическую личность, несмотря на то, что некоторые его элементы претерпели модификацию; при правопреемстве, напротив, происходит замена одного государства другим, и, как следствие, определенный дисконтинуитет.¹ Ключом к проблеме правопреемства государств является вопрос о международной личности государства.² Если она уничтожена – возникает полное правопреемство. Если потеряна только территория, в то время как личность государства и юридическая ответственность остаются неизменными, – частичное. Этот, казалось бы, ясный тезис тем не менее вызывает много затруднений на практике.

Ситуация с распадом Советского Союза породила аналогичную проблему: имеются ли у Российской Федерации правовые основания для продолжения международной личности СССР? Разрешение данной проблемы требует глубокого анализа предпосылок, оказавших влияние на правовое регулирование событий на территории бывшего Советского Союза.

Во-первых, это историко-правовые предпосылки создания СССР. Нельзя забывать, что и в то время вставал вопрос о правопреемстве и континуитете России. Революция 1917 г. и последующее объединение четырех независимых социалистических государств в 1922 г. привели к образованию "федерации нового типа, составные части которой, союзные республики, сохранили свой суверенитет и свою международную правосубъектность."³ В советской доктрине существовали различные точки зрения на роль революционных преобразований. Е.Коровин, Ф.Кожевников, Н.Захарова, А.Есаян в своих работах, посвященных революции 1917 г. в России, подчеркивали неизменность в юридическом смысле нового социалистического государства как субъекта международного права, различая при этом РСФСР до 30 декабря 1922 г. и СССР.⁴ Однако иное мнение поддерживали С.Крылов и М.Аваков.⁵ Их позиция заключалась в том, что внутренние изменения способны вызвать смену юридической личности государства. В этом случае основанием выступала смена государства как социально-экономической формации. Такой подход разделял и ряд западных авторов (Ф.Кауфман, Х.Д. Гонсалес Кампос)⁶, которые указывали на значимость экономического фактора в контексте внутренних государственных преобразований. В свете упомянутых событий применялась концепция правопреемства,⁷ и никто не выдвигал идеи унаследования СССР международно-правовой личности РСФСР, существовавшей в промежутке между 1917 и 1922 гг. В нынешней ситуации, когда произошел обратный процесс — разделение Союза, континуитет России также представляется сомнительным.

Во-вторых, на юридический анализ оказывает влияние объединение бывших союзных республик на новой основе. Наблюдается сложное политическое явление, когда распад сопровождается интеграцией, — ситуация, типичная для современной Европы. Создание Европейского экономического сообщества, вызванное стремлением объединиться для достижения общих целей, не препятствует распространению сепаратистских настроений в ряде европейских государств: Великобритании, Италии, Бельгии, Испании.

Объединение бывших союзных республик проходило с учетом сохранения независимости каждой из них. Воплощение первоначального проекта, а именно конфедеративного союза с чертами федерации, инициатором которого выступила Россия, могло бы стать правовой базой для перехода к такому союзу международно-правовой личности СССР. Однако этот проект не был реализован. Интеграция осуществилась в соответствии с Соглашением о создании Содружества Независимых Государств от 8 декабря 1991 г.⁸ Ни в указанном документе, ни в последующих договорах в рамках СНГ не предусмотрен континуитет Российской Федерации. Более того, в Соглашении о создании СНГ устанавливалось следующее: "Мы, Республика Беларусь, Российская Федерация (РСФСР), Украина как государства-учредители Союза ССР, подписавшие Союзный Договор 1922 г., констатируем, что Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование." Отсюда следует, что при наличии четко закрепленного в международном соглашении положения о "прекращении существования субъекта" было бы юридически неверно утверждать обратное, опираясь на косвенные обстоятельства, даже если таковых достаточно количество.

Например, Р.Мюллерсон указывает на размеры территории России как на одно из свидетельств в пользу ее континуитета. "Даже после распада Союза, — пишет он, — Россия осталась самой большой по сравнению с другими государствами, бывшими советскими республиками, даже вместе взятыми. Хотя отделились 14 республик, и с политической точки зрения мы можем говорить о разделении Союза, географически и демографически Россия

осталась одним из величайших государств в мире.⁹ Территориальный фактор имеет важное значение при оценке подобных событий, но в рассматриваемом случае, как и, возможно, во всех остальных, большее внимание следует обращать не на количественные изменения, а на качественные. Продолжение существования СССР было неоспоримо при отделении прибалтийских государств, когда 5 сентября 1991 г. постановлением съезда народных депутатов СССР была признана их независимость.¹⁰ И совсем иной случай представляет собой распад всего Союза, когда в едином государстве не осталось даже двух республик, ранее являвшихся его субъектами. Впрочем, и само понятие размера территории относительно. Территория Беларуси, хотя и не сравнима с территорией России, соответствует среднему размеру территории европейского государства, а территории Украины и Казахстана превосходят любое из них. Анализ территориальных изменений скорее приводит к выводу, что Россия не может идентифицироваться с бывшим СССР.

Более спорной и противоречивой представляется практика признания континуитета РФ со стороны других государств. Этот факт способен оказывать прямое влияние на правовую оценку, т.е. выступать одним из весомых аргументов в поддержку продолжения Россией международной личности СССР. Подобные положения содержатся в заявлении Госдепартамента США, в договоре с Францией от 7 февраля 1992 г.¹¹ Сюда можно отнести и заявление правительства Финляндии от 30 декабря 1991 г., в котором признается "статус России как правопреемницы бывшего СССР и одновременно десяти бывших советских республик как независимых государств."¹² Аналогичное заявление было сделано правительством Великобритании.¹³

Есть и иные примеры. Так, в заявлении правительства Швеции говорится, что оно "намерено признать Российскую Федерацию, Украину и Республику Беларусь в качестве независимых государств. Признание Швецией этих государств должно рассматриваться в свете последних событий, означающих, что Советский Союз прекратил существование."¹⁴

Помимо общего признания континуитета России выдвигается идея продолжения РФ международной личности СССР в частных вопросах. Среди аргументов выделяется Послание российского президента Генеральному Секретарю ООН от 24 декабря 1991 г.,¹⁵ в котором было заявлено о продолжении Российской Федерацией при поддержке стран СНГ членства СССР в Организации Объединенных Наций, в том числе в Совете Безопасности, во всех других органах и организациях системы ООН. Тем не менее членство в ООН сохранили также Республика Беларусь и Украина. Их участие в деятельности этой международной организации и ее специализированных учреждениях, с одной стороны, указывало на возможность субъектов бывшего СССР самостоятельно осуществлять международные отношения, с другой стороны, выявляло противоречие, позволившее этим республикам иметь в ООН своего рода двойное членство: в составе СССР и в личном качестве. Напрашивается вывод, что нынешняя Россия скорее продолжила членство России – республики СССР, чем всего СССР, разрешив тем самым упомянутое противоречие. В отношении членства СССР в ООН Россия осуществляла правопреемство. Это подтверждается как сторонниками континуитета России (И. Лукашук),¹⁶ так и его противниками (А. Талалаев).¹⁷

В российской печати упоминается и положение о дипломатических и консульских представительствах иностранных государств, аккредитованных ранее при органах власти бывшего Союза ССР и преобразованных соответственно в представительства при Президенте Российской Федерации, ее правительстве или министерстве иностранных дел, хотя "переаккредитации послов и консулов в этой связи не осуществлялось."¹⁸ А 3 января 1992 г. Министерство иностранных дел России нотой известило все дипломатические представительства, аккредитованные в Москве, о том, что дипломатические и консульские представительства бывшего СССР преобразуются в представительства РФ, а их главы становятся главами посольств и консульств Российской Федерации.¹⁹ Эти положения не являются свидетельством континуитета

России, они лишь подчеркивают наличие принципа континуитета в практике образовавшегося независимого государства. Наличие такого принципа отнюдь не равнозначно признанию континуитета как такового.

Российская доктрина в этом плане выглядит весьма неубедительно. Она пытается объединить два взаимоисключающих понятия правопреемства государств и континуитета государств в общей концепции: "Россия – государство, продолжающее СССР."²⁰ РФ, таким образом, рассматривается "не только как государство-правопреемник, но и как государство, продолжающее осуществление прав и обязательств СССР."²¹ Здесь же указывается, что "отличие государства, продолжающего осуществление прав и обязательств государства-предшественника, заключается в том, что нет необходимости в его формальном признании со стороны иностранных государств и международных организаций в качестве нового субъекта международного права."²² Возникает вопрос, о каком признании вообще может идти речь, если "продолжение" означает сохранение международно-правовой личности субъекта. Кроме того, сама практика государств, последовавшая за распадом Союза ССР, не давала основания для подтверждения такого заключения. Как мы уже говорили, позиции стран варьировались от прямого заявления о континуитете России (Финляндия, Великобритания и др.) до признания последней государством-преемником СССР (Швеция). Однако, признавая РФ государством, продолжающим СССР, Бельгия, например, в то же время, признала Россию суверенным и независимым государством.²³ Это как раз тот случай, когда, согласно российской доктрине, первое снимает необходимость второго.

Интересной в этом плане представляется позиция МИД Германии.²⁴ В ней отмечается, что относительно правопреемства государств необходимо различать два момента.

В случае отделения частей государства, которые становятся независимыми, старое государство продолжает существовать как субъект международного права. Следовательно, как субъект права оно идентично предшествующему государству и осуществляет его правоотношения без изменений. Таким образом, третьи государства не теряют своего партнера, сокращается только территориальная сфера его деятельности.

В случае разделения государства на новые, старое государство прекращает существование как субъект международного права. Все новые государства, возникшие на его территории, – правопреемники старого государства.

Что же касается того, какой из двух альтернатив необходимо следовать в конкретном случае, решающим будет мнение заинтересованных государств.

Со своей стороны, Федеральное министерство финансов Германии подтвердило юридическую идентичность Российской Федерации с бывшим Советским Союзом.²⁵ Было подчеркнуто, что, с точки зрения Германии, изменились только название государства и размер территории. Из этого следует, что к Российской Федерации переходят все права и обязанности, вытекающие из международных соглашений, заключенных бывшим СССР. Данное положение применяется и к советско-германскому сотрудничеству по двойному налогообложению. Такая позиция Федерального министерства показывает, что признание континуитета России со стороны Германии продиктовано отнюдь не усмотрением заинтересованных государств, т.е. бывших республик СССР, а интересами самой Германии.

Можно привести и иной пример из практики Нидерландов. При рассмотрении спора между Российской Федерацией и Pied Rich районными судами, апелляционным судом Гааги и, наконец, Верховным Судом Королевства в мае 1993 г.²⁶ утверждалось, что Российская Федерация должна рассматриваться в качестве государства-преемника бывшего СССР.

Из практики государств явствует, что, исследуя вопрос о том, какие последствия в конкретных случаях будет иметь признание континуитета или правопреемства государства, они принимают решения с учетом этих последствий. Тем не менее реальная ситуация иногда такова, что фиктивная идентификация нового образования с прекратившим существование государ-

ством, даже если с этим связано стремление третьих государств к стабильности международных отношений, невозможна. Вероятно, российская концепция "Россия – продолжатель СССР" и "Россия – генеральный правопреемник" вызвана к жизни именно попыткой сглаживания противоречий. Но противоречия нельзя устранить, руководствуясь противоречивой конструкцией.

Если Россия осуществляет континуитет, наследует международно-правовую личность СССР, это означает, что международно-правовая личность СССР не прерывалась, что СССР как субъект международного права не прекращал существовать. Остальные же республики отделяются и образуют независимые государства. Россия продолжает осуществлять все права и обязанности СССР, за исключением тех, которые связаны с отделившейся территорией, а значит, проблема правопреемства в отношении территории России не встает. РФ выступает государством-предшественником, так как обладает правосубъектностью СССР, а бывшие республики – государствами-преемниками. Такой подход исключает рассмотрение Российской Федерации в качестве государства-преемника. РФ не может одновременно являться государством-преемником в отношении какой-либо территории и государством-предшественником в отношении всей территории Союза ССР, "так как она не может быть государством-предшественником применительно к одной проблеме и государством-преемником применительно к другой."²⁷ Иначе говоря, ни с доктринальной, ни с юридической, ни с практической точки зрения концепция "Россия – продолжатель СССР и генеральный правопреемник" – неубедительна.

Природа территориальных изменений, коренные преобразования политической, социальной и экономической систем, исторический фактор, противоречивая практика третьих государств указывают на то, что Россия – новый субъект международного права и, наряду с другими государствами – республиками бывшего СССР, является государством-преемником.

Помимо упомянутых ранее Соглашения от 8 декабря 1991 г., закрепившего прекращение существования СССР, актов признания независимой России некоторыми западными государствами, правовым основанием для признания РФ государством-преемником может служить Декларация о государственном суверенитете РСФСР, принятая съездом народных депутатов РСФСР 12 июня 1990 г. По мнению Шинкаревой, эта Декларация стала актом определения новой личности Российского государства, идентичной личности союзной республики РСФСР и отдельной от личности СССР. Верность такого подхода подтверждают сами положения Документа, устанавливающие гарантии суверенитета:

полнота власти при решении всех вопросов, за исключением добровольно передаваемых в ведение Союза ССР;

верховенство Конституции и законов РСФСР на ее территории и приостановление действия актов Союза ССР, вступающих в противоречие с российским законодательством;

полномочное представительство РСФСР в других союзных республиках и зарубежных странах.²⁸

Не вызывает сомнения, что вывод: Россия – новое государство, правопреемник СССР, – подкрепляется большинством аргументов. Однако следует учитывать, что в международном праве возникновение новых государств всегда сопряжено с сохранением ими некоторых элементов своих предшественников, что позволяет им руководствоваться принципом континуитета при правопреемстве. Данный принцип в той или иной мере применяется в практике всех бывших союзных республик и не влечет признания продолжения кем-либо из них международно-правовой личности Советского Союза.

¹ См.: Aspects of the Law of State Succession. Helsinki Conference. Helsinki, 1996. P.3.

² См.: О Коннелл Д. Правопреемство государств. М., 1957. С.33.

³ Бровка Ю. Международная правосубъектность БССР. Мн., 1967. С.71.

⁴ См.: Есаян А. Некоторые вопросы правосубъектности и правопреемства в теории международного права. Ереван., 1963. С.4–6.

⁵ См.: Аваков М. Правопреемство советского государства. М., 1961. С.14–15.

- ⁶ См.: Gonzales Campos J.D. Algunas Consideraciones sobre las Problemas de la Sucesion de Estados // REDI. Vol.XVII. 1963. 3. P.561-562.
- ⁷ См.: Международное право / Под ред. Ю.Колосова, В.Кузнецова. М., 1994. С.142.
- ⁸ См.: Соглашение о создании Содружества Независимых Государств // Дипломатический вестник. 1992. №1. С.3.
- ⁹ Mullerson R. The Continuity and Succession of States by Reference to the Former USSR and Yugoslavia // ICLQ, 42. 1993. P. 476.
- ¹⁰ См.: Колосов Ю. Нельзя просто взять и уйти // Советская Россия. 1991. 7 дек.
- ¹¹ См.: Шинкарецкая Г. Проблемы правопреемства и границы Российской Федерации // Московский журнал международного права. 1995. №4. С.95.
- ¹² Government Bill 8/1992 on the Acceptance of the Agreement on the Foundation of Relations between Finland and Russian Federation // Finnish Treaty Series. 1992. 63. №63.
- ¹³ См.: House of Commons Debates. Vol.202, Written Answers col. 384. // UKMIL. 1992. P.639.
- ¹⁴ Documents on Swedish Foreign Policy. Stockholm. 1992. Doc..№57. P.170 and 416.
- ¹⁵ См.: Послание Б.Н.Ельцина Генеральному Секретарю ООН // Дипломатический вестник. 1992. №1. С.13.
- ¹⁶ См.: Лукашук И. Международное право: Общая часть. М., 1996. С.326.
- ¹⁷ См.: Международное право / Под ред. Г.Тункина. М., 1994. С.101.
- ¹⁸ О международном статусе России и других государств-участников СНГ как правопреемников СССР // Дипломатический вестник. 1993. №2-3. С.29.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Лукашук И. Указ. соч. С.327.
- ²¹ См. Дипломатический вестник. 1993. №2-3. С.29.
- ²² Там же.
- ²³ Communiqué de presse du ministre des Affaires etrangeres, ministere des Affaires etrangeres // Revue de la presse. 1991. 27 dec.
- ²⁴ См.: Federal Minister of Foreign Affairs, Deutscher Bundestag, Drucksache 12/3406, 3.
- ²⁵ См.: Official communication of the Federal Ministry of Finance. Bundessteuerblatt, 1992. I. 114.
- ²⁶ См.: Supreme Court, RvdW. 1993. №117 and S&S; 1993. №23.
- ²⁷ Илияс К. Правопреемство и континуитет в международном праве // Московский журнал международного права. 1992. №4. С.30.
- ²⁸ См.: Декларация о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической республики // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. №2. С.45.

К.Н.БЕЛОВ

СУЩНОСТЬ БАНКА И ПРОБЛЕМА ЕГО ОТГРАНИЧЕНИЯ ОТ НЕБАНКОВСКИХ КРЕДИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

В разное время было предпринято немало попыток дать определение понятия и признаков банка. Большинство авторов при этом отталкивались от тех функций, которые банки выполняют. Так, Г.Ф.Шершеневич называл банками "...предприятия, имеющие своей задачей посредничество в кредите. Их основной промысел состоит в отдаче в заем под проценты капитала, также занятого возмездно от лиц, располагающих свободными средствами"¹. Этой же точки зрения придерживался и Э.Я.Брегель, особо отмечая тот факт, что "банк выступает по отношению к вкладчикам в роли своего рода гаранта кредитоспособности заемщиков"².

М.М.Агарков относил к признакам, характеризующим деятельность банка, еще и выполнение последним различного рода поручений клиентов "по учинению и принятию платежей". Он же отмечал тот факт, что в советском законодательстве понятие "банк" зачастую подменяется понятием "кредитное учреждение"³.

Интересна точка зрения В.В.Иконникова, который считал, что "новая природа кредита и банков в социалистическом хозяйстве определяет их совершенно новую роль и функции". В этой связи он называл среди функций, свойственных банкам, аккумуляцию денежных средств, кассовое обслуживание народного хозяйства, производство эмиссионных операций, регулирование денежного обращения⁴. И.С.Гуревич особо подчеркивал важность планирования в деле собирания и распределения денежных ресурсов банками⁵.

Несколько определений коммерческих банков, раскрывающих их сущность, было предложено в последнее время. Так, Г.А.Тосунян и А.Е.Шерстобитов называют коммерческим банком учреждение, привлекающее вклады, которые

могут быть истребованы вкладчиком в любое время, и размещающее средства на коммерческой основе (на условиях возвратности и платности)⁶.

С данным определением не согласна Л.Г.Ефимова, которая указывает, что коммерческий банк не может быть назван "учреждением", так как в настоящее время коммерческие банки создаются как организации корпоративного типа и занимаются хозяйственной (предпринимательской) деятельностью. Следовательно, более правильным было бы называть их предприятиями. В связи с этим Л.Г.Ефимова определяет банк как особого рода предприятие, в деятельности которого деньги выступают в роли товара⁷.

Представляется, что выявить сущность коммерческого банка, исходя лишь из той роли, которую играют в его деятельности деньги, нельзя. Скорее, это один из признаков кредитных организаций в целом. Хотя, с другой стороны, признание того, что коммерческий банк является предприятием, позволяет решать не только теоретические, но и сугубо практические задачи. Так, в случаях, когда законодательством о банках тот или иной вопрос не урегулирован, должны применяться общие нормы законодательства о предприятиях. А это, несомненно, разумно.

Наряду с научными точками зрения существуют и легальные определения банков. Так, в соответствии со статьей 1 Закона РБ "О банках и банковской деятельности в Республике Беларусь", банками являются "государственные, акционерные, кооперативные и другие учреждения, привлекающие денежные средства и размещающие их в форме кредита, а также осуществляющие иные операции в соответствии с настоящим Законом"⁸. Это же определение практически дублируется в Положении о порядке создания, лицензирования и прекращения деятельности банков на территории Республики Беларусь №59, утвержденном Национальным банком РБ 15 июня 1998 г., но в нем лучше отражена лицензионная основа банковской деятельности.

Статья 1 Закона РФ "О банках и банковской деятельности в РСФСР" содержит еще более полное и удачное определение: "Банк – кредитная организация, которая имеет исключительное право осуществлять в совокупности следующие банковские операции: привлечение во вклады денежных средств физических и юридических лиц, размещение указанных средств от своего имени и за свой счет на условиях возвратности, платности, срочности, открытие и ведение банковских счетов физических и юридических лиц"⁹. Данное определение хорошо раскрыло основные функции банка, которые были ранее выделены в Основах гражданского законодательства Союза ССР и республик от 31 мая 1991 года (ч.1 ст.109).

В связи с многообразием деятельности банков в современных условиях все большую актуальность приобретает проблема их разграничения с иными финансово-кредитными учреждениями. Эта проблема существовала еще в дореволюционной России. В то время было принято подразделять кредитные учреждения на банки и предприятия, смежные с банками¹⁰.

Этому вопросу уделял значительное внимание М.М.Агарков. Он отмечал, что понятие кредитного учреждения шире понятия банка, что делает его несколько более бедным по содержанию. Он обратил внимание на то, что сам термин "кредитное учреждение" является неудачным, так как он не соответствует тому значению, которое придается в теории и законодательстве этому термину¹¹.

Представляется, что в настоящее время все негативные стороны использования термина "кредитное учреждение" в законодательных актах и специальной литературе возросли многократно. Это связано прежде всего с огромным количеством юридических лиц, занимающихся финансово-кредитными операциями. В этой связи с положительной стороны можно отметить термин, содержащийся в статье 1 Закона РФ "О банках и банковской деятельности в РСФСР", где такого рода юридические лица относятся к "небанковским кредитным организациям".

Основным признаком небанковских кредитных организаций Закон РФ называет возможность осуществления ими только отдельных банковских

операций. Очевидно, что наличие одного такого критерия недостаточно для четкого отграничения их от коммерческих банков. Телеграмма Центрального банка РФ от 6 января 1993 г. № 3-93 установила, что другими кредитными учреждениями признаются учреждения, располагающие уставным капиталом не менее 50 млн руб. Они не вправе выполнять операции по привлечению и размещению денежных средств населения.

В белорусском законодательстве данный вопрос не урегулирован вообще. Нет единого взгляда на данную проблему и в литературе. Некоторые авторы предлагают относить к коммерческим банкам такие кредитные учреждения, для которых основной деятельностью является кредитование. При этом они не придают особого значения тому, за счет каких средств (собственных или привлеченных) кредитование производится¹².

Другие основной упор делают на возможности коммерческого банка привлекать вклады населения и на невозможности совершения такой операции иными кредитными учреждениями¹³.

Г.А.Ухтуев отмечал, что зарубежные авторы под понятием "банк" подразумевают прежде всего прием вкладов (депозитов), ведение текущих счетов и проведение расчетов, краткосрочное кредитование¹⁴.

На этом фоне наиболее взвешенной и всесторонней выглядит позиция Л.Г.Ефимовой. По ее мнению, кредитное учреждение, для того чтобы называться банком, должно осуществлять либо все банковские операции, либо хотя бы две — привлечение свободных денежных средств от любых лиц (а не только от граждан) и расчетно-кассовые операции. Если организация осуществляет какие-либо другие банковские операции, то она является "другим кредитным учреждением"¹⁵. Отсюда можно сделать вывод, что банки должны иметь право осуществлять кредитные операции не только за счет собственных, но и за счет привлеченных средств. Другие кредитные учреждения — только за счет собственных средств.

Л.Г.Ефимова предлагает также по-разному осуществлять правовое регулирование деятельности банков и других кредитных учреждений: банки должны проходить государственную регистрацию в Банке России, а другие кредитные учреждения — в порядке, установленном для предприятий соответствующего вида. Лицензирование тех и других может быть осуществлено Банком России¹⁶.

С данным предложением нельзя согласиться, так как наличие нескольких регистрирующих органов не только создаст проблему разделения их компетенции, но и станет причиной трудностей в ведении централизованного учета зарегистрированных субъектов хозяйствования. Особенно актуальной проблема разделения компетенции регистрирующих органов может стать для акционерных банков, в том числе и для банков, созданных в форме ЗАО. В силу того, что акционерный банк — это прежде всего акционерное общество, на его регистрацию, могут претендовать сразу два органа: территориальный орган регистрации по месту расположения его юридического адреса (местная администрация) и Центральный банк. В связи с этим оптимальным вариантом решения проблемы регистрации субъектов хозяйствования представляется создание специального органа со своими территориальными подразделениями, занимающегося исключительно регистрацией субъектов хозяйствования и ведением государственного реестра. При необходимости же получения той или иной лицензии (в том числе и на совершение банковских операций) уже зарегистрированный в общем порядке субъект хозяйствования (например, закрытое акционерное общество) должен будет обращаться в соответствующий орган лицензирования (для возможности совершения банковских операций — в Центральный банк).

С проблемой разграничения банков и других кредитных учреждений тесно связан вопрос классификации коммерческих банков. Еще Г.Ф.Шершеневич подразделял кредитные предприятия по следующим критериям: 1) по субъекту (государственные, общественные, частные); 2) по организации субъекта (банки, банкирские конторы); 3) по назначению оказываемого кредита (ипотечные,

мелиоративные и торгово-промышленные банки); 4) по сроку, на который оказывается кредит (банки долгосрочного кредита, банки краткосрочного кредита)¹⁷.

В последнее время в специальной литературе были предложены новые классификации банков на основании значительно расширенного перечня критериев.

С практической точки зрения наиболее важным является подразделение банков на универсальные и специализированные. М.И.Кулагин отмечал, что если в XIX в. в кредитной системе наблюдалась тенденция к специализации кредитных учреждений, то в эпоху государственно-монополистического капитализма положение изменилось – стала преобладать тенденция к универсализации банковской деятельности. Банки стали заниматься самыми разными банковскими операциями¹⁸. Однако в настоящее время в развитых капиталистических странах различия двух этих типов банков становятся все более расплывчатыми и спорными. Это является следствием либерализации банковского законодательства.

Представляется, что на современном этапе развития банковской системы Республики Беларусь нет необходимости закреплять принцип специализации. Выбор круга операций и сферы деятельности должны самостоятельно определяться учредителями банка и его акционерами.

¹ Шершеневич Г. Ф. Учебник торгового права (по изданию 1914 г.). М., 1994. С.242.

² Брегель Э. Я. Кредит и кредитная система капитализма. М., 1948. С.124–125.

³ Агарков М. М. Основы банковского права. М., 1994. С.7, 9.

⁴ См.: Иконников В. В. Денежное обращение и кредит в СССР. М., 1955. С.25.

⁵ См.: Гуревич И. С. Очерки советского банковского права. Л., 1959. С.23.

⁶ См.: Правовое регулирование организации и деятельности банковской системы Российской Федерации в условиях рыночной экономики (исходные принципы) / Авт. кол. под рук. Г.А.Тосуняна. М., 1994. С.11.

⁷ См.: Ефимова Л. Г. Банковское право. М., 1994. С.29, 32.

⁸ Ведомости ВС БССР. 1990. №2. Ст.15.

⁹ Ведомости съезда народных депутатов РФ и ВС РФ. 1992. №9. Ст.391; №34. Ст.1966.

¹⁰ См.: Неболсин Г. П. Банки и другие кредитные установления в России и иностранных землях. СПб., 1890.

¹¹ Агарков М. М. Основы банковского права. С.10–11, 12.

¹² Банковский портфель (Книга банкира. Книга клиента. Книга инвестора). Т.1 / Отв. ред. Ю.И.Коробов, Ю.Б.Рубин, В.И.Солдаткин. М., 1994. С.108.

¹³ Правовое регулирование организации и деятельности банковской системы Российской Федерации в условиях рыночной экономики. С.11.

¹⁴ Ухтуев Г. А. Банковское право. М., 1990. С.10.

¹⁵ Ефимова Л. Г. Банковское право. С.45.

¹⁶ Там же. С.45..

¹⁷ См.: Шершеневич Г. Ф. Учебник торгового права. С.242.

¹⁸ См.: Кулагин М. И. Кредитные и расчетные правоотношения // Гражданское и торговое право капиталистических стран / Под ред. В.П.Мозолина и М.И.Кулагина. М., 1980. С.263.